

Получила от Духа Жайсана Умет уулу
и записала
Бюбю Мариям Муса кызы

Жайсан Умет уулу

АЙКЁЛЬ
МАЖАС

ДАСТАН

Книга первая

Поэтический перевод
на русский язык Аладиной Т.

Построчный перевод на русский язык
Мусаевой Э., Жакеевой Б.

«БИЙИКТИК»
Бишкек – 2010

УДК 821.51
ББК 84 Ки 7-5
У 52

Умет уулу Жайсан.
У 52 Айкель Манас: Дастан: Первая книга. Пер.
Т. Аладиной, Э. Мусаевой, Б. Жакеевой. –Б.: Бийик-
тик, 2010. –576 с.

ISBN 978-9967-13-709-7

Новая эпоха духовных исканий требовательна и тайны, приковывающие к себе человеческий ум на протяжении тысячелетий, поощряя непраздный интерес, возможно, заново открывают Искателю дороги к ним. Одна из них перед вами.

Ценная информация, полученная нашей современницей Бююю Мариям от духа Жайсана Умет уулу – участника исторических событий между китайцами и кыргызами в конце VI – начале VII веков н.э., соратника и приближенного легендарного кыргызского правителя и полководца Манаса – в период с 1995 по 2009 годы, была опубликована в 2010 году на кыргызском языке в десяти томах под названием «Айкель Манас», которые практически сразу же стали бестселлером. Ценная не из-за точных исторических сведений, касающихся корней самых разных народов и их обычаяев, территорий, их названий и климата, войн и союзов, хотя само по себе это весьма значимо, учитывая затрагиваемое временное пространство – с времен «до н.э.» и по сегодняшний день, но из-за откровений, раскрывающих суть повседневных вещей и явлений во взаимоотношениях человека с миром духовным и физическим. Безусловно, заслуживает внимания и тот факт, что впервые мы, в качестве современников можем наблюдать столь длительную связь между представителями разных измерений, как является интересной и идея реинкарнации в книге, не новая для религий мира, однако чуждая мусульманам, каковыми в большинстве являются кыргызы.

Замечательный перевод первого тома «Возвращения Алмамбета» на русский язык осуществила Татьяна Аладина – почитательница дастана (сказания в стихотворной форме), – который позволит русскоязычному читателю максимально реально погрузиться в поразительную атмосферу прошлых веков и мистического настоящего. В мир, который мы не знаем, но стремимся и боимся узнать...

У 4702300200-10

ISBN 978-9967-13-709-7

УДК 821.51
ББК 84 Ки 7-5

© Бююю Мариям Муса кызы
© Татьяна Аладина, 2010.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ РЕДАКТОРА

За последние двадцать лет в Кыргызстане произошли два важных события. Они очень значимы для каждого из нас. Первое – 31 августа 1991 года. Второе – в 1995 году.

Конечно, мы все знаем, что 31 августа 1991 года Кыргызстан обрёл свою независимость вместе со всеми союзными республиками, когда могучее Советское Государство вдруг неожиданно распалось. Хотя и в Кыргызстане никто не был готов к такому повороту событий, так как все привыкли жить в единой громадной стране с единой валютой, единой армией и единым экономическим пространством, но, наверное, народы, населяющие СССР чем-то заслуживали совершенно новый сюрприз судьбы, когда каждый должен был выживать самостоятельно, рассчитывая в основном на свои силы и средства.

В этих новых условиях Кыргызстан сумел показать себя передовиком по многим показателям. В начале эти показатели были большей частью отрицательными. Мы первыми развалили народное хозяйство, оставив без работы около половины всего населения. А народ хотел выжить, не то что хотел, должен был выжить. Поэтому у народа стал просыпаться инстинкт самосохранения: кто-то ударился в бизнес, кто-то пустился в ближние и дальние просторы в поисках своей лучшей доли, в кто-то погряз в коррупции. На фоне такой всеобщей неразберихи стал закладываться хороший фундамент рыночной экономики, на чём весь цивилизованный мир держится и успешно развивается. Многие серьезные аналитики экономики и общественной жизни признают сей факт в нашей рес-

публике и пророчат бурный рассвет экономики и духовной жизни народов Кыргызстана. Это стало возможным благодаря инстинкту самосохранения, который пробудился как раз вовремя, чтобы выжить, выстоять, а затем скинуть с высокого государственного поста первых двух президентов за то что они оба не оправдывали надежду народа. Да, вот так хребет коррупционного строя сломлен, теперь мы стоим перед бурным рассветом экономики и в ближайшие годы займём своё достойное положение в СНГ.

За этим позитивом последует и духовный рост народа. Серьёзной подмогой в этом росте может стать второе важное событие, о чём в начале статьи я упомянул.

Это событие началось в 1995 году, как раз тогда, когда мы отмечали 1000-летие эпоса «Манас».

То, что эти два события совпали, – то же неслучайность.

Сначала в этом событии принял участие всего один человек и дух Жайсана Умет уулу, который был одним из сорока чоро Айкёля Манаса, а также акыном-сказителем. Как раз он и является первым сказителем дастана «Айкёль Манас».

Первым человеком, принявшим участие в том интересном событии была Бюбю Мариям Муса кызы. В ту пору она жила в селе Чаек Жумгальского района и занималась народным целительством. Однажды, точнее, в первых числах апреля 1995 года с нею приключилось чудо: она встретилась с духом Жайсана Умет уулу, (когда, как, в каких условиях, почему и за что именно она встретилась, – обо всём узнаете прочитав дастан «Айкёль Манас» и баян «Бюбю Мариям»), и стала получать информацию из эпохи Айкёля Манаса. Их записывала в тетрадь, затем передавала это Шакину Эсенгулову, писателю, который в тот момент у неё печился. А он полученную информацию печатал на машинке. Когда первая книга была завершена, он её опубликовал под названием «Жайсан».

Вот так это событие стало достоянием общественности.

Новую письменную версию дастана не все сразу поняли, не все сразу восприняли.

Несмотря ни на какие трудности и препятствия Бюю Мариям продолжала получать информацию и написала десять томов дастана.

В настоящее время она также неустанно трудится и пишет продолжение великого творения.

Это событие является несравненно великим вкладом в культуру, литературу и историю Кыргызстана.

Со временем сей факт будет признан огромным достоянием и всего мирового сообщества. Масштаб, глубина, высота и многое другое в дастане «Айкёль Манас», – всё это даёт нам право заявить об этом уверенно и твердо.

Главным отличием дастана от других великих творение является то, что это не плод воображения и фантазии человеческого ума, а ценная информация, передаваемая через посредника, – обычного человека БююМариям. В передаче этой информации заинтересован сам дух Жайсана Умет уулу, который создал это творение еще в седьмом веке нашей эры, но к сожалению, оно не было сохранено ни в устном, ни в письменном виде. И еще, посредник, кому можно было бы доверить эту информацию, выбран тоже самим духом Жайсана Умет уулу. Значит, она подходила лучше чем кто-либо для этой задачи.

Да, выбор был неслучайным и безошибочным. Благодаря ей, –Бюю Мариям Муса кызы, мы имеем дело и самым загадочным явлением, – имеем доступ к письменному варианту дастана, который дополняет наше представление об Айкёле Манасе и об его эпохе.

Оказывается, Айкёль Манас был не только бесстрашным героем и полководцем, но и самым мудрым правителем и поэтому сумел собрать в одно целое многие раздробленные племена кочевников.

Оказывается, его период правления могучим кыргызским государством относится к седьмому веку нашей эры.

Оказывается, Алмамбет, самый приближенный человек Манаса, ни чем не уступающий ему ни в храбости, ни

в мудрости, не был сыном Азизхана, а был сыном кыргызского народа, просто обстоятельства сложились так, что он родился в семье Азизхана и вырос как его сын. Когда ему исполнилось сорок два года, он узнал всю правду о себе и вернувшись к себе на Родину служил верой и правдой до конца своей жизни своему народу.

Оказывается, бабушка Айкёль Манаса по отцу – Парвати эне родилась и выросла в Индии, затем волею судьбы оказалась в горах Ала-Тоо, где замуж вышла за Ногой хана и у них родились два сына – Чыйырды и Жакып. А прабабушка его по линии матери – Зулайха эне была дочерью арабского хана Аль-Аюба, но после его трагической смерти жестокий и бурный водоворот событий бросил её тоже в горы Ала-Тоо, там её выдали замуж за Теке Батыра, у них появился сын Эштек хан. А у Эштек хана родились двое детей: сын – Жамгырчы, дочь – Батмазура...

Оказывается, до сих пор нам было известно совсем мало, хотя много было устных вариантов эпоса...

С появлением письменной версии дастана многие пробелы устранены. Искаженные факты исправлены. Имена забытых героев восстановлены.

Никто не остаётся равнодушным после прочтения дастана. Практически у каждого пробуждается достоинство за себя, за народ, за предков и возникает желание исправить и себя и весь окружающий мир.

Одним словом, так много причин, чтобы сравнить появление дастана «Айкёль Манас» с обретением независимости Кыргызстана! Оба события поставить в один ряд!!

Да, да, именно так!

Действительно, за последние двадцать лет в Кыргызстане произошли два очень важных события!..

С уважением, Жумадин Кадыров.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АЛМАМБЕТА

РАЗДЕЛ МЕДИТАЦИЙ

(Первая часть)

В книге использованы рисунки, выполненные БюБю Мариям Муса кызы в состоянии медитации. Это портретные наброски героев дастана, один из них, изображающий главного героя – Айкёля Манаса на печально известной горе Тал-Чоку, ставшей стержневым эпизодом повествования, использован несколько раз.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Повеление. В жизни я понимала лишь прямое значение этого слова. Как необходимость выполнения сказанного человеком, который выше по должности или старше тебя. И пока лицом к лицу не встретилась с Божьей Волей, Волей Судьбы, как и многие мои современники, не придавала этому значения. А оказалось то, что издревле называется Волей Судьбы, это бесспорная правда. Если бы не Воля моей судьбы, то в возрасте после 40 лет, став уже бабушкой, разве встретилась бы я с действительностью похожей на сказку?

С девяти лет состояла на учёте у врача с диагнозами: ревматизм, ревматоидный порок сердца, плюс ко всему этому с детства страдала болезнью талма¹. Сначала 1980 года и до начала девяностых годов была оперирована девять раз под общим наркозом. В эти годы со мной происходили непонятные вещи. После многих случаев, в кото-

¹ Талма – болезнь, в основном передаваемая генетически, и схожая с признаками эпилепсии. У человека страдающего с болезнью талма практически не обнаруживаются никаких физиологических отклонений или дефектов, но у него периодами отключается сознание на какой-то период (иногда на несколько мгновение, а иногда надолго), затем он приходит в себя, встанет и может заняться тем, чем занимался, как будто ни в чем не бывало. Обычно люди с талмой от других чем-то отличаются. Они сверхчувствительны. У них редкие способности. Или же наоборот, они бывают отсталыми и тупыми. Одним словом, они не такие как все. Медицина и психология в Кыргызстане пока что не в состоянии определить и объяснить талму.

рые трудно поверить, я убедилась в том, что всё на этом Белом Свете и живое, и не живое находится под наблюдением и управлением одной Великой Силы. Я вступила на тропу выполнения своего предназначения на этом Белом Свете.

Если когда-то искала средства для излечения своей невыносимой болезни, то теперь стала искать средства для излечения других больных. В один из таких моих дней, полных забот, точнее 30 августа 1993 г., ко мне пришёл писатель Шакин Эсенгулов. Он не прислушался к тому, что я мужчин не принимаю, пристыдил меня и уговорил ввести его в трансовое состояние.¹

– Если завтра появится астральный знак², приму, не появится, не приму, – сказала я и проводила его.

31 августа, не увидев никакого знака на своем теле, он пришёл, приготовившись надо мной посмеяться.

Я впервые видела агая,³ с тех пор, как училась в школе. В народе были разные слухи о нём,

¹ Трансовое состояние – с 1992 года по 1998 годы когда Бюю Мариям занималась целительством, применяла особый метод, известный только ей, с помощью которого больных людей вводила в определенное состояние и определяла диагноз каждого. После диагноза кого-то оставляла лечиться у себя, кого-то отправляла или врачам, или другим целителям. Иногда кому-то отказывала и в лечении, и даже в советах, просто возвращала домой. Вот этот самый первый контакт с больным, когда она воздействовала на него своей энергией, чтобы определить диагноз, Бюю Мариям называла трансовым состоянием. Но силу воздействия практически никто не замечал.

² Астральный знак – на следующее утро на теле у больного появлялся еле заметный знак, обычно на руке, точнее на внутренней стороне между суставами локтя и кисти. Если знак появлялся, то его могла расшифровывать только сама Бюю Мариям, и согласно подсказкам появившихся знаков, принимала решение как быть с больным. Данный знак она называла астральным знаком, так как это уже было результатом её общения с астральным телом больного

³ Агай – почтительное обращение к старшему мужчине.

и в душе я не очень его уважала, поэтому тоже хотела, чтобы знака не было. Но оказалось, что перешагнуть через Волю Судьбы невозможно. Я смазала вазелином внутренние части рук в локтевых сгибах агая и положила на них свои руки. Когда через 20-30 секунд, убрав руки, увидела появившиеся знаки, то от удивления, кажется, перестала дышать. А агай, и без того выпученные глаза, ещё больше вытаращил. Мы долго и безмолвно смотрели на сочившуюся кровь с его рук. Разговор начался я.

– Агай, знак появился, протяните правую руку.

Правой рукой нашупала его пульс, а левой проводила со лба вниз и рассказывала ему где, в каком месте у него болезни. Когда моя рука дошла примерно до почек, я остановилась, не в силах сказать то, что почувствовала.

– Агай, мне не хочется говорить, что здесь есть. Я буду вас лечить столько, сколько хватит сил. Если моих сил не хватит, обратитесь к врачам.

Агай прямо посмотрел на меня своими вытащенными глазами, в которых отразилось невыносимое страдание, и нетерпеливо заговорил:

– Там у меня почка, в почке камень. Я ведь это вам говорил.

Меня задел его рассерженный тон. Тогда я его руку положила на место, где была опухоль, примерно там, где селезёнка, и сказала:

– Я не говорю о камне в почке, я говорю об этой твёрдой опухоли. С каких пор она у вас появилась? Что говорят врачи?

Агай потрогал твёрдую опухоль объемом с пиалку и, не скрывая удивления, спросил у меня:

– Что это? Я сам впервые заметил. От боли не могу спокойно лежать ни на боку, ни на спине.

Полежу немного на животе, согнув колени, затем встаю и хожу, потом сажусь. В общем, места себе не нахожу. Врачи сказали, что эта боль в почке от камня, поэтому я получал уколы. Услышал о вас и решил показаться. Вообще, что это за болезнь? – спросил он озабоченно.

Я повторила свои слова, что буду лечить его столько, сколько хватит моих сил, а если не получится, тогда пусть обратится к врачам.

То, что это знак Великой Силы, тогда ни агай, ни я не приняли к сведению.

...Характер у агая очень сложный, вообще, никто и ничто ему не нравится. Все настойки, отвары и порошки разных лекарственных трав он принимал, тщательно их проверив. И хотя я была недовольна, но по условию знака, который был сначала показан, не имела права отказаться от этого человека, и вынуждена была его лечить. Я всегда относилась к нему очень внимательно. На все его вопросы старалась сразу ответить. Прошло два года со дня нашей встречи. Намного облегчились его страдания, но всегда, как и в первый раз, я также внимательно относилась к нему.

К празднованию 1000-летия эпоса «Манас», агай вместе с артистами очень усиленно готовился в театре, и к вечернему приёму ко мне пришёл, изрядно устав. Долго, молча лежал, я очищала гной его раны. Агай приподнялся и, взглянув мне прямо в глаза, сказал:

– У каждого произведения, считающимся народным, был автор, но имя его забывалось, и оно становилось народным. И у эпоса «Манас» был автор. Как это весь народ мог собираться и созда-

вать эпос? Вы во время медитации¹ не могли бы узнать, кто был автором эпоса «Манас»?

Я просто пожала плечами, внутренне почувствовав – агай не верит, что я медитирую.

Через несколько дней я стала участницей неизвестного события, которому обычный человек навряд ли бы поверил.

Во время очередной медитации я была в состоянии транса² и получала нужную информацию, но вдруг неожиданно прия в себя, обнаружила, что стою в реке Жумгал.

Вода, которая была выше колен, оказалась настолько холодной, что мои ноги ломило от холода. Я почему-то держалась за ветку дерева: то ли осинь, то ли ивы. На небе светила полная луна. Вдруг

¹ Медитация – это волшебное слово всем известно, но не всем понятно. К тому же его каждый понимает по своему, у Бюю Мариям к этому слову особое отношение и особенное понимание. В 1992 году, когда она получила посвящение и стала на путь зناхарства, один из её наставников научил ее выходить на медитацию. Как вы уже заметили, здесь применено слово «выходит», значит она во время данного занятия куда-то выходит. Куда же? Она выходила, во-первых, за пределы села, в стороны высоких гор, где очень мало людей, во-вторых, за пределы своего тела, прибегая к всемогущим способностям души, затем совершая путешествия в другие измерения, получала разные информации. Не всегда она понимала значение полученных данных. В основном она интересовалась информацией, нужными ей в лечении больных. Зная эти моменты из её жизни, Шакин Эсенгулов даёт ей задание узнать, кто же является самым первым автором эпоса «Манас».

² Транс – состояние тела и души Бюю Мариям во время ее медитации, похожее на невесомость и бестелесность, в такие моменты для нее и время, и расстояния, и разные препятствия не являются барьераами. Она только помнила себя до начала и после завершения медитации, а сам процесс медитации практически не помнила, так, как ее разум временно отключался. Наверное, временно срабатывал сверхразум, который просто напросто не вмешался в пределы обычного разума и сознания. Всегда было вот так, но, этот раз прямо во время медитации она вдруг пришла в себя и обнаружила, что стоит в воде реки Жумгал.

Обо всем этом подробно написано в книге – повествовании «Бюю Мариям» Ж. Кадырова.

услышала голос: «Свет мой, отодвинь-ка веточку». Чувства, которые ощущила после этих слов, невозможно описать. Я сильно испугалась и не замечала холода воды. Через некоторое время всё-таки отодвинула веточку и... увидела силуэт человека, висящего вниз головой на луче света, который почти не отличался от света луны. То ли этот таинственный человек с белой не густой бородой вытянул меня, то ли что-то вытолкнуло меня вверх, но я вылетела из воды, как пробка...

Что было после этого, не знаю, но когда пришла в себя, поняла, что стою недалеко от своего дома. Моё платье было по пояс мокрым. Несмотря на то, что было уже начало апреля, но ещё кое-где лежал снег, и было холодновато. А я не чувствовала холода. Пряча за пазуху свою тетрадь с записями, быстрым шагом добралась до дома.

Когда стала расшифровывать информацию, полученную во время медитации, удивилась тому, что слова «Лето-Цифра» повторялись несколько раз. Не понимая, на какой вопрос был дан этот ответ, выяснила сам вопрос. Оказалось, что у меня в уме был вопрос: «Кто же является первым сказителем произведения «Манас»?

Я хотя далека от всех видов литературных жанров, но почему-то хотела выяснить, да и к тому же во время медитации, самого первого автора произведения «Манас». Я поняла, что это был ответ на мой вопрос, который был задан именно на русском языке, поэтому ответ получила тоже на русском языке. Решила его перевести на кыргызский язык: лето – жай, цифра – сан. Получилось слово Жай-Сан, значит, имя первого автора Жай-Сан.

Когда Шакин агай пришёл ко мне полечиться, я задала ему вопрос:

– Агай, знаете слово «Жай-Сан»?

– Что-то знакомое, а что это – название местности или имя человека?

– Это имя первого сказителя эпоса «Манас».

– А может, Жайсан?¹

– Нет, агай, по-киргызски слово «Лето», означает «Жай», а «Цифра» – «Сан», значит – «Жай-Сан».

На этом наш разговор закончился, агай ушёл домой.

После той медитации, когда встретилась с Загадочным Старцем, я долгое время побаивалась выходить на медитацию.

В июне, перевезла Шакин агая вместе с его семьей, на жайлоо² к моему сыну Талаайбеку.

Должна была лечить его отваром аконита. Отвар этой травы я тоже принимала с 1989 г.

3 июля, вечером вышла на Сарыжон³, и так как это был шестой день луны, можно было слиться с природой и получить космическую энергию. Я сосредоточила свои мысли в одну точку, мир остановился. Послышался громкий стук. Человек, общий светом густо-красного цвета, высокого роста, с проседью в бороде, протянув правую руку вперед, придерживая полу своего чепкена⁴ левой рукой, проходя среди множества трупов людей и лошадей, тихо пел и плакал. Почувствовала неприятный резкий запах, меня стошило, и поэтому пришла в себя.

¹ Жайсан – в кыргызском языке есть буква «ң», в произношении сходная английской «ng». Из-за отсутствия в русском алфавите похожей буквы, слово Жайсан будет писаться через «н».

² Жайлоо – пастбище, куда выгоняется скот, и куда переселяются на лето.

³ Сарыжон – название местности, холма. досл. «Желтый холм».

⁴ Чепкен – верхняя одежда.

В своей тетради увидела записи, похожие на рисунки малыша. Я стояла рядом с большим кустом можжевельника, взяла в руки его ветку:

– Прости меня. Можно, я отломлю эту ветку, ставшую свидетельницей сегодняшнего моего видения?

С этой просьбой отломила ветку и направилась вниз к дому.

Утром пришёл лечиться Шакин агай. Перевязывая его рану, рассказала ему, что видела.

На его вопрос, смогу ли я увиденное описать в словах, кивнула головой, давая понять, что смогу. Показала ему строки стихов, которые расшифровала рано утром. Я в то время не понимала значение и смысл тех строк. Это были длинные, длинные строки стихов. Агай просил их у меня, но я не отдала стихи, а прочитала запись сама. Эти, непонятные для меня строки стихов, агай слушал с большим вдохновением. Глаза его как-то необычно загорелись. Я удивилась тому, что стихи так сильно подействовали на него. Не знаю, по какой причине, но, когда рассказывала агаю о том, что видела на поле боя, у меня стало горячо возле поджелудочной железы. Я почувствовала, что вхожу в необычное состояние. Спешно перевязав рану агая, отправила его и, кажется, провалилась в бездну, у меня случился приступ талмы. Когда пришла в себя, был уже полдень. Расшифровала знаки, которые записала ночью, и строки стихов, которые прочитала утром агаю, снова расшифровала.

06.07.1995 г. 10-й лунный день.

*Свет мой, открыв свою душу ты,
слушай тайну мою, из груди*

*льётся печальная песня моя,
слушай её, я пою так века.*

*Не умолкая пою, слёзы лью,
не уместить в сердце печаль мою.*

*Услышав Голос таинственный, я
очи открыл свои, придя в себя.*

*Тогда поле битвы увидел я,
с того времени и с того дня*

*без остановки слёзы я лью,
не умолкая, с тех пор пою.*

*Плачу, душа моя сжата тоской,
об отваге батыров веду рассказ свой,*

*о мужестве Шера¹ своего.
Долина и вот это поле всё,*

*было заполнено мертвецами.
Души людей, разлучённых с телами –*

*множество их потерявшимся, я
их ночью, днём слышу, вижу всегда.*

*Нет ни мгновенья, чтоб я замолчал,
без передышки петь продолжал.*

¹ Шер – здесь имеется в виду Айкёль Манас.

*Тоска и боль сжали душу мою,
горестно песни свои я пою.*

*Усыпав землю, шейиты¹ лежат,
и вечным сном батыры те спят.*

*В Великом Походе² погибли они,
растопчили их матери, "Честь береги", –*

*так говорили они им всегда.
Слушай внимательно ты меня,*

*не нарушая мысли мои,
ты слова эти сердцем прими.*

*Свет мой, на батыров моих взгляни,
пусть народ вспомнит теперь о них.*

*Послушай сейчас слова мои,
без искажения помни их ты.*

*Из костей белых курганы стоят,
это скелеты тулпаров³ лежат.*

*Были когда-то живые они,
бежали стремительно те скакуны,*

*искры копытами высекали,
жарким дыханием обдавали,*

¹ Шейиты – отдавшие жизнь, павшие, защищая веру, религию или Отчизну.

² Поход – двухсоттысячное войско кочевников, под предводительством Айкёля Манаса, совершило Великий Поход на Китай примерно, в 723–725 годах нашей эры. Здесь говорится о том Великом Походе.

³ Тулпар – прекрасные скакуны невероятной монстризации и быстроты.

*когда на камень они наступали,
то этот камень в песок превращали.*

*Их покровитель был Камбар-Ата¹,
ушли из жизни они навсегда.*

*Вместе с батырами в бою пали,
сказкой они для живых потом стали.*

*Те совершенные скакуны,
их покровитель Камбар-Ата, они*

*лежат, уйдя в свой последний путь,
но, издеваясь, глаза им клюют*

*сороки. Достойны, ведь, похвалы
тулпары, долг выполнили свой они.*

*И, если потомкам не расскажу я
о них, души коней обижу тогда.*

*Поле сражения – чужая земля,
много людей погибло тогда.*

*Чужие и наши люди лежат
вместе с конями, вечным сном спят.*

*Заполнив всё поле, лежат кости людей,
перемешавшись с костями коней.*

*Среди костей высохших хожу,
слёзы кровавые я свои лью.*

¹ Камбар-Ата – по поверию кочевников у каждого домашнего животного тоже имеется покровительствующая сила. У лошадей – Камбар Ата, у коровы – Ойсул-Ата и т.д.

*И, словно срубленные тополя,
лежат на земле батыры, и я
превратил в песню свои все слова.
Если песней-дастаном станет она,
и если люди дастан обретут,
и не забудут батыров, найдут
в нём образец, для детей их тогда
будет примером дастан этот всегда –
как жить, традиции не забывать,
Великой Жизни путь продолжать.*

*Поле широкое, впадину я
сделал Отчизной своей навсегда.*

*Свет мой, об этих воинах я
не умолкая, пою скорбя.*

*В груди тоска уместиться не может,
слёзы и боль душу мне гложут.*

*О батырах, сражавшихся против врага,
об их отваге, о том, что видел я,
хочу передать точно в песнях своих,
мечтаю, услышал народ чтобы их.*

*За собой оставив, многие века,
к вам пришёл я через времена.*

*Эй, потомки! Знайте, существую я,
и о вас забочусь, знайте же, всегда.*

(Два четверга подряд новой луны).

ВТОРАЯ ГЛАВА

ЗНАКОМСТВО

02.08.1995 г. 7-й лунный день. 22° 1' 34" 66° 42'

Усугубилось непонимание в семье и, не завершив лечение, мы спустились с жайлоо.

Агай уехал в город по делам. Скончалась бабушка моей пациентки Гульмиры, и чтобы помочьться за её душу, я поехала в село Дыикан и у неё осталась ночевать. Когда сумерки настали, я, выйдя во двор, чтобы совершить омовение, неожиданно почувствовала знак, что я должна медитировать. Поставила кумган¹ рядом с изгородью и пошла в сторону холма. Когда проходила мимо кладбища, услышала звук, похожий на тяжелое дыхание, и почувствовала, как по телу побежали «мурашки». Я очень обрадовалась, когда знакомый силуэт Загадочного Старца положил свою руку на моё правое плечо. Почувствовала, как через руку к его неуклюжему силуэту уходит мое тепло.

Вообще-то на следующий день я собиралась пойти на мазар² с двумя-тремя женщинами, которые у меня лечились. Я не поняла, почему вдруг вспомнила о тех женщинах, которые молились

¹ Кумган – ёмкость для воды до трех литров. Кумган применяется только для умывания лица или омовения тела.

² Мазар – святое место по народному поверию или же по религиозным соображениям, куда люди идут совершить паломничество.

Богу, мечтая родить детей. Образ каждой из них предстал предо мной, и в душе как всегда попросила, чтобы их мольбы дошли до Бога.

...Мы оказались в одном чудесном месте, я набрала воду из звонкого родника в пригоршни и напилась. Бархатный голос негромко пел, звон родника сопровождала грустная песня словья, моё тело, кажется, растаяло и я слилась с ними.

02.08.1995 г. 7-й лунный день. 1' 35; 4' 26''

*В прекрасную лунную ночь¹ слух мой
увидел, горечи полный глас твой.*

*Молясь Всевышнему истово ты,
о ребёнке просила, слёзы твои*

*горькие, душу мою сдавили,
то, что не ради себя просила,*

*а ради других так молилась ты,
понравились мне молитвы твои.*

*"Улуу Тогоол² настало", – я
тогда очень плакал, так говоря.*

*Свет мой, ведь, чувство долга твоё,
мужскому нраву присуще оно –*

¹ В ту прекрасную ночь полнолуния – примерно за год до этого Бюю Мариям взяв с собой молодую женщину, у которой не было детей, совершила паломничество на мазар Жумгаль Ата, и, обращаясь к покровительствующей силе этой святой местности, а также к Всевышнему, просила дитё для неё. Оказывается, на этот её поступок и обратил внимание Жайсан Ата. Он об этом и рассказывает.

² Улуу Тогоол – астр. особое время, когда небесные тела занимают определённое место по отношению друг к другу и влияют на судьбу людей.

*твёрдость имеешь характера ты,
нежность и мягкость твои тоже черты.*

*Можешь отдать жизнь ты ради других,
готова невзгоды терпеть ради них,*

*и не задумываешься о том.
Ты растопила лёд в сердце моём,*

*из моей души грязь убрала,
как в молоке искупался я,*

*и стал Светлым Пиром¹ я для тебя,
тем, кого так давно ты ждала.*

*Свет мой, предание слышала ли
о двух друзьях? Составляют они*

*пенде² одного, но в вечность когда
уходит он, узы дружбы тогда*

*разрывают эти два друга,
жить не могут они друг без друга.*

*Если не слышала об этом ты,
тогда внимание своё обрати*

*на то, что сейчас расскажу тебе я,
слова предания есть истина.*

*Конец загадочный суеты,
и жизни бренной увидишь ты.*

*В тебе два друга эти живут.
Два?.. Давай обсудим, в чём суть.*

¹ Светлый пир – покровительствующая сила.

² Пенде – обычный земной человек, со слабостями и недостатками.

*О душе – жан-дос¹ должна знать ты,
то разум, воля и чувства твои.*

*Испокон века люди земли
через сознание, разум они*

*связь со Вселенной имели, и мы
этим обязаны чувствам своим.*

*Тело – дене-дос² оставаться должно
в земле, из неё создано оно.*

*Из двух друзей состоит пэнде. Ты
поняла, что верны слова мои?*

*Свет мой, последние мои слова
помни, неопровергима в них истина.*

*Создатель тайну свершит тогда,
когда друзей разлучит этих, я*

*тебе о друзьях потому рассказал,
что никто из вас не замечал*

*об этой истине, и часть тайны я
тебе открою, поймёшь всё тогда.*

*Не чувствует тайну ни одна душа,
но часто использует её она.*

*Разгадка к той тайне – обычный сон,
манит в свои объятия он.*

*Разгадку эту запомни ты,
и в своей памяти сохрани.*

*Знай, Создателем был дан сон
всему живому, и когда он*

¹ Жан-дос – душа-друг.

² Дене-дос – тело-друг, эти загадочные словосочетания стали известны только в первой книге дастана «Айкёль Манас». Раньше так никто нигде не говорил не употреблял.

*дене-досом овладевает,
жан-дос тогда во Вселенной гуляет,*

*и всё, что увидел жан-дос тогда,
во сне дене-дос видит всегда.*

*Свет мой, сейчас лишь приоткрыл тебе
тайну о двух друзьях и о сне.*

*О дене-досе, жан-досе, сне рассказав,
я новое дело с тобою начал.*

*Каждый четверг с тобой встречусь я,
когда ночью сон пленит тебя,*

*пока дене-дос твой будет спать,
жан-дос со мною будет гулять.*

*По бескрайней Вселенной тебя поведу,
и где тайна сокрыта, туда отведу.*

*По просторам Вселенной тебя буду водить,
чтобы чувства в тебе те, что спят, разбудить.*

*Тайны Вселенной научись разгадать,
для того надо знанием обладать.*

*Начнём дело на святом месте мы,
ничего не забудь, всё запомни ты.*

*Свет мой, камень и череп лежащий
рядом с ним, и ручеёк журчащий,*

*а так же грустную песнь соловья
выслушай, и пусть душа твоя*

*примет их боль, их откровенья,
чтобы им было потом облегченье.*

*Пусть в душе твоей каждый место займёт,
и утешенье пусть каждый найдёт.*

*Каждое откровенье свято чти,
из ручья напейся досыта ты.*

*Ты все явления запоминай,
каждое слово, их не искажай.*

*Свет мой, рассказ-откровенье хочу
тебе рассказать, его я храню*

*вот уже многие века.
Внимательно выслушай ты меня,*

*то откровенье в душе сохрани,
не открывай никому его ты.*

*Ты, человека близким считая,
добрые чувства к нему питая,*

*ведь ошибаться можешь в нём,
и он бессовестным будет, потом*

*тайну мою, отобрав у тебя,
сможет присвоить её он тогда,*

*тебе дорогу он перейдёт,
твоего Пира и счастье твоё заберёт.*

*Меня, отравив тёмная душа,
дастан мой присвоила она.*

*Знай, Жайсан Умет уулу¹ – я,
по четвергам помяни² ты меня.*

¹ Жайсан Умет уулу – один из верных приближенных воинов Манаса, талантливый стихотворец, певец. В других устных вариантах эпоса «Манас» было известно лишь о том, что Жайсан Умет уулу был непревзойденным импровизатором и сказителем. Но то, что он является ещё и самым первым создателем дастана «Айкель Манас» стало известно благодаря стараниям жан-доса самого Жайсана Умет уулу, а также неимоверным усилиям Бюю Мариям Муса кызы, которая смогла донести дастан до народа.

² По четвергам – самый подходящий день недели для совершения молебен по душам предков.

*Это приданье петь продолжая,
через века путь преодолевая,

о мужестве предков тебе я спою,
и за собою тебя поведу.*

*Увидев слёзы мои, Создатель мой
сжалился, может, тогда надо мной.*

*Улуу Тогоол, когда настало,
тогда встреча с тобой реальной стала.*

*Из глубины моего сердца ты,
песни дастана душою прими.*

*Отдай народу дастан этот мой,
он похоронен был вместе со мной.*

*Огонёк надежды не погас едва,
чистую душу долго ждал я,

с чистыми помыслами чтобы была,
чтобы присвоить дастан не смогла.*

*И всю Вселенную обойдя,
плача, страдая, искал место я.*

*Не просыхали слёзы мои,
душу мою терзали они.*

*Века страдая, истово ждал,
чтобы исполнилась мечта, желал –

чтобы светлая дева одна,
Жайсаны однажды бы родила.*

*Об этом молил Всевышнего я,
похожа с моей молитва твоя.*

*О женщине бездетной молишься ты,
твои молитвы боли полны.*

*Всю ночь Создателя ты умоляешь,
на святом месте шам¹ зажигаешь,*

*о рождении ребёнка отчаянно моля,
и о душе в молитве прося.*

*О том чтоб Создатель услышал тебя
мечтаешь, жертвы² ему принося.*

*Наши желания, заметила ли ты,
исполняются, если они от души.*

*Свет мой, желания твои и мои
исполнятся пусть, совпадут они.*

*Пусть одна женщина счастье найдёт,
ребёнка родив, пусть назовёт*

*Жайсаном его с молитвой она.
Пусть счастьем его чаша будет полна,*

*пусть долгую жизнь он проживёт,
красноречивым пусть будет, поёт*

*пусть день и ночь дастан он всегда,
не устаёт пусть он никогда.*

Я чувствовала, что Тайнственный Старец, с которым в последнее время встречалась, стал для меня очень близким. Когда он убрал свою руку с моего плеча, то почувствовала, что он стал более

¹ Шам – самодельная свеча.

² Жертва – у кочевника есть традиция жертвоприношение покровителям и высшим силам. Обычно режут какой-нибудь домашний скот и из его мяса готовят еду.

гибким, как обычный человек, не таким неуклюжим, каким был раньше. Пришло время проститься, и я не только не боялась, а, наоборот, не хотела расставаться с ним.

Когда пришла в себя, ко мне подошла Гульмира, она сказала: «О-ой, эже, куда вы ходили? Мы очень переживали». И почему-то моё платье осматривает. «Как вы прошли через изгородь, не порвав платье?», – спросила она удивленно. Я ничего не сказала, кроме слов: «Если бы я знала».

На следующее утро приехала в Чаек¹, и сразу же поехала с несколькими женщинами, которые по разным причинам не смогли еще родить, но сильно хотели иметь своих детей, на мазар. Сoverшив медитацию благополучна по возвращении из мазара, я расшифровала следующие строки:

Когда Шакин агай приехал из города, прочитала ему информацию после двух медитаций. Агай встал, взволнованно пожал мне руку и сказал: «Если вы полностью получите те стихи и отадите их мне, то сделаете меня гением!»

Я смотрела, на него молча, а про себя подумала: «Наверное, эти писатели ненормальные, если он так радуется этим длинным строкам стихов и говорит, что я сделаю его гением. А я-то эти стихи считала лекарством для него».

¹ Чаек – административный центр Жумгальского района.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

ДЕСЯТЬ ЖАЙСАНОВ

31.08.1995 г. 6-й лунный день. 29° 21' 5''

Скандал в семье обострился до предела. Мы вдвоем с дочкой, которая должна была учиться в 10-м классе, не ночевали дома, спали в огородах, под полом нашего нового, строящегося дома. Не за себя переживала, за дочку. Были ночи, когда, не сомкнув глаз, до зари молилась, чтобы она не была опозорена, попав в руки хулиганов.

В эти тяжелые дни появлялась мысль – всё бросить и пойти по привычному пути, но в глубине души звучал голос: «Теперь возвращаться нельзя!» В такие моменты я ждала четверга новой луны, встреч с Жайсан Ата¹, которые успокаивали меня. Прошедшую ночь провела, не сомкнув глаз, и с нетерпением ждала вечера. Во время шама² поставила воду для Жайсан Ата, зажгла свечу, прочитала молитву и направилась к полю. Когда приблизилась к определённому месту в Жаманталаа³, где всегда выходила на медитацию, у меня в животе, чуть выше пупка, стало горячо, словно туда попал горячий углёк. Исчезли, беспокоящие меня, мысли,

¹ Жайсан Ата – отец Жайсан, так почтительно называет Бюю Мариям Жайсана Умет уулу – верного воина Манаса, создавшего великий дастан «Айкёль Манас».

² Шам – время наступления сумерек.

³ Жаманталаа – огромное поле возле села Чаек.

мир, словно остановился. Я увидела, что рядом со мной стоит, окутанный в сине-зелёный свет, силует Жайсан Ата. То ли от воздействия мягкого приятного голоса или от переливающегося сине-зелёного света, но я оказалась в состоянии умиротворения и неги. Приятный мягкий голос запел:

31.08.1995 г. 6-й лунный день. 1' 47"

*Мы неизменно с молитвой встречаемся,
каждый четверг ждёшь ты слово моё,
так же, как ты, жду встречи, печалюсь,
так же тоскую и я по тебе.*

*О, Свет очей моих милый, прекрасный,
как тяжела твоя ноша, горька,
в жизни земной ещё надо исполнить
долг свой и чашу испить до конца.*

*Временный груз тяжких всех испытаний
смогут ли выдержать плечи твои?
Встретить невзгоды, боль и печали
надо с достоинством, с чувством любви.*

*Пусть плодотворная жизнь не кончается,
не оставляй на завтра дела,
время потоком идёт нескончаемым,
и не грусти, не печалься ты зря.*

*Бога проси, чтобы жизнь была долгая,
ведь день земного всего бытия
в свете любви дороже тёмной,
тысячедневной поры забытья.*

*Дар твой целительства, данный Создателем,
в сердце храни его, светел твой путь,
зной, ещё тайну открою сейчас тебе:
идёшь среди избранных, ты не забудь.*

*Не утешаю тебя я словами,
лишь отвечаю на мысли твои,
и на вопрос, что хотела задать мне,
тот, что стрелою летел из груди.*

*Что же продолжу своё изложение,
Свет мой, ты слёзы свои лишь утри.
Песни веками пою и лишения
мне помогали Свет обрести.*

*Я отличаю таланта свечение,
и не могу простить лишь певца,
когда поёт он для развлечения,
песни слагает «спустя рукава».*

*Кто человек, кому тайну открыла?
Можно ль довериться смело ему?
Будь осторожна, удостоверься, лишь,
внутренний мир ты его усмотри.*

*Может, смеяться он будет над песнями,
теми, что в сердце веками хранил?
Весть подаю из прошлого, вестник я,
имя отца ты в душе сохрани.*

*Имя Жайсан в сердце будет записано,
этот урок откровенья усвой,
не искажай смысла слов – это истина,
души потомкам моим успокой.*

*Трудным будет Жайсана задание,
грузом тяжёлым на сердце лежит
тайна, которую должен сказать вам,
её потомкам моим расскажи.*

*Я доверяю тебе всё, что знаю,
песню легенды веками пою,
ради потомков своих восстановливаю
слова дастана, передаю.*

*Ради лишь истины, сказкой считаемой
я, не теряя ни строчки, пою,
всё, что считалось правдой вчерашию,
сказочной тенью сегодня иду.*

*Чтоб донести до народа ту истину,
что стала сказкой, ты мне помоги,
будь мне помощницей, верю я искренне,
Бог нам поможет исполнить долги.*

*Песни дастана птицей летели,
о подвиге славном наших людей,
и отражались в сердце поэта,
он вдохновенно пел их для всех.*

*На стыке веков чудо случалось:
светлая женщина с чистой душой,
Благую весть с небес получала
о рождении ребёнка – награды большой.*

*Имя младенцу вскоре давала,
имя «Жайсан – отраженье веков».
Ростила сына, душой понимая,
каким человеком он будет потом.*

*Груз целых эпох несли его плечи,
мальчик с годами о том узнавал,
в одно мгновенье открыты все двери –
Создатель поэтом его нарекал.*

*Ночью и днём он песни прекрасные
о славе народа душою слагал,
пел вдохновенно стихи и радостно
в дастане священном их излагал.*

*Звучала мелодия песен мудрых,
сердца наполнялись любовью у всех,
в народе нет людей равнодушных,
они старикам и младым по душе.*

*Всем сердцем народ стихом наслаждался,
могли часами слушать они,
пеньем Жайсана их слух услаждался,
прекрасным пеньем его одним.*

*Дни пролетали, годы бежали,
на смену спешил уже век другой,
сменялись эпохи, но неустанно
события идут своей чередой.*

*Лик Земли давно изменился,
стали реки, ущелья не те,
песни дастана так исказились,
были забыты предков стихи.*

*Стали редко рождаться Жайсаны,
песни святые почти не поют,
как изменились слова несказанно,
название земли и народ уж не тот.*

*К вам обращаюсь я, старцы седые,
вы передайте потомкам моим,
чтоб уважали законы былье,
мудрость традиций и предков своих.*

*Ты посмотри, почему народ свято
имя Манаса в сердце хранит?
Через века пронёс, как когда-то
мудрость любви в стихах он постиг.*

*Но появились средь вас уже люди,
те, кто Манаса – духа не чут,
сердце, душа в темноте их пребудут,
слова дастана никак не поймут.*

*Вы не считайте ложью, что жил он,
жил он действительно среди людей,
эту историю можно проверить,
всё подтверждает дастан, ты поверь.*

*О, Свет очей моих милый, прекрасный,
ты не грусти ни о чём никогда,
слова дастана выслушай с паской,
и не забудь их, помни всегда.*

*Жемчугом белым выстрою стих твой,
знаешь, сколько Жайсанов в веках?
Они о Манасе пели песни,
и прославляли народ свой в стихах.*

*Ты не печалься, что может ошибка
вкрасться в записи слов твоих,
оберегаю тебя от обид я,
и лучиком света паскаю своим.*

*Я протянул тебе руку доверия,
твёрдою будь ты в решении своём,
и подтверждаю слова все и верю,
что передашь их потомкам моим.*

*Помню, однажды меня ты спросила:
«Сколько Манасу Великому лет?»
Можешь сама подсчитать, это в силах,
надо внимательно цифры сложить.*

*При переходе веков, на планету
Богом был послан Жайсан лишь один,
так длилось десять веков, но секрет в том,
долго с небес к нам певец не сходил.*

*Четыре столетья был перерыв тот,
теперь сложи и узнаешь сама,
сколько веков назад Манас жил,
четырнадцать вышло, ты в этом права.*

*Первым певцом стихов о Манасе,
был юный Жайсан Умет уулу
из рода уйшёнов, что жили на юге,
ребёнком пел песни Шеру¹ своему.*

*Из сорока прекрасных батыров,
он в стане был самым юным певцом,
пением своим и сердцем горячим,
Жайсан вдохновлял на подвиг бойцов.*

*О, Свет очей моих милый, прекрасный,
вспомни ту встречу, что первой была,
ноги стояли в воде леденящей,
и ветку, лицо закрывала она.*

¹ Шер – эпитет богатырей, означающий бесстрашного льва.
Здесь имеется в виду Айкёль Манас.

*Голос сказал мой нежно, печально:
«Ты отодвинь эту ветку пока
и покажи мне лицо то прекрасное,
что в свете луны покорило меня». –*

*Луч белого света с ветвей засветился,
он засверкал, озарил всё вокруг,
лик старца-певца в том луче отразился,
слёзы с очей полились его вдруг.*

*Нежно и ласково луч тебя обнял,
соединились наши сердца,
с прошлым теперь твоя связь, и я понял –
надо идти вместе нам до конца.*

*Вспомни все это, вспомни, как было,
вспомни мой голос, что плакал скорбя,
как от него в жилах кровь леденела,
слёзы лились из очей у меня.*

*О, Свет очей моих милый, прекрасный,
это виденье Похода того,
грустные строки песни печальной,
как отраженье, что было потом.*

*Я тот певец, кто видел всё это,
да, я – Жайсан, первый песню пропел,
как убивали прекрасных батыров,
чтобы народ их в сердцах сохранил.*

*О подвиге наших славных батыров
стихи я слагаю и песни пою,
ничто не сравнится с доблестью этой,
с мужеством тех, кто погиб в том бою.*

*Множество тел их покойится вечно
в месте Ит-Олбосе¹, об этом пою,
горько рыдаю, слагаю я песни,
строки дастана потомкам несу.*

*Было Жайсанов на свете немного,
песни слагали народу они,
жили иные из них очень долго,
век короткий прожили одни.*

*Но все Жайсаны пели правдиво,
ни капли лжи не имели стихи,
люди слушали их, как диво,
днём и ночью пели они.*

*Их голос был на свирель похожий,
звучали песен прекрасных стихи,
духи батыров были рядом тоже,
когда пели песни поэты свои.*

*Но был рождён ещё на планете
второй Жайсан Умет уулу,
он так же, как я, пел песни о Свете,
сейчас подробней о нём расскажу.*

*Народ считал наши души родными,
и одинаково песни ценил.
О славе батыра мы первыми пели,
светом любви нас Бог осветил.*

*В новом веке Жайсан неустанно
пел вдохновенно песни свои,
и так же внимали ему восхищённо,
люди новой эпохи земли.*

¹ Ит-Олбос – местность, где произошла решающая битва Великого Похода.

*Дела оставив бренного мира,
слушали люди поэта слова,
пел он о подвиге Манаса-батыра,
который народ защищал от врага.*

*И время на миг, будто бег свой замедлив,
остановилось, внимая стихам,
людям казалось, что неизменно
происходили потом чудеса.*

*Словно с небес отраженьем светила
череда событий минувших веков,
и очевидцами люди все были
тех давних походов и славных боёв.*

*С Жайсаном вторым, как будто мы были
крови одной и единой душой,
но были разные с ним и жили
в разных веках, несли порыв свой

в песнях дастана, мы дастанчи были
и покровителю Пиру¹ служили.*

...Монотонный, мягкий, приятный голос неожиданно умолк. Тело моё дрогнуло, словно его ударило током, голова гудела. Я почувствовала, что меня тошнит. Кругом темно, «хоть глаз выколи». Ничего не слышно, кроме звука машины, которая ехала вниз в сторону Чака. Не сразу пришла в себя. Стояла в растерянности, не понимая, что случилось. Прошло довольно много времени. Подумала, что, наверное, та машина проехала совсем близко от меня и может, от этого я вздрогнула. Встала с места и с трудом пошла в сторону дома. Дочери Жаз-

¹ *Пир* – здесь имеется в виду Айкёль Манас, который стал покровительствующей силой кыргызского народа.

гуль ещё вчера сказала, чтобы она переночевала у Нургуль, моей старшей дочери. Так что спешить не было причин. Подумала, что надо добраться до рассвета, и пошла медленно, вспоминая о том, что видела во время медитации. Я всё ещё не могла понять, чего же от меня требует Жайсан Ата. Когда рассвело, вошла в дом и стала расшифровывать знаки в тетради, превращая их в слова.

Честно говоря, я не очень понимала значение слов. Когда пришёл агай, я прочитала ему стихи, потом он сам прочитал их и то, что прочитал агай, кажется, дошло до моего сердца, лучше.

То, что я вижу во время медитации, всегда точно запоминаю. В основном, говорится о названии лекарственных трав, для какой болезни, какую траву, в каком качестве надо применять. С тех пор, как встретилась с Жайсан Ата, длинные строки стихов, получаемых мною во время медитаций почему-то я считала лекарством, данным для Шакин агая. На значение стихов не очень обращала внимание.

Но когда агай читал стихи, его глаза загорались, на щеках появлялся румянец. Забыв о своей болезни, он говорил только об этих стихах. Я раньше не только о манасчи ничего не читала, но и ни одной строчки из эпоса «Манас». Так что, когда агай говорил об эпосе, я слушала и молчала. После этой встречи с Жайсан Ата у меня не осталось сомнения, что он хочет мне рассказать эпос «Манас». Но есть ли в этом необходимость? Или...

Я думала, что если агай излечится от своей болезни, то, наверное, нет необходимости повторения многотомного эпоса, вышедшего по вариантам Саякбая ата¹ и Сагынбая ата².

¹ Саякбай ата, ² Сагынбай ата – самые великие сказители эпоса «Манас» двадцатого века.

06.09.1995 г. 12-й лунный день. 14° 12' 42"

Я вышла на медитацию, чтобы услышать продолжение рассказа Жайсан Ата о манасчи Жайсанах, который был рассказал мне во время прошлой встречи с ним. После выполнения необходимых условий прошло немного времени, и из разноцветного света вырвался силуэт Жайсан Ата. Он близко подошёл и приятным мягким голосом продолжил петь:

*Третым был Жайсан Сыртбай уулу,
пусть это имя в народе живёт,
его стихи ожерельем жемчужным
вечно, как звёзды сверкают, поют.*

*Отец его – Шер своего народа,
гордостью рода аргынов он был,
любовь людей ему, как награда
была за то, что Отчизну любил.*

*Как Ангел была мать Жайсана –
златовласая Нуркыз – свет луча,
и Сыртбая слова, как объятья
душу пленили её неспроста.*

*Искусством слова владел он чудесно,
сили и мудрость несли те слова,
Нуркыз любила его беззаветно,
только о сыне болела душа.*

*Нуркыз-красавицу – Ангело подобную душу
речами своими Сыртбай покорил,
сердце его не молчит без ответа –
всею душою её полюбил.*

*Богом Тениром союз был одобрен,
дал Он им всё, что просили сердца.
Многим искусствам Сыртбай был одарён,
не осознал лишь ошибки конца.*

*Эта ошибка одна в его жизни,
но заплатил за неё он сполна:
не попросил долгой жизни дитяти,
и род прервался его навсегда...*

*Я расскажу о Жайсане четвёртом,
его стихи были, словно река,
что в половодье руслом широким
через край воды свои всё несла.*

*И когда пел на вершине Кыр-Дёбё¹,
долина слышала песню его,
он говорил, что рядом с собою
видит всех витязей Эра Тёрё².*

*И хан Бакай был с ним постоянно,
когда он песней своей восхвалял
подвиг Манаса, пел так неустанно,
народ стихам дастана внимал.*

*Был он, словно тулпар незабвенный,
долго прожил и искусство ценил,
прославил дастана дух нетленный,
и песни прекрасные людям дарил.*

¹ *Кыр-Дёбё* – название местности, где часто сказывал свой дастан четвертый Жайсан.

² *Эр-Тёрё* – имеется в виду Айкёль Манас.

*Отец его Солово из уйшёнов,
мог предсказать событий весь ход –
всё, что было и ждёт, непременно,
всё исполнялось в назначенный срок.*

*Мать – златовласая Бюю Джамал,
Богом любима с детства была,
смысл приметы народ давно знал –
мама в «рубашке» её родила.*

*Жайсан родители – люди особые,
любовью Тенира объяты они,
о предстоящих событиях хороших
знали заранее и всё о плохих.*

*От сына известие чудесное,
было получено ими во сне,
Богу Тениру молились, и с песнею
сына Жайсаном они нарекли...*

*Пятый Жайсан – Касымбая сын,
талантом Создатель его наградил.*

*Как манасчи он неутомим,
песен запас был неистощим.*

*Не знала душа недостатков его,
в песнях прекрасных ни одного
изъяна не было, в чудесных стихах
жемчужины, словно сверкали в словах.*

*Был продолжателем рода уйшёнов,
пел он, то весело, то задушевно.*

*Но скоро цветок жизни поблёк,
совсем недолог был его век...*

*Шестой Жайсан пел неустанно,
в стихах дастана открыл людям тайну.*

*Пел о Великом Манасе стихи,
народ слушал, взгляд на него устремив.*

*Отец его – Калысбек из уйшёнов,
был продолжателем рода священного,*

*он справедливо, словом судил
тех, кто народ свой злобой мутил...*

*Словом владел седьмой Жайсан,
искусно пел Великий Дастан.*

*Этот славный батыр – манасчы, –
единственный сын был Жамгырчы.*

*В каждом слове печаль лилась,
когда он пел о батыре Манасе.*

*О скорбном походе был его сказ,
он людям пел свой дастан много раз,*

*и каждый раз чудеса случались,
то небо вдруг в облака облачалось*

*и дождь лил, словно небо прорвав,
потом белым снегом на землю упав.*

*Животные странно себя вели –
овцы дрожали, собаки скулили.*

*И люди слышали звуки сражения,
их уши глохли от наваждения.*

*Будто враг на народ наступал,
слышно было, как кто-то кричал,*

*«Эр Манас!», – звучало призывно,
и барабаны гремели так сильно,*

*что у людей леденели сердца,
смотрели со страхом они в небеса.*

*От выстрелов оружья уши глохли,
и с треском ломались длинные копья,*

*слышны удары стальных мечей,
ржание сильных тулпаров – коней.*

*Шум битвы гремел на всю округу,
люди от страха молились Богу.*

*Этот Жайсан ни с кем несравнимый,
был в пении своём неутомимый...*

*Сейчас расскажу о восьмом Жайсане,
о, Свет мой, слушай о нём сказанье.*

*Он очень искусно, чувствительно пел,
и после себя оставить успел*

*много прекрасных стихов и песен,
всему народу он был известен.*

*Короткой жизнь была у него,
но остались песни дастана его.*

*Отец Жайсана из рода нойгутов,
именем славным был наречён,
звали его Асылбала в народе,
немногословен был и умён.*

*Мать его Уулкелсин,
женщиной кошокчу¹ была,
оплакивать подвиг умерших мужчин,
стихами о горе петь скорбно могла.*

*Когда в бою погибали батыры,
на поле брани в жестокой борьбе,
петь песни скорби её просили,
она пела горько, забыв о себе.*

*Но скоро горе скорбною птицей
сердца коснулось, — нет уж сынка,
слёзы лились, как трудно смириться,
выдержать всё, если плачет душа.*

*Был он единственным сыном, отрадой,
пела она свою песню о том,
что потеряла, что нет его рядом,
горе лилось через край у неё.*

*Так она пела горько, что камень
мог бы заплакать. Людям она
только сказала: «Беду всех оплакивать,
горе чужое я скорбно могла,*

*но наказал меня Бог очень строго —
сына единственного забрав,
и наказанье Его так сурово,
но я смирилась с ним, клятву лишь дав». —*

¹ Кошокчу — плакальщица.

*До конца дней своих она больше
песен не пела скорбных уже,
клятву, данную пред Богом в прошлом,
строго держала в смиренённой душе.*

...Голос умолк, силует Жайсан Ата закрылся светом, разноцветный свет скрылся за склоном горы и стал невидим. Была полночь. Приблизительно определила, где стояла и пошла в сторону села. Я не сразу заметила, что горько плачу. Пыталась, но не могла вспомнить, что могло вызвать мои слёзы. Пришла домой и села расшифровывать знаки в тетради. Когда знаки превратились в строки стихов, и я поняла их значение, мне стало ясно, что этой ночью я задыхалась от слёз, разделяя горе Уулкелсин апа, вспомнила своего сына Таланта¹, моё сердце защемило. Стало невыносимо тяжело.

08.09.1995 г. 14-й лунный день. 4° 23' 42"

В ночь 2-го дня полнолуния, чтобы услышать продолжение повествования о Жайсанах, снова вышла в поле, выполняя условия. Вырвавшийся из света Жайсан Ата, рассказал о девятом и десятом Жайсанах и сказал: «На этом повествование о дастанчы – десяти Жайсанах заканчивается».

*Мой рассказ о Жайсане девятым,
он на земле больше века прожил,
с детства чтил дастан очень свято,
и народ словом мудрым учил.*

*Девять десятков лет пел неустанно
дастан священный. Отец его был*

¹ Талант – второй сын Бюю Мариям, погибший от несчастного случая в 1989 г. во время прохождения службы в Армии.

*Молдобасан, он пел песни свято,
на торжества и на свадьбы ходил.*

*И на поминки его приглашали,
он на комузе¹ мог дивно играть,
так виртуозно, что кто-то едва ли
сумел игру бы его повторять.*

*Не оставался никто равнодушным,
если весёлые песни он пел,
люди шутили, смеялись радушно,
никто их так веселить не умел.*

*Если грустную песню он пел,
то у людей слёзы лились рекой,
не умолкая, плакали все,
горе сжимало сердца их рукой.*

*Был украшеньем свадеб звонких,
поминок горьких, как полынь,
как будто парец жемчуга полон,
петь так дастан мог он один.*

*Следовал мальчик за ним неотступно,
Молдобасана кровь, его сын,
и, как отец он в песнях доступно
душу дастана в словах доносил.*

*Звали Жайсаном мальчика – сына,
было мальчишке всего девять лет,
любил народ его очень сильно,
в пенье дастана преград ему нет.*

¹ Комуз – трехструнный музыкальный инструмент кыргызов.

*И вот однажды в честь годовщины
смерти Торгуна¹ собрался народ,
Молдобасан был глашатаем,
и поминок вёл он скорбный ход.*

*Так на комузе играл увлеченно,
голосом чудным так дивно он пел,
люди внимали словам вдохновенно,
никто из них уходить не хотел.*

*Он не заметил, что лошадь строптивая,
и что Жайсана она унесла,
перевалила гору ретиво,
Жылгындуу реку вброд перешла.*

*Руки у мальчика так онемели,
что, обессилев, без чувства упал,
когда пришёл в себя, не поверил –
на островке средь реки он лежал.*

*Сорок прекрасных витязей рядом,
с ними Манас и Бакай-аба был,
сосредоточили на нём свои взгляды,
о чём-то важном их взор говорил.*

*Один из витязей мальчика поднял
с сырой земли и отнёс на траву,
чистой водою ладони наполнил,
и, напоив, лицо вымыл ему,*

*со словами: «Не бойся», – погладил
ласково мальчика по голове,
когда страх силу свою утратил,
стало спокойно у Жайсана в душе.*

¹ Торгун – вероятно, один из видных и влиятельных витязей того периода.

*К нему Бакай-аба наклонился,
лик его светел, с седой бородой.
Сказал он мальчику, чтоб не боялся,
его отправят обратно домой,*

*но при условии, если он будет
дастан «Манас» смело людям нести,
души народа песней разбудит,
радость поможет в сердцах обрести.*

*Затем достал из сумы он дорожной
зёрна пшена и в ладони набрал,
насыпал в рот их юнцу осторожно,
к отцу потом отвезти обещал.*

*Батыры в небо руки подняли,
благословили Жайсана они,
затем на лошадь его посадили,
домой обратно, к отцу отвезли...*

*Стихами Жайсан поднимал в людях дух,
все девять десятков лет песней лечил,
жемчугом слов услаждал он их слух,
мудрости жизни народ свой учил.*

*Дастан «Манас» хранил в душе свято,
и на земле больше века прожил.
Жаль, что теперь, его имя забыто,
память народа ведь он заслужил.*

*О, Свет очей моих милый, прекрасный,
я расскажу о десятом певце.
Был он цветком, светом нежным и ясным,
ярко сверкал, как звезда в высоте.*

*Пел он дастан несравненно искусно,
комуз настроив, мелодии все
он исполнял своим голосом грустным,
словно дождём омывая с небес.*

*Будто река, что текла очень тихо,
воды несла нежно в русле она,
то вдруг фонтаном весело, лихо,
бурно неслась водопадом в горах.*

*Каждый сустав его пел и всё тело
было наполнено песней стихов,
с каждым вздохом его сердце пело,
и выдыхал он мелодию слов.*

*Песня лилась, пел он так вдохновенно,
что волоски на его голове,
от дуновения ветра мгновенно,
пели мелодию нежной любви.*

*Песни его были, словно ручей
 тот, что водою своей напоил
 многих томившихся жаждой людей,
 жаждой, которую в зной утолил.*

*Этот единственный сын Жаныбая,
из рода уйшёнов, от слеза погиб,
наш бренный мир покинул так рано,
но в жизни своей он вершины достиг.*

*Словно молния на небосводе,
яркою вспышкой всех озарил,
был он десятым Жайсаном, народу
священные песни дастана дарил.*

*Вот обо всех прекрасных Жайсанах,
я так подробно тебе рассказал,*

*было их десять и подвиг Манаса,
каждый из них в стихах воспевал.*

*Ни одного не помнят Жайсана,
с песнями похоронены все,
они народу пели веками,
стихи дастана в сердце несли.*

*О, Свет очей моих милый, прекрасный,
много веков лью я слёзы свои,
горько мне от того, что Жайсаны
были забыты народом моим.*

*О, Свет очей моих, это сказание –
подарок Жайсанов потомкам своим,
пиши же дальше повествование,
внимай ты горьким речам моим.*

*Как вы сейчас нарекли тех потомков,
приемником рода уйшёнов кто стал?
Среди народа пусть голос не смолкнет
певцов, кто свято дастан исполнял.*

*Как называется род, где рождались
самые верные Божьи сыны?
В памяти вашей они все остались,
знаете вы имена их? Прочти.*

*Имя Жаныбай¹ и Акматаалы.²
Что же ты скажешь? Кто были они?*

¹ Жаныбай, ² Акматаалы – оба эти личности тоже был сказителями эпоса «Манас», жившие в 20-веке. Акматаалы приходится родственником Бюю Мариям. Он ушёл на войну с фашистами и там погиб. Жаныбай тоже выходец Жумгальского района. Их обоих народ стал уже забывать. Вся правда о них была известна Жайсан Ата, поэтому он спрашивает Бюю Мариям, чтобы проверить, знает ли она что-либо о сравнительно недавно ушедших в мир иной сказителях.

*Знаете вы, чем их род был прославлен?
Как они чтили святые стихи?*

*Если бы ты разгадала загадку,
ту, что отец твой тебе загадал,
то несравненно зажгла б моё сердце
радостью и растопила б печаль.*

*Если загадка тебе не по силам,
и разгадать её трудно самой,
в следующий раз, когда встретимся снова,
сам расскажу я тебе всё одной.*

*После каждой нашей встречи Жайсан Ата
очень просил, никому о нём не рассказывать. Но я
не могла не поведать об этом Шакин агаю. Во-
первых, если бы агай не попросил меня узнать о
том, кто был первым сказителем эпоса «Манас», не-
известно встретилась бы я с Жайсан Ата.*

*Во-вторых, я считала дастан лекарством от бо-
лезни агая и поэтому думала, что должна всё рас-
сказывать ему. Когда я показала расшифрованные
первые строки стихов агаю, наверное, Жайсан Ата
воспротивился моему поступку и поэтому и у меня
был приступ болезни, но больше такое не повтори-
лось, и я подумала, что агаю можно всё рассказы-
вать.*

*Сегодня, после рассказа о десяти Жайсанах,
он Жайсан Ата спросил: «Кто тот человек, которо-
му ты открыла тайну, не послушав меня? О ней
нельзя никому говорить».*

*Я была в затруднительном положении. Долго
рассказывала об агае, что у него очень чистая
душа, и он очень человечный, что он несравним с
остальными людьми, что он человек, занимающий*

место в моём седьмом чувстве. Я сказала: «Если я совершила ошибку, простите меня».

Запомнила мелодию песни и несколько строк стихов из неё. Жайсан Ата пел в сопровождении звука, похожего на постукивание по поверхности комзуза. Когда пришла домой, и, расшифровав знаки, увидела эти строки, почувствовала себя плохо.

*О, Свет очей моих милый, прекрасный,
душа в печали твоя,
жить научись без лишних страданий,
выслушай снова меня.*

*Бренного мира, оставив заботы,
в небе душою пари,
в свете живи и сумеешь тогда ты
сердцем слова сотворить.*

*Кто человек тот, кому доверяешь
мысли, печали свои?
Ты говоришь, что он чист и прекрасен,
верю словам я твоим.*

*Ты говоришь, что высок он духовно,
дух его в небе парит,
и, что он занял в твоём сердце место,
в чувстве седьмом, говоришь,*

*что подчиняется Высшей он Воле.
Нет в том ошибки твоей,
всё, что сказала о нём, это верно,
сердце ликует, поверь.*

*Радость из сердца рвётся на волю,
очень взволнован сейчас,*

*предположения верны, я не спорю,
сёз ээси¹ вручила дастан.*

*Друг твой владеет словом, то Свыше
он получил благодать,
будьте вдвоём моим факелом в мире,
чтобы огонь передать.*

*Будьте моими очами и светом,
парой чинар на пути,
чтобы народ моё имя услышал,
и отдохнул в их тени.*

*Знаешь ли ты, что Луч Белого Света,
 тот, который держит меня, –
 соединение времён, это нить та,
 прошлых событий, грядущего дня.*

*Переливается светом Луч Белый,
 он состоит из отдельных лучей,
 в них отражение нашла вся Вселенная,
 светом небес сияют, поверь.*

*Знай, эта нить – Жайсанов наследственность,
 душам родным придает непременно
 эту способность и эту преемственность,
 дастан «Манас» так петь вдохновенно.*

*Нить уйшёнов – большой Луч Света,
 не обрывается, светит в веках,
 он состоит из множества ниточек,
 которые лучами сверкают средь вас.*

¹ Сёз ээси – букв. «хозяин, владелец слова», т.е. человек, мастерски владеющий словом, имеется в виду Ш. Эсенгулов.

*Если тем Лучиком сердце осветится,
мы узнаем его среди других,
знаем, что это потомок, преемник наш,
рождён он из крови предков своих.*

*Вижу, что сердце того человека,
его Шарыпкулем ты зовёшь,
освещено тем Лучиком Света,
знаю, от счастья сейчас запоёшь.*

Расшифровала стихи Жайсан Ата о том, что настоящее имя агая – Шарыпкул.

Удивилась этому и очень обрадовалась, что Жайсан Ата не только не сердится на меня, но даже благодарен:

*«Радость из сердца рвётся на волю,
очень взволнован сейчас,
предположения верны, я не спорю,
сёз ээси вручила дастан.*

*Друг твой владеет словом, то Свыше,
он получил благодать,
будьте вдвоём моим факелом в мире,
чтобы огонь передать». –*

Строки стихов о том, что имя агая Шарыпкул, я записала отдельно и при встрече, не скрывая удивления, спросила: «Ваше имя Шарыпкул?». По широко раскрывшимся глазам агая, я поняла, что он удивлён не меньше меня.

«Да, а почему вы спросили об этом?», – ответил он, слегка покраснев.

Я протянула ему листок, на котором были записаны стихи Жайсан Ата об агае.

Прочитав их, он покраснел ещё больше и сказал:

«Когда я еще не родился, Куйручук ата¹ благословил мою мать и сказал:

«У вас будет сын, назовите его Шарыпкул».

Я родился после нескольких девочек, следуя старому поверью, мне прокололи ухо² и назвали Шарыпкул. Отец был репрессирован, а мать потеряла все документы. Старшую сестру Бурумкул звали ласково Бурумкул, а меня Шакин и так привыкли, что потом во всех моих документах записывали имя Шакин. Ну, а о Шарыпкуле все уже давно забыли. Надо же!»

Голос его звучал, как-то недоверчиво.

¹ *Куйручук ата* – этот смелый, весёлый и мудрый человек-прорицатель, жил в конце девятнадцатого, и в первой половине двадцатого веков в Жумгальском районе. Об его острых высказываниях, неординарно смелых поступках и щедрости души ходили легенды. О нём написаны несколько книг.

² *Прокололи ухо* – по поверью многих народов, чтобы сыновей не забирали тёмные силы, их обманывали, наряжая мальчика в одежду девочек, и прокалывали ухо: так когда-то маленький Брюс Ли тоже носил платья и серьгу.

ЧЕТВЁРТАЯ ГЛАВА

ДЕВУШКИ-ЛУЧИ

10.09.1995 г. 16-й лунный день. 28° 1' 52"

Сегодня 16-й лунный день. В этот день Все-ленная соединяет Луну и Землю своей неизмеримой лестницей.

С нетерпением ждала вечера. Сердце замирало, я впервые с тех пор, как вступила на этот путь, почувствовала, что произойдёт чудо. Испекла хлеб, положила его рядом с водой. Прочитав молитву Жайсан Ата, вышла из дома, чтобы встретиться с ним. Повернула к дому Шакин агая, он проводил меня до моста канала. Дальше по склону направилась в горы. Когда приблизилась к Седеп Ётёку¹, попала в чудо, которое невозможно описать словами.

Полная луна висела прямо над моей макушкой. Она дрожала, будто чаша с ртутью, готовая выплыть через край. Вскоре появилась блестящая, словно серебро, полоса, которая расширилась и превратилась в дорогу, окутавшую окрестность голубовато-белым светом. По белой дороге, похожей на гладкую поверхность айрана², приближался силуэт Жайсан Ата, и я услышала его мягкий голос:

¹ Седеп Ётек – местность, недалеко от села Чаек.

² Айран – густой, жирный кефир.

*Я не могу отказать твоей просьбе,
и хоть на встречу очень спешу,
все жё прошу, не зови меня более
в иные дни, в полнолуние приду.*

*По четвергам наша встреча назначена,
в другие дни лишь спуститься могу,
но не могу оставаться надолго я,
выполнни ты эту просьбу мою.*

*Встречу со Святой Ночью устрою,
когда встречаются снова века.
Девушек, песни поющих, не бойся,
пот, что так льется, вытри с лица.*

*Помнишь, тебе обещал я когда-то,
тайну бездонной Вселенной открыть,
я обещанье своё выполняю,
сердцем смотри лишь, чтоб не забыть.*

*Я поведу по бескрайней Вселенной,
тайны её помогу разгадать,
к Девам-Лучам сейчас смело иди ты,
тебе дорогу смогу указать.*

*Девушки-Лучики весело светятся,
ласково смотрят на Землю они,
матушку-Землю нашу приветствуют,
радостно песни поют все свои.*

*Дорога, похожая на поверхность застывшего
айрана, превратилась в бесконечно переливающие-
ся линии, а линии представились, словно растяну-
тые нити.*

Удивительно красиво одетые девушки качались на тех нитях, как на качелях.

Каждая из медитаций поразительна, только им, свойственными видениями. Но в этот раз – сверх всего. Я была ошеломлена. С лучами, исходящими от полной, как золотое блюдо, Луны, спускались девушки, одетые во все цвета радуги. От них отражались разноцветные лучи, озаряя всё пространство радужным светом. Я была в сказке. Они пели хором, звучала сказочная музыка. Какое-то время, кажется, была не в себе, и не помню того, как я очутилась среди них. Расплылось чувство страха, я потеряла счёт времени: было ли это мгновением или длилось часами, не осталось в памяти. Оставалась я с ними до приближения рассвета, записала всё, что видела и слышала. И вот расшифрованные песни, которые пели Девушки-Лучи или девушки-радуги.

*Наша родная, не будь же ленива,
к нам поскорее сейчас ты иди,
Из лунных лучей скрутым верёвки,
качели, затем, из них сделаем мы.*

*В лунную ночь, спустившись на землю,
небесный свет, его радость несём,
соединив лучи звёзд и луны, мы
их, потом, людям, земле отдаём.*

*Дай же ты руку нам, наша родная,
и пойдём вместе, пусть радость звенит,
один раз мы приходим, в столетие, не зная,
кого нам встретить ещё предстоит.*

*Скорее иди к нам, побудем же вместе,
эта Святая Ночь лишь для тебя,
возьми в подарок Нуршоола¹ от нас
вместе споём нашу песню огня.*

*Нуршоола – тебе наш подарок,
был он сплетён для тебя лишь одной,
когда мы спускаемся, очень отрадно
нам встретить душу, ставшей родной.*

*Редко душа нам встречается в свете,
от нас ушедшая, и на Земле
снова родившаяся человеком,
родную душу нашли мы в тебе.*

*Через столб света родной наш учитель,
Жайсан Ата, привёл тебя к нам.
Видишь дорогу в серебряном свете?
Иди же по ней к нам, Бюбю Мариям.*

*Давай на качелях покачаемся мы,
Забудь о печалих своих сейчас ты.*

*Песни, которые пели девушки, их мелодии, со-
хранились в моей памяти.*

*Быстро пришла в дом Шакин агая, рассказала,
что видела и пропела мелодию.*

*Агай сказал, играя на комузе:
«Это похоже на мою мелодию»
«Разве? Интересно», – удивилась я.*

¹ Нуршоола – самое удивительное событие, произошедшее с Бюбю Мариям, когда ей подарили этот луч – Нуршоола. Если раньше Жайсан Ата со своим лучом – Нуршоола помогал Бюбю Мариям выходить на медитацию, то с этого дня она применяла свой луч – Нуршоола, чтобы медитировать. Именно с этого дня в её жизни начнётся новый период изменений, потрясений, потерь, а также побед.

Я никогда не слышала у него мелодию похожую на эту, но почему-то почувствовала себя неловко. Написала, запомнившиеся строки стихов, передала их агаю и пошла домой.

О, Тенир! Я и подумать не могла, что это утро после Святой Ночи абсолютно изменит мою жизнь. Оказалось, что я встретилась лицом к лицу с истиной, называемой «Веление судьбы», или как говорят, «что написано на роду».

Я не могла расшифровать знаки после тех строк, которые отдала агаю. Для меня было испытанием судьбы сделать выбор, положив на одну чашу весов неоценимно драгоценный для женщины святой очаг, семью, детей, и вообще, всю мою жизнь до сорока пяти лет, а на вторую – Жайсан Ата, светлый путь и подаренный девушками-лучами их Нуршоола а также дастан Жайсан Ата. Я решила, что будет правильно выбрать вместо хорошо известной мне ровной, широкой дороги, неизвестный для меня, загадочный, светлый путь. Взяла свою синюю сумку и в халате, вышла из дома, где прожила тридцать лет, чтобы никогда не вернуться. Поселилась в чужом старом сарае для дров. Это очень не понравилось не только родственникам, знакомым, друзьям, но даже моим детям. Те, кто ещё вчера уважал меня и называл «эжеке»¹, отвернулись. Все люди, кроме лечащихся нескольких женщин и семьи агая, игнорировали меня и делали вид, что не замечают. В эти тяжёлые дни, мне хотелось распрощаться с жизнью и провалиться в бездну. Даже медитировать не могла. Всю ночь не сомкнула глаз, но перед рассветом, видимо, устав, уснула. Во сне видела тихо поющего Жайсана Ата. Как только проснулась, записала на листочек запомнившиеся стихи.

¹ Эжеке – ласковое обращение к старшей женщине.

*Поверь и прими моё откровение,
только тебе свою тайну открыл,
из-за пустых и ненужных страданий,
полную чашу в груди не разлей.*

*Чаша наполнена та благодатью,
которой Бог тебя наделил,
так, донеси эту чашу всем братьям,
людям всем нашим её донеси.*

*Наверное, эти строки подняли мне настроение,
потому что начала расшифровывать знаки, запи-
санные при встрече с девушками-лучами. Они ле-
жали нерасшифрованными с тех пор, как я ушла
из дома.*

*Старшие сестры, что так веселились,
сходят на Землю один раз в сто лет,
если душа им родная встречалась,
они ей дарили Нуршоола свет.*

*Тот родной человек, который
яркий Нуршоола от нас получил,
с нами встречается в ночь полнолуния,
учим его языку, что забыл.*

*Это язык необъятной Вселенной¹,
мы помогаем ему на пути,
и поздравляем тебя, неизменно,
ты Акчабак² – баловень ты воды.*

¹ Язык Вселенной – все языки мира происходят от одного главного языка – языка Вселенной. Здесь Девушки – Лучи как раз говорят об этом самом древнем, самом вечном и молодом языке, чтобы помочь Бюю Мариям вспомнить этот язык.

² Акчабак – название рыбки, Жайсан-Ата так всегда обращается к Бюю Мариям.

*Держи очень крепко луч нами данный,
цену его ты должна теперь знать,
нас, твоих старших сестер ровно девять,
можем вселенским лучом управлять.*

*Встреча наша один раз в столетье,
среди людей видим души родные,
мы узнаём их всегда, непременно,
но много веков нам встречались иные.*

*Кто ты, Бюбю Мариям, в бренном мире,
кем станешь, перейдя в Бечный луч,
и почему тебе злаговременно
знаки бывают? Подумай, в чём суть.*

*Знаешь ли ты, почему не рожденному
ещё младенцу имя дают,
на небесах определенное?
Зависит от имени жизненный путь.*

*Ты Акчабак в воде, и объятая
нашим лучом, рожденная ты
в созвездии Рыбы, в судьбу веришь свято,
и в исполнение своей мечты.*

*Дар твой целительства в жизни, способность
чувствовать мир, лёгкая рука –
это всё было заложено в звёздах,
на небесах, когда там ты была.*

*В Млечном Пути есть след луча света,
который коснётся ребёнка, любя,
если он назван согласно приметам,
и имя дано ему правильное.*

*От этого чудо луча отражается
луч всей Вселенной, в котором живут
прошлое, будущее и настоящее,
через него откровения идут.*

*И если назван младенец был правильно,
то света луч его быстро найдёт,
но, исказив его имя, знайте же –
будет в препятствиях жизненный путь.*

*Вот почему после долгих скитаний,
нашла дорогу в жизни свою,
и почему очень много страданий
вынесли хрупкие плечи твои.*

*В твоей судьбе целительство стало
смыслом всей жизни, ты радость несёшь,
делиши с больными горечь страданий,
и облегчение их душам даёшь.*

*Когда другим облегчаешь ты душу,
лучом вселенским светишь на них,
несёшь в себе вселенское слово,
и забываешь о бедах своих.*

*Груз этой тяжести в душах иных,
он переходит к тебе неизменно,
справиться с переживанием твоим
поможет звон ручейка непременно.*

*Нас девять девушек, девять лучей,
когда планеты в противостоянии,
мы представляем девять планет,
и во Вселенной мы светим лучами.*

*Вот эта девушка в белом платке,
сверкает она белым лучиком света,
в нём отражение планеты Луны,
в белом свете вся эта планета.*

*Сквозь белый луч видно белую душу,
когда справедливость – сверкает она,
но, искажив истину, непременно
во тьму погружается дева Луна.*

*Лечащим камнем сестры – белый жемчуг,
место, где лечит дева Луна,
где исцеляет от многих недугов,
из чистого создано серебра.*

*Почечные и глазные болезни
целебными травами можно лечить,
ты лепестки от цветов собери все,
надо отвар затем с них сотворить.*

*Эти растения знаешь ты с детства,
мята с кувшинкой растут у воды.
С нашей сестрой в полнолуние встретишься,
если захочешь, тебя посетит.*

*Тайну о жемчуге, травах целебных,
может поведать тебе всё она,
если увидишь её, то так знай же,
что это старшая наша сестра.*

*Эта сестра в зелёном наряде,
лучом Венеры владеет она,
своей красотой от всех отличается,
самая нежная наша сестра.*

*Переливается разноцветно,
лучик Меркурия очень красив,
через него получаем все знания,
и набираемся новых мы сил.*

*Вот луч света насыщенно-красный,
как сгусток крови сияет во тьме,
это луч девы с планеты Марса,
с норовом вздорным, он жаждет войны.*

*Смотри на меня, источая прохладу,
голубоватый луч света я лью,
кого он обнимет, тот будет во славе,
во мне видишь пятую деву-сестру.*

*И за двенадцать земных лет вращения,
я вокруг Солнца делаю круг,
за холоднокровие всегда отвечаю,
и за спокойный характер, мой друг.*

*Многие травы целебные знаю,
горною мятой болезни лечу,
ты из цветов приготовь отвар свой,
хвори любые ему по плечу.*

*Лучик Сатурна – черный луч света,
в чёрном платье, платке я свечу.
Этот луч света – дань уважения
тем, кто служит тьме, не добру.*

*Пятнистый, с линиями прямыми,
льётся луч света планеты Уран,
мудрость, находчивость, как надо выйти
из ситуаций, в луче ты познал.*

*Эта сестра красноликая дева,
в платье алом с планеты она
той, что Плутоном зовём, неизменно
учит железной воле всегда.*

*Благословенна путь ночь будет эта,
Кадыр тун¹ – посвящения ночь,
если нужны тебе девы-планеты,
нас в полнолуние снова найдёшь.*

*Если увидеть кого пожелаешь,
каждая может прийти и сама
по той дороге, которую знаешь,
первым прошёл её Жайсан Ата.*

*Пением своим петухи известили –
близится утро, пора идти нам,
время настало проститься с тобою.
будь же во здравии, Бюбю Мариям.*

...По словам девушек-лучей, все трудности в жизни возникают из-за неправильно данного имени. Чтобы довести до конца выбранное мной дело, не считаясь с мнением людей, я теперь должна идти по избранной дороге под именем Бюбю Мариям.

Передавая расшифрованные строки стихов Шакин агаю, почувствовала, что он ожидал большего. Стихи казались мне слабыми, может потому, что это были стихи не Жайсан Ата, а песни девушек-лучей, – не знаю. После расшифровки мне показалось, что их первоначальное воздействие ос-

¹ Кадыр тун – священная ночь.

*лабло. Запомнила из слов девушек, что мое имя –
Бюбю Мариям.*

Перед моим рождением старушка кудайчы¹ переночевала в нашем доме, поправила живот моей матери и сказала: «Не бойся, ребёнок жишаналу² родится живой, здоровый, но сама грудью не корми. Сделай так, чтобы кормила женщина другой национальности. Назовите девочку Бюбю Мариям. Кормилицу обязательно отблагодарите, не то у ребёнка в судьбе будут трудности». Потом всё оказалось так, как сказала эта бабушка. Лишь моя бабушка сказала очень твердо: «Никакая она ни Бюбю Мариям, назову по-киргызски, Майрамбюю»...

¹ *Кудайчы* – побиушка.

² *Жишиналу* – с особым знаком на теле.

ПЯТАЯ ГЛАВА

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ДРЕВНИЙ БАЙКАЛ

21.09.1995 г. 26-й лунный день. 0°

Я с нетерпением ждала этого четверга, очень мечтала о встрече с Жайсан Ата.

Даже не обратила на то свое внимание, что это был 26-й лунный день. В полночь Шакин агай с супругой проводили меня до окраины села. Дальше я продолжала путь в сопровождении бушующей пурги. Только, когда удалилась от села, поднялась на склон, почувствовала опасность, задрожав всем телом. Моя душа предчувствовала её раньше моего разума. Небо закрылось свисающими чёрными тучами. Не было видно ни луны, ни звёзд. Вверх по ущелью полз сизый туман, похожий на необычное большое животное.

Он собирался вокруг меня, словно готовясь проглотить. Прерывающийся Нуршоола блеснул среди туч. Послышался обеспокоенный голос Жайсан Ата:

Свет мой, я очень далёк, в измерении ином и знаю, как трудно тебе терпеть все муки разлуки, лишения. Чтобы не попасться в «лапы» беде,

*ты бы ждала до наступления
дня нашей встречи, о нём говорил,
но забываешь о том, к сожалению,
условия все, и о чём я просил.*

*Помни же время ты нашей встречи –
каждый четверг до полной луны,
только тогда мне открыта дорога
из света лучей лунной тропы.*

*Когда планеты напротив друг друга,
в линии Луна с Землею одной,
тогда приду без препятствий к тебе я,
душу свою ты скорей успокой.*

*Aх, отчего твою душу так гложет
грусть и печаль? От них убеги.
Разве быть сильной уже ты не можешь?
Отца – певца успокой, помоги.*

*Будь ты превыше невежества, толков,
не допускай падение души.
После суровой зимы очень долгой,
грядёт дыхание весёлой весны.*

*Так, подними свою голову выше,
не спотыкаясь, иди ты вперёд,
светлый тот путь был дан тебе Свыше,
будь же сильнее тревог и невзгод.*

*Ты сверхчувствительна, очень ранима,
слова, как пуля, ранят тебя,
сдерживать пыл свой необходимо,
не обижайся по пустякам.*

*Это подобно луку, который
сильно натянут, но он без стрелы.
Трудности есть свои в деле каждом,
груз слабые люди боятся нести.*

*Сделай спокойно правильный вывод,
все испытания смело прими,
не говори, что устала в дороге
на каменистом, но светлом пути.*

Быстро записала в тетрадь знаки и направилась домой. Десять дней назад в этом месте попала в чудесный мир, но в эту ночь я оказалась в объятиях такой страшной опасности, что всё внутри у меня дрожало, и я поняла, что у палки есть два конца. Почувствовала неизмеримо большую тёмную силу, но в то же время чувствовала, что у меня есть внутренняя сила, способная противостоять ей. По дороге домой зашла к агаю, оставила там безрукавку, которую он мне дал одеть, говоря: «Замёрзнешь». На его вопрос: «Как вы пришли?», ответила лишь: «Нормально.» – и вышла.

Для восполнения энергии, потраченной, чтобы выбраться из силков тёмной силы, необходимо несколько дней. Облила своё ослабевшее тело холодной водой, чтобы избавиться от нечиести, почувствовала себя бодрее.

Привести себя в порядок дома не было возможности, поэтому Гуля, жена Шакина, должна была разогреть воду у себя в ванне, чтобы я приняла её перед тем, как идти на медитацию. Но у агая были гости и т.к. я пришла раньше назначенного срока, то почувствовала себя неловко. Немного посидев, молча, вышла. Пошла прямо через

Шортон,¹ прошла через канал и направилась в горы. Кажется, немало прошла, прежде чем спустился Нуршоола. Не помню, сколько времени прошло, в какой момент внутри непрозрачного, ослепительного света показался Жайсан Ата. Я услышала его знакомый, бархатный голос:

*Так же, как ты жду час нашей встречи,
так же обидно и мне, как тебе,
чёрные силы выкрали время,
я, словно яду выпил теперь.*

*Не всё подвластно отцу, моя детка,
ты убедись в этом, помни всегда,
хотя сейчас обессиленный очень,
гораздо выше, чем все силы зла.*

*И позабудь, что той ночью случилось,
голос тот сладкий не вспоминай,
из равновесия тебя, выводивший,
скверные чувства он навивал.*

*Обиды наши и сожаления
так одинаковы, вместе грустим,
так же тебя охранял в этот день я,
всё же не смог той беды отвести.*

*Не охраняема в тот день была ты,
в том усмотри вину лишь свою,
но, присмотревшись вокруг внимательно,
сможешь увидеть, что рядом стою.*

¹ Шортон – название местности, куда Бюбю Мариям часто приходила, чтобы выйти на медитацию.

*Если являюсь твою защитой,
стал я опорой теперь для тебя,
благословенен же пусть будет щит мой,
тем же являешься ты для меня.*

*Всегда желаешь скорее ты встретиться,
и дни считаешь до встречи со мной,
так же хочу я с тобою увидеться,
жду с нетерпением свиданья с тобой.*

*Сердце Жайсана объято обидой,
зной, ты, словно очи мои,
в тёмную ночь, словно путеводитель,
не позволяй вновь себя победить.*

*Голос Жайсан Ата умолк. Воспользовавшись
этим, я попросила прощения за то, что не правильно
выбрав время, попала в сети тёмных сил.*

*Будь же ты выше бренного мира,
его забот иди лишь вперёд,
впредь не встречайся с той тёмною силой,
оберегайся от многих невзгод.*

*Всё, что прошло, пусть тебя не тревожит,
больше об этом не вспоминай,
только при встрече будь осторожнее,
месяц и день точно ты вычисляй.*

*Ну, а теперь разговор наш продолжим,
может, обрадуешь сердце отца.
Знаешь, кто он, из какого был рода?
Или ты спросишь ответ у меня?*

Я поняла, что речь идёт об Акматалы и Жаныбае. О них в прошлый раз спросил Жайсан Ата. Сказала, что я не знаю, кто они, но предполагаю, что из рода уйшёнов. Так же я сказала, что в наши дни среди кыргызских родов нет рода уйшёнов, а в Жумгальской области живут одаренные, музикальные люди из рода ёйдёчекти.

Вы сами сказали: «Я увидел одну ниточку луча, продолжающую род уйшёнов, на Шарыпкуле, поэтому я думаю, что уйшёны это род ёйдёчекти, т.к. агай из рода уйшёнов», – сказала я.

*Предположения твои так правдивы,
племя уйшёнов, потомков моих,
так измельчало невыносимо,
вы называете их ёйдёчекти.*

*Упомяни имена их в молитве,
кем они были во время своё,
если б узнала ты и спросила,
было б прекрасно, так хорошо.*

*Кто из потомков, кто из их крови,
сейчас живут среди вас в эти дни?
Кто говорит о предках с любовью,
и в сердце память о них хранит?*

*Если бы знала ты всё это,
то успокоила б отца – поэта.*

Голос Жайсан Ата звучал огорченно. Потом он обиженно замолк. Оправдываясь, я сказала, что не смогла узнать подробности, т.к. не было возможности. «Сейчас трудно что-либо узнать, люди абсолютно не верят даже в то, что я общаюсь с

живым духом», – сказала я с досадой. Подумала: «Если забыты Жайсаны, воспевавшие подвиг нашего Айкеля Ата, то, кто будет помнить Акматалы и Жаныбая»? Эта мысль, отразившая мои чувства, вылетела, не подчиняясь уму. Сразу же спохватилась. Я первый раз огрызнулась.

Молчаливая задумчивость Жайсан Ата затянулась. Оглянувшись по сторонам, увидела, что стояла рядом с Жайсан Ата на возвышенности. В этот момент тишину нарушил его голос:

*Свет мой, слова – золотая монета,
если правдивы они, – от души,
прямо сказала, от чистого сердца.
Многие люди из мира ушли,*

*кто только в мир ни ушёл тот иной,
даже и те, кто считал себя лучше
других людей, но, уйдя на покой,
всех их забыли благополучно.*

*Даже Жайсаны, всегда воспевавшие
подвиг народа, забыты они,
так, что откуда останутся в памяти
Акматалы, Жаныбай в эти дни.*

*Свет мой, сказала всю правду мне,
не побоялась, прямо в глаза,
болью она отразилась в душе,
ты резким тоном сразила меня.*

*Много ль мало прожив на земле,
и ровно в срок, отпущеный свой,
со вздохом последним, лишившись души,
тело в земле найдёт свой покой.*

*Если не выполнишь ты в бренном мире,
что предназначено Свыше тебе,
тогда душа не находит покоя,
она похоронена с телом в земле.*

*И похороненным имя останется,
слава твоя, ведь, не выполнив долг,
не поднялась на ступеньку, душа твоя
не совершила развития в срок.*

*Я докажу правоту этих слов своих,
из десяти Жайсанов-певцов,
ни одного вы не помните имени,
тех, кто Манаса воспели стихом.*

*Время придёт, дам тебе я послушать
песни певцов, тех, кто пели дастан,
если из них кто-то будет не точен –
имя батыров, земли искажать,*

*то ты об этом скажи сразу прямо,
факты, известно, вещь очень упрямая.*

*Жайсан Ата замолчал, не могу сказать точно,
сколько времени длилась эта глухая тишина. А
также не могу сказать точно – показал мне Жай-
сан Ата образы, которые я видела, или же про-
шёл по тем местам на самом деле. Разрушенные,
с торчащими красными шестами, горящих юрт,
развалины, восхитительно красивое озеро, бес-
конечное поле, и на этом поле трупы людей и
животных, каркающие вороны и грифы, осла-
бевшие, измученные, люди одетые в лохмотья,
покидающие это место через небольшой перевал.
Помню, как увидела старца, ведущего за руку*

двоих детей, с горестными глазами. Я навзрыд зарыдала и потом пришла в себя от противного запаха гари, в ушах эхом звучит печальный голос Жайсан Ата:

*Продолжу повествование тайны,
слушай внимательно и уточняй.
Вот мы проходим поле печали,
и города, что во власти огня.*

*Разрушено было много строений,
много прекрасных, больших городов.
Народ, ослабленный в муках, лишениях,
песню страдания скорбно поёт.*

*Свет мой, смотри: это серое поле,
когда-то красивейшим градом сияло,
земля была на рай похожа,
и реки чистейшей водой сверкали.*

*Равнина лежала – края не видно,
леса непролазные, очень густые,
тысячи видов животных в них жили,
и птицы прекрасные в небе парили.*

*Прозрачное озеро, словно слеза,
Байкёль¹ – название жемчужины той,
в нём множество рыбы водилось всегда,
и лебеди – птицы летят над водой.*

*Народ жил дружный и очень смелый,
вреда никому не причинял –
даже воде, траве и деревьям,
природу он свято вокруг охранял.*

¹ Байкёль – озеро Байкал.

*Враги неожиданно вдруг напали,
на поле просторном рекой текла кровь,
в разрушенном городе трупы лежали,
и светлое счастье сменилось бедой.*

*Горстка людей, которые выжили в бойне,
они проживали в Кёк-Мёнгю,¹
отправились, чтобы спастись, в Алайские горы,
в надежде на лучшую долю свою.*

*Бегей – один очень мудрый старец,
спрятал ханских двоих детей,
оберегал от недоброго глаза,
на землю предков привёз, чтоб спасти.*

*И на земле, где родился Ууз²,
детей среди дикой природы растил,
лишь в их совершеннолетие изрек:
«Объединяйте народ, чтоб спасти». –*

*Братья прошли по земле и собрали
ослабший в скитаниях, голодный народ,
но не было сил, чтобы снова отправиться,
на дальний Алтай, убежать от невзгод.*

*Собрали войско и кочевали,
прятались от людей они.
горстку людей от бед сохранили,
от многих страданий сберегли.*

¹ Кёк-Мёнгю – название местности, досл. «синий ледник».

² Ууз – самый великий император кочевников. Его государство располагалось от Средиземного моря до Алтая. Он имел сорок жён и сорок сыновей от них. Когда он ушёл в мир иной, сыновья не смогли сохранить отцовское добро. Воспользовавшись разногласиями сорока сыновей и народов, подчинявшихся им, внешние враги внезапно напали и разгромили всех, кое-кого даже с лица земли стёрли. Нынешние родственные кыргызам народы являются потомками Уузхана и его сорока сыновей и их народов.

*Свет мой, я об Айкёле Манасе
сказ свой тебе сейчас поведу,
ты не волнуйся, тайну открою –
сколько веков и почему*

*имя его всегда воспевалось,
и не забытым народом осталось.*

*Печальный голос Жайсан Ата удалялся и стал
нестышен. Когда я посмотрела по сторонам, ока-
залось, что стою во дворе дома, где мне дали квар-
тиру.*

5.10.1995-г

12-й лунный день.

0°

*Прошло 2 недели, в четверг, 5 октября, на
12-лунный день приготовилась к очередной встре-
чи с Жайсан Ата. Пожарила лепёшки, сделала плов,
посвятив духу Жайсан Ата, прочитала молитву и
поела с детьми. Сказала детям: «Ложитесь спать». Хорошенько закрыв дверь, вышла.*

*В эту ночь, как только вышла со двора, тело
моё вздрогнуло, словно от удара тока, и руки моей
коснулось, что-то тёплое и мягкое. Сразу послы-
пался знакомый бархатный голос:*

*Я благодарен тебе, Акчабак,
что лишь с любовью меня почитаешь,
и каждый раз, как садишься за стол,
пищу свою мне всегда посвящаешь.*

*Ты не грусти, что простая она,
только б от сердца её посвящала,
в жертву если животное принесено,
мясо не ем, его запах вдыхаю.*

*Дух мой силу и мощь получает,
будто я пишу ем, если её
с мыслями чистыми мне посвящаешь,
благословляешь пишу свою.*

*Она милее мне и дороже
полного казана еды.
Свечку зажги, зачерпни в роднике ты
полную кесе¹ прозрачной воды.*

*Свет мой, готова ты слушать меня,
если дастан сейчас петь я начну?
Его храню, ни строки не теряя,
и уточняя веками, пою.*

*Я показал тебе многих поэтов,
певших дастан, и о них рассказал,
чтоб посмотрела и сделала вывод,
увидев разницу, всё осознав.*

*Кто-то пел правду без искажения,
кто-то пытался слова исказить,
сделать потомкам свои заключения
скоро придётся, всё уточнить.*

*Свет мой, ещё раз тебе напоминаю,
как я дастан стал этот петь,
озеро слёз, благодать покидала,
можно конец света в этом узреть.*

*На иссохшей пустыне Ит-Олбоса,
зловонный запах крови в нос бил,
трупы лежали, в бою том погибли все,
в живых остался я лишь один.*

¹ Кесе – деревянная чаша.

*Среди множества трупов лежащих,
лежал один я, глаза приоткрыл,
вдруг, словно громом с небес, исходящий
голос печальный меня поразил.*

*И, прогремев, словно гром среди неба,
полный страдания, голос сказал:
«Всё, что ты видел, народу поведай». –
С тех пор пою я священный дастан.*

*Пел я дастан, вспоминая о Шере,
и славный подвиг его воспевал,
но бренный мир наш не совершенен,
и потому не окончен дастан.*

*Душа моя не знала покоя,
и не могла найти место своё,
были забыты Жайсаны, но вскоре
тебе поведаю повесть мою.*

*Я расскажу, почему не исполнил
долг свой, об этом попозже рассказ,
но не могу сейчас точно решить,
с какого места начать этот сказ.*

*Повесть всегда с того начинаю,
когда войско Айкёля пошло
в Поход Великий, и продолжаю
сказ свой о том, как погибло оно.*

*Если учесть твою просьбу, тогда я
должен с рождения Айкёля начать,
только по Воле Всевышнего, знаю
сложится так, как должно предстоять.*

*Время пришло уже мне возвращаться,
Сказ свой дастана при встрече начну,
с того лишь места, что предназначалось
Свыше, о том я тебе и спою.*

...Пришла в себя от ослепительного яркого света, похожего на искру от электрического замыкания. Немного была в растерянности, потом узнала, что это дверь моей квартиры, в которой я живу. Дверь дома беззвучно открылась, когда перешагивала через порог, меня встретил вопросительно голос сына: «Апа, Вы так быстро вернулись! Кто открыл вам дверь?».

«Если ложитесь спать, закрыв дверь, никому, кроме меня, дверь не откроется, а мне она сама открывается, вы этого не бойтесь!» – сказала и прошла за занавеску, за которой сплю.

12.10.1995 г. 19-й лунный день. 22° 1' 35"

Хоть сегодня и четверг, но 19-й лунный день, которого надо опасаться. С тех пор, как в прошлый раз Жайсан Ата, сказал, что начнёт петь дастан, дни медленно шли. Прихода этого четверга ждала с нетерпением. «Ладно, рискну!» – решила я, сделала то, что смогла: приготовила еду, прочитала молитву и вышла в поле, чтобы встретиться с Ата. Когда стала подходить к небольшому ущелью Шортон, спустился мой Нуршоола, но образ Жайсан Ата не показался как всегда, а послышался его голос, словно издалека:

*Свет мой, знаю с огромным желанием
будешь на встречу со мною идти,
долго смотрел, переживал я,
ведь невозможно к тебе подойти.*

*Да, измерения наши сейчас,
лежат напротив друг к другу,
когда Луна убывает, ты знай,
к тебе приди не могу я.*

*Встреча возможна один иль два раза
в месяц, до убыванья Луны,
не ошибайся, высчитывай сразу
дни нашей встречи, расчёты важны.*

*Свет мой, заметила, в каком цвете
свет был окрашен луча-пути?
Ты обращай внимание на это,
чтобы дорогой прямою идти.*

*Если желаешь, чтоб путь был открытым,
чтоб без препятствий дорога была,
выбери луч белоснежный с отливом
голубоватым, хранит он тебя.*

*И остальные цвета без препятствий
тебе помогут, но лишь берегись
чёрного лучика, смрада болота,
чёрного цвета ты сторонись.*

*Если вдруг снежная буря завоет,
тучи свинцовые, вихри кружат,
то собираться в дорогу не стоит,
встречи со мною не будет никак.*

*В твоих руках подарок – Нуршоола,
Девы-Лучи подарили тебе,
каждая дева, поведав о цвете,
ярко сверкает звездой в высоте.*

*Очень надеюсь, что ты не забыла,
какими лучами сверкают они,
каждая цветом своим осветила,
в памяти эти лучи сохрани.*

*Путь, что прошла ты – зелёного цвета,
это Чолпон-луч, с Венеры она,
о чём ни спросишь, тебе всё поведает,
так, расскажи, о ком дума твоя.*

*Только, желая, чтоб путь ваш был в свете,
светит так ярко лучик Чолпон,
всех обласкает, кого бы ни встретил,
радость и нежность несёт в себе он.*

*Не нарушая события ход,
встретит тебя она только раз в год.*

*Нуршоола стал прозрачным, голос Жайсан Ата
стал удаляться. Если бы в этот раз было больше
времени, я хотела бы задать вопрос Шакин агая:
«Как звали мать Жайсан Ата?» То ли я не хотела
отпускать Жайсан Ата, в общем, несмотря на то,
что его голос удалялся, задала этот вопрос, он от-
ветил очень прерывистым, печальным, сожалею-
щим голосом:*

*Скоро мой голос не будет так слышно,
быстро растёт расстояние меж нас,
и потому на вопрос твой открыто,
коротко я отвечаю сейчас.*

*Запоминай же теперь ты ответ:
Караг хан из рода аргынов –
мой, по линии матери дед,
на склоне лет свою дочь лишь увидел.*

*Дочь Жанылча поздно так родилась,
и от него не потомок остался,
ведь дочь не может род продолжать,
но в воспитании дед постарался.*

*Он Жанылче, словно сына растил,
в играх на лошадях нет ей равных,
в стрельбе из лука она впереди,
не отстаёт от батыров всех славных.*

*У Жанылче был характер сильный,
но избалована дедом она,
на моего отца обратила
своё внимание всё же сполна.*

*Он ей понравился доблестью славной,
его половинкой в жизни была,
в мирное время женюю, отрадой,
любящей, пасковой, нежной слыла.*

*Но с нападением врага, была первой
среди батыров в сражении она,
в бой вместе с мужем шла, и из лука
в цель метко летела её стрела.*

Прерывистый голос стал неслышен. Пришла в себя, задыхаясь, и пошла в сторону села по склону, объятому белым светом. Когда приблизилась к подножью холма, меня осветил приятный тёплый зеленоватый свет и, словно во сне, звучащий, как колокольчик, голос стал передавать информацию.

Когда пришла в себя, словно проснувшись ото сна, и уже стояла в своём знакомом дворе, рассвело. Как всегда пришёл Шакин агай, прочитал расшифрованные строки Жайсан Ата и недовольно

спросил: «И это все?» Посмотрев на хмурый вид этого взрослого человека, с сединой в бороде, оби-
девшегося, словно ребёнок, которому не дали кон-
фету, я немножко возмутилась, потом мне даже ста-
ло смешно, но промолчала. С тем же нахмуренным
видом агай повторил свой вопрос: «И это все?». Я
рассказала об информации, полученной от луча
Венеры, о тракте «Бри-ша», находящемся в дале-
ком тибетском монастыре Сэргог Манба, извест-
ном науке. Сам «Бри-ша» считается лишь иллюст-
рированным справочником «Вайдурья-онбо»¹, а
«Вайдурья-онбо» – это справочник «Чжуд-ши» со-
стоящего из четырнадцати тысяч строк стихов,
являющегося четырехтомным источником тибетс-
кой медицины, которая была ещё до «Бри-ша». Эти
тракты хранятся в тайне. Я сказала, что получила
необходимую для моей целительской работы рас-
шифровку из тех трактов, но не имею права ска-
зать, из чего изготавляются лекарства и их меру.
Я почувствовала, что агай не очень верит в то,
что я сказала, и его интересует дастан Жайсан Ата.
Я поняла, что он беспокоится о том, почему и в
этот раз Жайсан Ата не начал дастан, подтверж-
дая мои мысли, агай хмуро спросил: «Наверное, и в
этот раз дастан не начат. Почему он тянет с этим?»
Я не хотела говорить о своих мыслях, которые му-
чили меня. «Наш отец, наверное, из-за моего ха-
рактера, в котором много привязанности к брен-
ному миру, опасается, что я не доведу до конца
начатое дело», – сказала я, и агай, словно подтвер-
ждая мои слова, молча задумался.

¹ «Вайдурья Онбо» – древнейший трактат «Вайдурья – онбо» пред-
ставляет собой комментарий к основному канону тибетской
медицины «Чжуд-ши». В трактате излагаются теоретические кон-
цепции, положения по вопросам нормы и патологии организма
человека.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

СУРОВОЕ РЕШЕНИЕ

02.11.1995 г. 10-й лунный день.

9° 3' 57"

О, мой Тенир! Что за тайный груз, тяжесть которого не может поднять даже конь, Ты взвалил на судьбу такой бедной женщины, как я, у которой привязанность к бренному миру очень большая. Ведь я была одной из многих, борющихся с этой своей привязанностью. Потом наяву столкнулась с тайным миром, с которым во сне взаимодействуешь. Когда-то я стала через вещий сон обладательницей камчы¹ и теспе², известной всему Джумгалу, но покинувшей этот бренный мир, Бюбюайша апа. Из-за того, что эти священные вещи муж взял в руки без моего ведома, в знак протеста я ушла из дома в одном халате, взяв только свою синюю сумку. Вот так я развелась с мужем с которым прожила почти тридцать лет, когда уже стала бабушкой.

Если б я, получив те камчы и чётки, не занималась целительством, разве пришёл бы ко мне Шакин агай? И если бы агай не спросил: «И у «Манаса» был автор, не могли бы вы узнать, кто тот человек?» – разве я встретилась бы с Жайсан Ата? Нет, а теперь, поверив в слухи обо мне, невестка Бюбюайша апа пришла и потребовала камчы и чёт-

¹ Камчы – плеть, камча.

² Теспе – четки.

ки. Наверно, пришла с мыслью, что не отдам, ну, разве чужая вещь может принадлежать другому человеку. Несмотря на то, что моя душа страдала и болела, я, молча, отдала эти вещи, повернувшие русло моей привычной жизни.

Если моё целительство было привязано к этим вещам, тогда, конечно! Но жизнь моя на этом не кончится – есть Жайсан Ата мой, есть Великий Дастан, который обещал рассказать мне его живой дух! Хоть я и, отвлекалась таким образом от своих мыслей, но после того, как невестка Бубайша апы забрала камчи и чётки, два дня проплакала. Со мной, плачущей, не зная, что делать, были моя дочь Нургуль, сестра младшая Гульнара и подруга Бегайым. Агай уехал с коллективом на гастроли.

В тот день у агая был приступ и он вернулся. После того, как я около получаса лечила его руками, и ему стало легче, сказала о том, что невестка Бубайша апы забрала её вещи и зарыдала: «Наверное, теперь не смогу заниматься целительством». Измученный болезнью, агай прямо взглянул на меня, встал с усилием с места, и сказал: «Вы ошибаетесь, сила не в камчи и чётках вашей Бубайша апа, а в вас самой! Вы не Бубайша апа, а Бубю Мариям! Прекрасно, что вы избавились от чужих вещей. Из-за того, что муж сказал, что сожжёт эти вещи, вы ушли из дома. Это даже хорошо, что так случилось, а то я боялся всё время – вдруг кто-нибудь специально, назло, уничтожит эти вещи, и что же с вами тогда будет!» Лицо его зарумянилось.

Я сначала обиделась, а потом, когда поняла смысл слов агая, двухдневный конец света, который свалился мне на голову, отдалился, и на душе у меня стало спокойней.

На третий день я стала обладательницей нового камчи и чёток. Съездила поклониться на мазар «Жумгал-Ата». В эту ночь я должна была выйти на встречу с Жайсан Ата. Когда уже собралась выйти из дома, постучали в дверь. «Майрам эже, матьшке плохо, мы за неё боимся, придите, пожалуйста», – с такими словами вбежали в дом младшие сестры Бегайым. Я не смогла им отказать.

Это моя подруга, работавшая после окончания учёбы директором школы, а потом ответственным работником в районном аппарате, разрешала мне ночевать в своём доме и искала вместе со мной квартиру, когда я ушла из дома. Совсем недавно, когда старшие перестали называть меня «дорогая», а младшие «эже» и, как от больной отвернулись, в те дни единственная эта моя подруга Бегайым была мне опорой. Мать её уже долгое время лежала в постели больная, её жизнь подходила к концу. Увидев, как девочки со слезами прибежали ко мне, я не смогла им отказать в просьбе и уйти. Положила на место сумку, которую держала в руке и с ними пошла в дом Бегайым. Бегайым горько рыдала. Уже собирались соседи. А отец Бегайым уже закрывал лицо своей старушки платком. Я присела на корточки рядом с Айша апа и взяла её за запястье. Длинная вена чуть заметно дернулась. Убрала накрытый платок с лица, положила правую руку ей на лоб, левой рукой держа её за запястье, начала делиться с ней своей энергией. Через двадцать тридцать секунд она открыла глаза и тихо вздохнула. Онемевшая её рука пришла в движение, она потянула одеяло к своему подбородку, мягко по-

¹ Айланайын – милая моя, хорошая и т.д. букв. «да кружиться мне вокруг тебя» (заботясь).

жала мне руку и с благодарностью сказала: «Айланайын».¹ Её плачущие дочки успокоились. Все сидящие молчали. Я погладила волосы Айша апа и сказала: «Не пугайте девочек, будьте с Богом, апа», – и обратилась к Бегайым: «Пойми меня правильно, не обижайся, я должна идти на медитацию, мне надо идти», – и вышла из дома.

Придя домой, принесла ведро холодной воды, и в укромном месте, во дворе, облилась и направилась в горы. Ещё недавно ясное небо покрылось тёмными облаками, вся округа оказалась в объятьях темноты.

Нуршоола не спускался. Я шла, и душа моя страдала. Не знаю, сколько времени я так ходила. В какой-то момент обратила внимание на округу, оказалось, что я стою на скале Мадемила. Нуршоола всё не спускался. «Наверное, Жайсан Ата обиделся за то, что я перед выходом из дома не зажгла свечу, если он больше со мной теперь не будет встречаться, то нужна ли мне такая жизнь? Из-за дастана я поставила на одну чашу весов всю свою жизнь до этого времени, на вторую чашу весов поставила дастан, в пожилом возрасте ушла из дома и стала предметом посмешища и слухов. И если Жайсан Ата больше не встретится со мной, стоит ли мне жить? Я осталась без ничего, всё потеряла, единственный выход – умереть, бросившись со скалы!» – пришла к тому выводу, и когда я уже была готова броситься со скалы вниз, спустился Нуршоола. На одном конце голубоватого луча появился Жайсан Ата, и прозвучал его строгий, грозный голос:

*Свет мой, молитвенно руки сложи,
и помолись за успех в нашем деле,*

*если не веришь, назад поверни,
ведь пуда соли тот груз тяжелее.*

Голос умолк, словно ожидая ответа. Я растерялась, не зная, что сказать, потом взяла верх моя обидчивость и, думая: «Ведь ему самому известно лучше, чем мне, смогу ли я осилить груз, который он взвалил на меня, или нет». Молчала. Я не хотела отказываться от того решения, и в это мгновение мне казалось, что лучше умереть, чем жить. Более мягким голосом, чем раньше, Жайсан Ата продолжил свою речь:

*Груз вековою пылью покрыт,
четыре века лежал он в забвении,
его на плечи твои возложить
рискну, но хватит тебе сил, терпения?*

*Если ты веришь, что не оступишься,
будешь клятвы данной верна,
то я тебе, конечно, поверю,
и возложу этот груз на тебя.*

*Благословлю, чтобы путь этот светлый
был для тебя во Вселенной открыт,
много препятствий будет, поверь мне,
но эта дорога в Свете лежит.*

*С записями будь осторожна,
тайну поведаю я до конца,
всё рассказать тогда станет возможно,
не открывай пока песни отца.*

*Тёмные души смогут присвоить,
если заранее тайну открыть,
благословляю на путь этот добрый,
ключ отдаю от ларца – он закрыт.*

*Только открыв его крышку, ты сможешь
мои стихи и песни узнать,
пусть одинокая женщина тоже
тебе поможет парец отворить.*

*Женщина эта так жаждет ребёнка,
молится Богу, дитя чтоб родить,
чистой водой напои её вволю,
пищей своей не забудь угостить.*

*И не грусти, что вдали от народа,
ты по горам бродишь и по полям,
чтобы достигнуть намеченной цели,
не предавайся житейским делам.*

*Ты отрекись от бренного мира,
«О, Боже, Боже, нам помоги,
открой дорогу», – молю я Тенира,
«Ты наш дастан для людей сбереги». –*

*Пусть мой народ скорее проснётся,
время настало дастан им отдать,
каждого сердца пусть он коснётся,
много веков не мог ведь звучать.*

*Долго страдал и думал, рыдая,
как я дастан народу отdam,
его слова пою со слезами,
передаю теперь его вам.*

*Пусть моя дочь расскажет всё это,
теперь начну долгожданный рассказ,
лыются слова из самого сердца,
твоя рука всё запишет сейчас...*

После этой медитации от 2 ноября 1995 года была получена информация, которая потом расшифрована в стихотворную форму. Эти строки помещены в 97–100 страницах данной книги. Всю информацию первой книги дастана «Айкёль Манас» Бубы Мариям написала во время медитаций начиная 2 ноября 1995 года до 30 мая 1996 года.

ВОЗВРАЩЕНИЕ АЛМАМБЕТА

ПИСЬМО КАНЫКЕЙ

Вниманье своё обрати, я прошу,
сейчас о битве рассказ поведу.

«Великим Походом» она была
в истории названа. Навсегда,

до Конца Света, память о ней
жить в сердцах будет наших людей.

В данзе¹ Китая есть запись о том,
сколько батыров в Походе том,

гибель свою на чужбине нашли,
и вечным сном уснули они.

Хоть и лишился Манас тогда
войска огромного, но на века

Эр Манас – имя осталось его,
в сердцах людей живёт оно.

Завоевать Бээджин² Манас смог,
что не сумел Сулайман³ царь, пророк.

¹ *Данза* – книга-летопись.

² *Чет-Бээджин* – столица одного из полуханств Китая, завоеванного Манасом.

³ *Царь Сулайман* – царь Соломон.

Правил подряд уж семь месяцев он
народом, который был им побеждён.

Но хан бээджинский решил опять,
трон золотой свой обратно забрать.

Чтоб вернуть ханство своё, проявил
хитрость, Манасу тогда подарил

прекрасных девушек сорок своих,
поставил свою дочь во главе них.

Шли в Поход воины, чтоб победить,
врагу пришлось горькую чашу испить.

Хвалились победой теперь они,
устроили той¹ на многие дни.

Шестьдесят дней и ночей пировали,
чоро² китайских дев в жёны брали.

От побеждённых китайцев ушло
счастье, птицей летит прочь оно.

Голову свою не могут поднять,
также не смеют они возражать.

Но победители себя ведут,
словно они никогда не уйдут,

в Бээджин, будто навечно пришли,
бдительность растеряли в те дни.

¹ Той – пир.

² Чоро – витязь.

Только китайская сторона
сидеть спокойно тогда не могла.

Великодушье Айкёля¹ она
в пользу свою обратила сполна.

«Пусть Шуй-Ку-Чу твоим поваром будет»,—
сказали так, но, что скоро погубит

его этот повар, не ведал Манас,
что он предаст его в назначенный час.

Китайским шпионом тот повар был,
он за Айкёлем прилежно следил.

Хитрости этой Айкёль не знал.
Войско своё большое собрал.

К Бакаю², Кошою³, обратился,
к войску огромному. Распорядился,

решив Шууту⁴ отправить в Талас⁵,
с вестью, что ханом стал Эр Манас,

что в Бээджине теперь правит он,
пусть о том знают в крае родном,

пусть радость ту Шууту принесёт,
пусть до людей она наших дойдёт.

¹ Айкёль – качество, присущее единственному Манасу, – великная душа, великодушный.

² Бакай – самый мудрый советник Манаса, его близкий родственник.

³ Кошой – один из великих богатырей эпохи Манаса.

⁴ Шууту – один из сорока чоро. Он в основном выполнял функции связного.

⁵ Талас – город, где находился центр государства образованного Манасом.

От людей весть должен он принести.
Ночи и дни Шууту был в пути,

все перевалы прошёл, и в Талас
новость принёс, что стал ханом Манас.

«Китайцев наш Эр¹ Манас покорил», –
народ Шууту тогда известил.

Каныкей² эти, услышав слова,
стала печальной, с плачем она

слуге Шууту речь свою говорит,
её передать Айкёлю велит:

«Назад вернётся пусть Айкёль мой,
скорей приедет пусть он домой.

Ты передай от несчастной жены
ему привет и слова все мои.

Его народ наш давно уже ждёт,
пусть поскорее домой он придёт.

Сон веший видела в эту ночь я,
душа болит и страдает моя.

Купол ханского дворца упал,
пожар родную землю объял.

Город в руинах, чинары две
твои упали, лежат на земле.

¹ Эр – бесстрашный, непревзойдённый воин, здесь имеется в виду полководец.

² Каныкей – жена Манаса.

Сразу, проснувшись, с постели встала,
«Великая Мощь! Помоги!», – сказала.

Затем на запад плеснула я
воду с пеплом, просила, моля:

«Сила Великая! Ты уведи
гнев свой, и нас от беды сохрани!», –

Батыр¹ Шууту, непростой этот сон,
Тенира² знак несёт в себе он.

Прошу, коня, сил своих не жалей,
и доберись до Айкёля скорей.

Моё письмо ему передай,
в дорогу ты свою выезжай».

Конь Буурул, запряжённый стоял,
его подарила дева Сайкал.³

Она написала шертту сёз⁴ в письме:
Чтоб войско Манаса сохранило.

Передаёт через слугу Шууту,
письмо Айкёлю она своему.

¹ Батыр – бесстрашный герой, богатырь.

² Тенир – Бог, создатель.

³ дева Сайкал – дочь хана Карача, воспитанная в духе воинской доблести и славы, ставшая сильной воительницей. Однажды она вызвала на поединок самого Айкёля Манаса. Тот поединок она проиграла и в знак примирения подарила Манаса своего коня Буурул. Сайкал дала обет безбрачия из-за обещания стать женой Манасу на том свете.

⁴ Шертту сёз – молитва-заклинание, которое действительно смогло бы отвести беду от своих и в то же время принести много бед, несчастий врагам. Это магическое-заклинание мог использовать только Манас.

* * *

Отдав Манасу Чет-Бээджин,
китайские ханы все, как один,

все сорок, собравшись, мечтают они
Манаса убрать, строят планы свои.

Сорок тысяч способов знают,
какие из них применить решают.

Но средства такого они не найдя,
все очень страдают, сердцем скрипя.

О том, что Манас сядет на златой трон,
что Чет-Бээджин завоюет он,

заранее всё аяры¹ знали,
события эти они предрекали.

Но если в руки к нему попадёт
письмо Каныкей², и его он прочтёт,

то станет ханом Китая всего,
и, чтоб не случилось событие то,

хан Конурбай³ в дозоре сидит,
он, дни и ночи готовясь, не спит.

Смотрит всегда на дорогу он ту,
по которой поедет слуга Шууту.

¹ Аяры – люди, обладающие свойством предвидения и сверхспособностями.

² Письмо Каныкей – то, что она пишет Айкёлю Манасу как раз и доказывает что у кочевников была своя письменность. В данном случае в письме Каныкей была мощная информация в виде молитвы-заклинания и если бы ее привели в действие, то произошли бы очень страшные события, наносящие огромные жертвы врагам.

³ Конурбай – самый непримиримый враг Манаса.

Цель Конурбая – письмо захватить,
коня Тайбуурул стрелою убить.

Если к Манасу письмо попадёт,
народ китайский страданья найдёт.

Опережая птицы полёт,
конь Буурул Шууту несёт.

Свой дальний путь быстро преодолел,
письмо скорей довезти он хотел.

Без остановок ехал, спешил,
и не жалел он тогда своих сил.

Когда Конурбай на него встал пути,
казалось ему, вышел дух из груди,

и сердце холодной сжало рукой,
страх победить не мог в себе свой.

Готовый излить зло с желчью дракон,
несёт в себе смерти дыхание он,

неистово пляшет смерть в злобных глазах,
и вызывает в душе сильный страх.

На яму могильную были тогда
у Конурбая похожи глаза.

Коня Буурул ударив кнутом,
от Конурбая поскакал он.

Не видел, что сзади, что впереди,
лишь только скорее старался уйти.

Тайбуурул не касался земли,
и, словно птица летели они.

Коня Шууту хлыстает кнутом,
не замечает куда едет он.

Когда доехал до Баткактуу¹
с чёрной водой, то узрел Шууту,

что нет дороги теперь впереди,
и нет назад ему тоже пути.

Никто из людей не мог перейти
на другой берег этой реки.

И кто по болотистой реке пошёл,
тот смерть в её водах свою нашёл.

Когда Конурбай почти уж догнал,
и, приближаясь, совсем рядом скакал,

тогда решил слуга Шууту:
«Лучше в болоте этом умру». –

К реке повернул Буурул коня он,
его ударил тяжёлым кнутом,

и конь к реке стрелой полетел,
на другой берег перелетел.

Перед какой-то потерей мы,
всегда совершаляем ошибки свои.

¹ Баткактуу – большая, болотистая по берегам река.

Кисе¹ оборвался у воина тогда,
его поглотила Баткактуу река,

и специально написанное письмо,
в водах реки утануло оно.

Скачет, преследующий его хан,
гонится Конурбай по пятам,

но не заметили он тогда, что
письмо упало, уплыло оно.

Алгару² бьёт под собой кнутом,
гонится за Буурул конём.

...У Алмамбета хана душа
необычайно особенная.

Грозный, как лев, он заранее знал,
что Шууту Конурбай поджидал.

Лишь только небо окрасил рассвет,
на пост дозорный пошёл Алмамбет.

Он за дорогой зорко следит,
не отрывая глаз, вдаль глядит.

Ведь должен по ней ехать Эр Шууту,
ждёт, приготовившись, смотрит в трубу.

Вдруг клубы пыли вдали появились,
Буурул конь от них отделился.

¹ *Kise* – особый пояс воина.

² *Алгара* – конь Конурбая.

Следом за ним кто-то скакет ещё,
если оставить всё как есть, то

он Буурул коня сможет догнать.
Всадника смог Алмамбет опознать.

Мчится скакун Буурул как стрела,
скакет за ним следом конь Алгара.

Хан Алмамбет Конурбая узнал,
с криком: «Эр Манас!», – шум поднял.

Когда Алмамбета Калча¹ увидал,
то, повернув назад, прочно поскакал.

Он Алгару коня направляет
в Бээджин крепость, скрыться желает.

И кровожадный Калча ускакал,
Алмамбет следом за ним поскакал.

Калчу ударить копьём хотел,
но сделать это он не успел.

Высокую крепость преодолел
конь Алгара, её перелетел.

Назад Алмамбет батыр поскакал,
оценку высокую Алгаре дал.

К Эр Шууту, он повернулся,
который с родины вернулся,

и весть привёз из родного Таласа,
его Алмамбет поприветствовал сразу.

Рад был, что тот вернулся живой,
спросил, как народ живёт родной.

¹ Калча – прозвище Конурбая – горбоносый.

Ещё расспросил о родимой земле,
половинке Айкёля, его жене

Каныкей, как здоровье теперь у неё,
как живёт Арууке¹, супруга его.

О младенце ещё Семетей² спросил,
о родных своих людях он расспросил.

Без проблем ли, бедствий живут они,
не напали на них ли наши враги.

Многочисленные ногои, нойгуты,
уйшёны, тюргёши, а также аргыны.³

Расспросил, как они теперь поживают,
хорошо ли? Трудности в жизни не знают?

Стоят также Кен-Кол, Талас, крепость дворца,
процветает ли также родная земля?

Повернул коня за уздцы Шууту,
Алмамбета приветствуя, молвит ему:

«Многочисленный твой кыргызский народ
жив, здоров, не испытывает невзгод.

Широко раскинулась твоя земля
Кен-Кол и Талас, процветает она.

Во главе Каныкей, нашей женеке⁴,
во здравии жена твоя Арууке.

¹ Арууке – жена Алмамбета.

² Семетей – сын Манаса.

³ Ногои, нойгуты, уйшены, тургешы, аргыны – названия крупных племен потомков Ууз хана.

⁴ Женеке – ласковое обращение к жене старшего по возрасту мужчины.

Господина нашего ребёнок,
долгожданный, маленький князь-соколёнок

жив, здоров. Весть хорошую передаю,
её в сердце радостно я несу.

Арууке просила всё рассказать,
и при встрече её слова передать:

«Алмамбет, дорогой, любимый мой,
пусть скорей возвращается он домой,

пусть печаль и грусть покинут его,
не тоскует, что сына нет у него.

Что нет сына потомка, переживал,
князь о том мой, всегда так горевал.

Был единственным сыном он у отца,
сомневался, не зная, что у меня,

в моём чреве живёт дитя его,
было свыше, Тениром оно дано.

Мало дней на сносях осталось ходить,
приближается время ребёнка родить».—

Алмамбет лишь услышал эти слова,
передать их просила его жена.

Взволновался, в душе его радость была,
и прекрасным цветком она расцвела.

Слёзы радости с глаз его потекли,
Алмамбета лицо омыли они.

От тех слов, что ему Шууту передал,
счастьем радости он переполненным стал.

Он от счастья не знает, что и сказать,
невозможно словами его описать.

Все печали в душе растворились потом,
засветилась душа его светлым лучом.

Шууту крепко обнял, расцеловал,
и такие слова ему он сказал:

«Батыр Шууту, голову я свою,
в дар за весть бесценную отдаю», –

На слова Алмамбета тогда Шууту
дал ответ, и вот что сказал он ему:

«За весть радостную получил от тебя
я подарок, им стала радость твоя! –

Ещё раз обнялись, затем поскорей
к войску направили своих коней.

Вместе к Шеру Айкёлю они зашли,
и сказал Шууту Эр слова свои,
господина приветствуя: «Шер мой,
жив, здоров ли ты, Айкёль? Народ твой

мирно живёт и спокойна твоя
Родина-матушка, наша земля.

Во здравии мать и отец, вся родня,
так же жена, половинка твоя,

сын Семетей, продолжающий твой
путь и, идущий всегда за тобой». –

О том, что цела, невредима земля
батыр Шууту поведал тогда.

Потом, побледнев, ещё постоял,
мрачно слова он Айкёлю сказал:

«Мой кёкжал¹, Айкёль Манас, сейчас ты,
выслушай, прошу, слова все мои.

Шер Айкёль, вот моя голова,
хочешь её отруби ты тогда.

Тебе Каныкей написала письмо,
не смог привезти, сохранить я его.

Неожиданно из засады Калча
вышел, от него убегал быстро я.

По сторонам тогда не смотрел.
Мешочек на поясе моём висел.

В нём было спрятано мною письмо,
когда потерял, не заметил того.

Когда оборвался мешочек, не знал,
коварный Калча меня почти догнал,

ударил коня Тайбуурул кнутом,
прыгнул на берег тогда другой он.

¹ Кёкжал – бесстрашный, отважный, букв. сивогривый (волк), эпитет воина.

И оборвался мешочек с письмом,
был он потоком воды унесён.

Письмо Каныкей в реке уплыло,
для нас спасением было оно.

Письмо-талисман потерял я тогда,
было спасеньем оно от врага.

Тебе я, Айкёль, сейчас говорю,
отрубить можешь мою ты главу.

Кроме благословенья, что было в письме
Каныкей жена твоя просила тебе

передать те слова: «Пусть Айкёль мой
возвращается вместе с войском домой.

Не послушает если сейчас он меня,
тогда войско его ожидает беда.

Я, колени свои перед ним преклонив,
умоляю его, вместе руки сложив.

Пусть султан мой коня своего повернёт,
на землю вернётся, где народ наш живёт,

пусть Создателя кара минует его,
пусть Айкёля Тенир пощадит моего.

И Айкёль господин, кабылан¹ мой,
пусть скорей возвращается он домой». –

¹ *Кабылан* – общее название родственных хищников: лев, снежный барс, леопард, пантера, тигр.

Так твоя половинка, супруга твоя,
осталась в молитве горькой она.

Может знак Свыше был для нас дан то,
что потерялось шертью сёз-письмо?

Есть ещё знак, на который мы
вниманье своё обратить должны.

В Таш-Казане¹ осталось воды чуть-чуть,
знали предки наши знака этого суть.

То событие к сведенью надо принять,
мы не можем, Айкёль, его отрицать.

Давайте же сядем мы на коней,
на родную Отчизну поедим скорей,

чтоб проклятье, Айкёль, не коснулось тебя». –
Речь свою Шууту так закончил тогда.

На него Шер Айкёль молчаливо смотрел,
очень долго молчал, потом тихо велел

своих воинов всех скорее собрать,
хоть старался его убеждать, умолять

Шууту, но батыр наш Шер Манас
не хотел его слушать в этот час.

К войску собравшемуся своему
лик повернул, объясняя ему

¹ *Tash-Kazan* – священное место, которое находится в Таласской долине.

все обстоятельства, стал говорить:
«Хотел китайцев врагов покорить,

гнев мой кипел, в Бээджин привел я
войско своё многочисленное.

Несправедлив, может, вспыльчив был я,
за всё прости, мой народ, ты меня.

Войско огромное, ханы мои,
а также беки, простите и вы,

хан Бакай, Кошой, Тёштюк, хан Музбурчак,
Ажыбай, Шер мой Кёкчё, Сыргак, Чубак,

сорок чоро, Алмамбет беркут, вы
слушайте все, слова эти мои.

К вам обращаясь, я говорю:
«Соскучился кто, тот на землю свою

пусть возвращается, и все кто уйдут,
пусть до Таласа живыми дойдут,

заботятся пусть о народе они,
будут с ним вместе в тревожные дни.

Семь месяцев в веселье прошли,
праздновали свою победу мы.

Если ж отправлюсь домой говоря,
что очень скучаю по Родине я,

то опасаюсь, что может поднять
враг свою голову, войско собрать.

И когда он на нас нападёт,
от битвы жестокой никто не уйдёт.

Воины пока доедут домой,
ослабнут все, план коварный свой

осуществит враг, он следом пойдёт,
на воинов наших затем нападёт.

Смогут ли удар они отразить,
хватит им сил, чтоб врага победить?

Останутся те пусть, кто хочет со мной,
чтоб долг перед Отчизной, исполнить свой.

Когда успокоимся что дела
в Бээджине спориться будут, тогда

на Родину нашу поедим. Слова,
которые вам сказал сейчас я,

считайте приказом, без обсуждения вы,
в Талас поезжайте, на земли свои». –

* * *

...Нагрузив монеты, золото, серебро
Бакай тех возглавил, кто ехал домой.

В дар невестки принесённые, все там
вместе с ними Эр Тёшюк и Кошой хан.

Ах, как жаль, что Эр Манас не уезжал,
не отправился он с ними, возражал.

Если б с войском он уехал бы тогда,
не случилась бы ужасная беда.

Великая Битва, быть может, тогда
была б своевременно предотвращена,

но бренного мира мираж, всегда
ведёт, как иллюзия нас не туда.

Эр Манас, отправив войска половину,
в Бээджине он остался, на чужбине.

Девять ханов его участь разделили
и не знали, что остались на погибель.

Конурбай в своей засаде всё сидит,
и за тем, что происходит, он следит.

На родную землю войска половина
уезжает, он не ведает причины.

«Многие буруты¹ уехали домой», –
поспал в Бээджин доклад он такой.

Глаз не смыкал ни ночью, ни днём,
словно расставлена сеть пауком.

Хитростей разные виды найдя,
на своего он садится коня.

Чтоб погубить Айкёля, Калча
в путь свой отправился тогда.

* * *

Повар китайский – раб Шуй-Ку-Чу,
выполнить должен задачу свою,

всё о привычках Айкёля узнать,
тайно, затем обо всём описать.

¹ *Буруты* – так называли кыргызов китайцы, по имени одного из далеких прародителей кыргызов, наводивших страх на китайцев своими частыми жестокими набегами – на самом деле его имя было Булут (облако).

Он много дней за Айкёлем следит,
днём наблюдает и ночью не спит.

Долго он свой доклад собирал,
полностью ему Айкёль доверял.

Выполнив это задание своё,
в тесто вложил отчет – то письмо.

Хлеб из теста испёк,
чтоб Конурбай письмо это извлёк,

затем дубакею¹ хлеб передал,
чтоб Конурбаю его он отдал.

Калча из хлеба письмо извлекает,
он открывает его и читает.

Шуй-Ку-Чу хитрый, умный, шпион,
для омовенья Айкёлю он

воду готовил, что видел, потом
всё описал в письме своём:

«Прочти внимательно все слова,
ты умный, огромна хитрость твоя.

Погубить Айкёля способ найдёшь,
как то лучше сделать, сам ты поймёшь.

В хитрости нет равных тебе, бек² мой,
никто не сможет сравниться с тобой.

¹ Дубакей – лазутчик, действующий в тылу врага и умеющий в критические моменты применять приёмы фокусов, а также волшебства.

² Бек – хозяин.

Не думай, что пугаю тебя, Калча,
ни капли нет лжи, речь правдива моя.

Не пробьёт очогора¹ пуля его,
меч не режет, ломается копьё.

Качеством чудесным душа обладает,
Манаса одолеть силы не хватает.

За ним я следил, узнал тайну его,
о ней не знает он сам ничего.

Если тайну вовремя использовать, тогда
сможешь погубить Айкёля Шера навсегда.

Каждую пятницу перед рассветом,
только рассеется звёзд дальних свет,

он совершает своё омовенье,
в небо, подняв руки, Бога воспев,

лицом садится на север он,
мною тот факт был не раз подтверждён.

Он в состоянье Ананды² входит,
с неба к нему луч света нисходит,

голубоватым цветом сверкает,
льётся в макушку его, обнимает.

В сердце его любовь светит лучом,
единым со Вселенной становится он!

¹ Очогор – название огнестрельного оружия того периода.

² Ананда – санскр. состояние чистой радости, блаженства, возможное при медитативных практиках.

Если в то время Айкёля увидишь,
то изменение в теле заметишь.

Тело его пулей непробиваемое,
словно свинец, станет расплавленным,

убьёт в тот момент его рана любая,
когда он молитву свою сотворяет.

Её нанеси в этот миг ты ему,
когда молится он Тениру своему.

Пропитанную ядом секиру вонзи,
желаемой цели тогда достигнешь ты.

Распространившись по телу, яд
кровь превратит его в желчь тогда.

Лекарство даже Улукман¹ не сможет найти,
которое смогло бы Айкёля спасти».—

Конурбай вскочил, прочитав то письмо,
а затем задумался он глубоко,

неожиданно напасть на Айкеля решил,
готовил коня, его рисом кормил.

День подходящий вычислил точно,
секиру острую готовил срочно.

Рукоятку секиры новой заменив,
лезвие её, остро наточив.

¹ Улукман – великий мифический врачеватель, слава о котором ходила по всей земле.

Из многих металлов скована была,
сорок лет пролежала в яде она.

Сорокагранное стальное копьё,
сорок лет готовил и приготовил его.

Из дубакеев многих избрав,
сильных самых, их в войско собрав,

от тёмных сил, получив разрешенье,
следует точно Асур¹ веленью.

И вот назначенный день наступил,
приготовления окончив, решил,

что впереди шестьдесят дубакеев
его поедут, и он, в успех веря,

сорока слугам велел скакать
сзади его, чтоб покой охранять.

До Бээджина ворот доезжает,
сколько преград впереди и не знает –

крепостью Чет-Бээджин окружён,
сорок дверей обнаружил в ней он.

Их зорко сорок чоро охраняют,
птица чрез них даже не пролетает.

Конурбай, чтобы в ворота войти,
хитрости вновь применяет свои.

¹ *Асур* – покровитель тёмных сил.

Он Чи-Лу-Сена¹ молитву читает,
и сорок раз вновь её повторяет.

Так усыпляет он Кыргылчала,
что караульным служил у двора.

Увидел он, что дозорный спит,
конь Алгара его птицей летит.

Взглянул на трон Манаса потом,
как будто черпал силы там он.

Дремлющим он Ажыбая увидел,
снова читая молитву, предвидел,

что сон сильнее будет его,
и не почувствует он ничего.

Ждёт Конурбай хан, усилив вниманье,
когда Айкёль Шер войдет в состояние,

то, что Анандой в мире зовётся,
и со Вселенной он вместе сольётся.

Когда Чолпон² на рассвете блистает,
и звезды мерцающие, словно тают,

тогда меж Истинным Миром и бренным
двери открыты вновь во Вселенной.

К Силе Великой в небо летит,
мысль дойдёт твоя и осветит

¹ Чи-Лу-Сен – его считают основателем оккультизма.

² Чолпон – Венера.

все твои помыслы и пожеланья,
будут исполнены просьбы, желанья.

Перед восходом луч света сверкал,
знание, силу Айкёль получал.

И по привычке своей каждодневной,
чтоб получить откровенье священное,

перед рассветом из дома выходит,
не ведает он, что беда следом ходит.

Тонкой рубахой тело прикрыв,
сверху кольчугу свою, не одев,

только чепкен¹ на плечи накинул,
он без оружия дом свой покинул,

молясь Создателю лишь одному,
всем существом устремляясь к нему.

Когда с неба чудо-луч засветился,
светом в макушку его он пролился,

в тело, расплавленное как свинец,
копье ядовитое вонзил удалец.

Так и осталось в теле копьё,
несло дыханье смерти оно.

Когда стало тело уже остывать,
спешил Конурбай, боясь опоздать.

¹ Чепкен – стёганая верхняя одежда.

О правой лопатке Манаса знал он,
святая вода¹ не коснулась её.

Взмахнул Конурбай своею секирой,
вонзил в уязвимое место с силой.

Секиры пропитано лезвие ядом,
он достигает цели ударом.

Вычислив время достаточно точно,
себя ощущает теперь он отлично.

Счастье Манаса прочь птицей летит,
и на пороге, уж, горе стучит.

Тело растаявшее застыло,
двигаться более нет уже силы.

Как глубоко в рану копье вошло,
ноги не слушаются его.

Силы собрав, качаясь, он встал,
но, как гора рухнувшая упал.

Грохот услышав, вскочил Ажыбай,
смотрит туда, где Айкёль Шер лежал.

Видит Айкёля кровь на секире,
рядом довольный враг и задира.

Ринулся хан Ажыбай на врага,
в жизни своей поступал так всегда.

¹ Святая вода – при рождении тело Манаса омыли священной водой, которая не коснулась части правой лопатки, сделав ее уязвимой.

Своим копьём Конурбая пронзил,
вложил в удар этот он много сил.

Сквозь позвоночник копьё прошло,
ткани под почками оторвало.

Конь спас хозяина своего,
от гибели верной увёз он его.

Как человек Алгара умён,
шею свою подставляет он,

и Конурбая в седле удержав,
удар повторить Ажибаю не дав,

он ускакал, на себе унося,
тело Калчы, что свисало с седла.

И пока к лекарям-магам скакал,
делал он так, чтоб Калча не упал.

Места, где жили они, достигает,
там человека нога не ступает.

В горах на скале, в пещере довольно
сухо и даже в меру просторно.

Рану аяры лечили лекарством,
видно, старались они не напрасно.

Сорок дней рьяно трудились они,
и Конурбая от смерти спасли.

Калча, излечившись от ран, всё
он собирает войско своё.

«Убил Манаса я самого», —
передаёт сообщенье своё,

китайцам своим он эту весть,
которых так много, что их и не счесть.

Войско огромное он собирает,
и в Чет-Бээджин его направляет.

Сопровождая войско в пути,
шестьдесят аяров едут впереди.

* * *

Давайте начнём сейчас мы рассказ,
с места того, где был ранен Манас.

Ажыбай хан всех известил:
«Я господина не защитил,

не досмотрел его от нападенья,
не протянул ему руку спасенья». —

В одно мгновенье войско собралось,
и равнодушных людей не осталось.

Все окружили Айкёля, шумят,
засуетились, о разном галдят.

Шум, гам вокруг. Алмамбет поддержал
Шера Айкёля, чтоб тот не упал.

Он осторожно Айкёля держит,
горе в душе у него безутешное.

Слёзы его лицо омывают,
сердце батыра покоя не знает.

Другу Айкёлю слова говорит:
«Шёл в Бээджин я, чтоб отомстить,

и на тебя опираясь, Шер мой,
я всегда следовал лишь за тобой.

Ты во главе стоишь войска огромного,
«Всех покорю», – так считал нескромно я, –

«Князей и ханов». Но как ошибался,
я возгордился, теперь лишь раскаялся.

Как многочислен китайский народ,
не ожидал я горьких невзгод.

Думал: «Пока во главе войска друг,
не страшен будет любой мне недруг». –

Считал, что народ этот покорю,
за драгоценных родных отомщу.

Приехал китайцев заставить рыдать,
Чет-Бээджин с тобой завоевать.

«Что Бээджин? Я весь Мир покорю!» –
думал, – Вселенную всю я возьму!» –

О! За гордыню настигла расплата.
Как велика за неё все же плата!

Позволил Калче я ранить тебя,
душа болит и страдает моя.

На тело крепкое, словно скала,
если прольётся луч, нежно любя,

расслабленным тело станет тогда.
Если б не знал тайну хитрый Калча,

то не сумел бы тебя победить,
стальную секиру в тело вонзить». –

Айкёль, истекая кровью, лежит,
Алмамбет с жалостью на него, глядит.

Старается что-то придумать, решить,
не в силах что-либо он изменить.

«Как ненадёжен, обманчив наш мир», –
мысленно, мучаясь, он говорил.

В голову разные мысли приходят,
вспомнил, тогда перед Походом,

когда Бээджин он хотел покорить,
и за обиды свои отомстить,

слова ему Каныкей сказала,
мудрость душа её познала,

и Высшим Силам созвучно была,
сейчас он вспомнил эти слова:

«Бээджин крепость очень крепка,
об этом не раз уже слышала я.

Жаден, хитёр, живёт там народ,
ждать от него надо много невзгод,

Чтоб ни случилось, будьте готовы,
пусть вас минуют беды, оковы.

Если вас жажда замучает вдруг,
травой поправите этот недуг.

Если вас клонит ко сну, то тогда,
может помочь вам другая трава.

Есть среди груза лекарство, трава,
их погрузили на Желмаяна.¹

Если печаль – настроенье поднимут,
вашу усталость рукой, словно снимут.

Рана открытая если затянется,
но воспаленье, яд в ней останется,

то воспаленье снимет сполна,
вытянет яд эта чудо-трава.

Видно Создатель один только знает,
что впереди вас всех ожидает.

Если померкнет солнце и ночь
над головою, смогут помочь
снадобья те, что для вас сотворила
из многих трав, их с любовью варила.

Части животных тел измельчив,
и в порошок затем все их разбив,
разные травы потом добавив,
что-то из них ещё и заквасив.

¹ Желмаян – имя верблюда, которого подарили Каныкею, когда она вышла замуж за Манаса.

Составы с маслом, они подходят
для смазки ран, воспаленье проходит.

Экстракты есть на мёде сгущенные,
многие дни они были настоящные.

Всегда помогут батырам-воинам,
все те лекарства, что мной приготовлены.

Надо лишь меру и время знать,
чтобы лекарства те применять». –

Всё рассказала Каныке Алмамбету,
он следует точно её советам.

Меру отмерив, мазь применяет,
от верной смерти Айкеля спасает.

Не обращают люди вниманье
на рок судьбы и предначертанье.

Калчой вонзенное в тело копьё,
хан Ажыбай вынул быстро, но,

когда наконечник копья сломался,
он в ране Манаса так и остался.

Это и было причиной того,
что воспалилась рана его.

Тело размякшее стало вновь плотным,
рана была на спине незаметной,

не обратил Алмамбет вниманье,
всё обработал с большим старьем,

но не коснулся он раны той,
то предназначено, видно, судьбой.

* * *

Сорок дней жизни в страданьях прошли,
друг Алмамбет не бросал на пути.

Не отходил он ни ночью, ни днём,
смерти дыханье отвёл, как мечом.

Ласково он на Айкёля глядит,
ласково, нежно ему говорит:

«Мой повелитель, тебе самому
надо к народу поехать. Ему

всё ты поведаешь. Только потом
сына дыханье пусть будет щитом.

Воздух родной, прекрасной земли
пусть твои раны все исцелит.

Ещё не вышел из раны весь яд,
пусть силы даст Отчизна опять.

Я отомщу за тебя всем врагам». –
Смотрит Айкёль, по его лишь очам

можно увидеть: согласия нет,
но, видно, в том заключался секрет:

воину-другу не смог отказать,
и повелел своё войско собрать.

Поднято знамя цвета небес,
войско подходит к реке, там отвес,

вброд им пришлось реку ту перейти,
«Сары-Дайра»¹ – пролегла на пути.

Чистого сердца прекрасен порыв,
руки молитвенно вместе сложив,

к Богу Тениру взывал Алмамбет,
просит здоровья Айкёлю вовек.

¹ Сары-Дайра – жёлтая река Хуан-Хэ.

ТАЛ-ЧОКУ

Речь о Манасе сейчас поведу,
он на Отчизну поехал свою.

Алмамбет с другом своим простился,
и от Айкёля он удалился.

Мысли Айкёля печальные гложут,
и успокоить он сердце не может:

«Чести достоинства вдруг я лишусь,
если назад в Чет-Бээджин не вернусь.

На шестьдесят дней пир я устроил,
душу свою, видно, тем успокоил.

Войско шесть месяцев назад отправил,
отряд небольшой с собой лишь оставил.

В спину удар получил, так случилось,
и не заметил, как всё получилось.

Если за войском следом уйти,
скажут: «Не смог он выход найти», —

среди народа пойдёт о том слух,
ложные мысли выскажут вслух.

Народ состоит мой из многих родов,
живёт на земле он наших отцов.

Очень народ свой родной я люблю,
люблю Отчизну, землю свою.

Если погибнуть время пришло,
здесь я умру, видно, так суждено.

Вдруг люди скажут: «Сбежал Шер Айкель,
лучшего выхода он не нашёл». –

Пусть от врага здесь смерть я найду,
домой вернуться никак не могу.

Я не поеду в родные края,
и, видно, в этом доля моя.

Если мне встретить смерть суждено,
быть грифами растерзанным в поле, то,

как ни старайся что–то решить,
трудно теперь мне судьбу изменить.

Если несметное войско врага
наступит вдруг, воинов своих тогда

остановлю, строить крепость велю,
инициативу в руки возьму.

Не дам узды правленья отнять,
и всегда гордо буду стоять». –

Так думал Айкель, повернув коня,
в бинокль смотрит: «Что за земля?» –

Глубоко в сердце чувствовал он,
что прав сейчас в решенье своём.

Воинам спешиться Айкёль велит,
и ждать наступления, враг ведь не спит.

На место, где подан был знак, пришли,
и коня белого в стаде нашли.

Лишь, помолившись Тениру, тогда
белого в жертву принёс он коня.

Работу сам Шер Айкёль начинает,
свой первый камень в фундамент он ставит.

Войско много стены строит,
не отыкая, крепость возводит,

затем эти стены ещё укрепили,
рвом их вокруг они окружили.

Ловушкой служило то для врага,
посередине крепость была.

В центре крепости скалу большую
можно увидеть, словно вручную

была построена эта скала,
и возвышалась будто стена.

Если внимательно посмотреть,
то углубленье в ней можно узреть.

Как караульная башня была,
эта высокая чудо-скала.

Там на вершине камень лежит,
отверстье спиральное в нём, глядит

в бинокль свой на камень Манас,
слышит внезапно он чей-то глас:

«Свое вниманье Шер обрати,
с тобой Кызыр¹ Ангел, ты посмотри,

свой взор направь на эту скалу,
внимай словам, что тебе я скажу.

Внутри себя содержит скала
тайны, их много – сорок одна.

Не открывала тайны она,
Шера с Кызыром прихода ждала.

Сделать дорогу к скале вели
воинам своим, и чтоб довели

воду до углубленья они,
трещину чтоб на вершине нашли.

В трещину воду пусть заливают,
и до краев её всю заполняют.

Чин-Ма-Чин² из камней курган
с заклинанием построил,

Маг Чи-Лу-Сен дверцу этого
кургана незаметной сделал.

¹ *Кызыр* – покровитель светлых сил.

² Чин-Ма-Чин – учитель Чи-Лу-Сена.

Из чанача¹ вели воду там лить,
чтоб Чин-Ма-Чина заклятие смыть.

В трещине, что Чи-Лу-Сен велел
закрыть, и тайной её завладел,

мастер Чи-Тай-Ху² ворота построил,
а Чин-Ма-Чин там ловушку устроил.

Если сорок заклятый Чин-Ма-Чина смоешь,
то Чи-Тай-Ху ворота откроешь.

Это единственное для тебя
средство, народ сохранишь свой тогда.

Деревце – знак Каныкей тебе
передала, это деревце где?

Ты на вершине этой скалы
деревце то теперь посади.

Если очистишь то углубленье,
от сорока заклятий, увидишь,

к деревцу что вода потечёт,
тогда твой народ своё счастье найдёт.

Не думай долго, дорогу строй,
не сомневайся в этом Айкёль.

Примется деревце, тогда скалу
чёрную ты назови «Тал-Чоку»...³ –

¹ Чанач – кожаный бурдюк для жидкостей.

² Чи-Тай-Ху – его считают самым великим строителем в истории человечества.

³ Тал-Чоку – тал – ива, чоку – пик: там, где посадили иву.

Неизвестно откуда голос звучал
этот таинственный, и всё сказав,

стал еле слышен вскоре, и вот
голос таинственный совсем умолк.

Смотрит Айкёль вокруг удивленно.
«О, мой Создатель! Твоё ль откровенье

слышал сейчас, иль то глас»? –
думал в тот час Айкёль хан Манас.

«Были бы рядом Бакай, Алмамбет,
тогда б услышал их мудрый совет.

Был бы я рядом с моими друзьями,
знаю, они бы меня поддержали.

Что бы там ни было, всё же решусь –
рискну, и сделать всё так соглашусь.

Может шайтана¹ это силки,
строит он снова козни свои?

На это всё я ещё посмотрю,
строить дорогу к скале велю,

и на вершине чёрной скалы,
осуществлю я планы свои.

Лишь до скалы этой только дойду,
деревце сразу же там посажу.

¹ Шайтан – черт, бес, лукавый.

Если я получил откровенье,
воду носить – вот моё веленье.

От сорока заклинаний скалу,
водой очистить потом я велю,

Дерево на той скале посажу,
и «Тал-Чоку» её назову.

А на вершине горы повелю,
крепость из камня построить свою.

Если шайтан пошутил надо мной,
и предначертано это судьбой,

и умереть суждено мне, тогда
останусь здесь, на горе навсегда.

На кон судьбы свою жизнь положу,
голову на вершине сложу»... –

Пусть Шер Айкёль строит крепость свою,
берены¹ долг исполняют в строю.

* * *

Мы о Калче хитром речь поведём,
поговорим сейчас только о нём.

Войско он в Чет-Бээджин направляет,
весь лик земли оно закрывает.

От крепости уже недалеко,
расправиться могут они легко.

¹ Берены – богатыри.

Но Алмамбет просто так не сидел,
к бою готовясь, на горы глядел:

ночью и днём караульный следит,
на склоны гор разведка глядит.

Чтобы ошибка не вкрадась тогда,
чтоб обошла стороной их беда,

склоны они день и ночь стерегут,
лисица, мышь мимо них не пройдут.

Долго они в засаде сидят,
боятся врага пропустить, не спят.

Серек¹ видит – войско наступает,
Алмамбета он об этом извещает.

И заставив воинов в добулбас² свой бить,
сообщает быстро им, что тревоге быть.

«Соберутся воины пусть сейчас мои!» –
Войско всё построено в ровные ряды.

Обратился к воинам Алмамбет тогда,
и сказал батырам он свои слова:

«Нам кангайцам³ надо сейчас отомстить,
а иначе смогут нас они побить.

Если это помните сердцем, то тогда
направляйтесь с удалью, смело на врага.

¹ Серек – имя одного из сорока витязей.

² Добулбас – военный барабан, обтянутый верблюжьей кожей, и издающий грозные, тревожные звуки.

³ Кангайцы – племена китайцев, враждующих с кыргызами.

Пред Айкёлем клятву свою выполним,
и душою чистыми будем перед ним.

На врага заклятого смело мы пойдём,
даже, если смерть свою в том бою найдём.

От врага из вас никто пусть не побежит,
и внутри согласие войско сохранит.

Пусть стрелки построятся с правой стороны,
копьеносцы, всадники слева будьте вы,

слабым, боязливым посередине быть,
храбрым сердцем воинам, врага убить.

Голубое знамя наше Ажыбай неси,
хан Кёкчё Шер пусть ведёт войско впереди.

Ты, храбрец Эр Сыргак мой, середину бей,
кабылан Чубак пантера край один побей.

Не заметят пусть враги, что среди нас,
нет Айкёля славного, далеко Манас». –

И на этом завершает Алмамбет свой сказ.
«По коням!!» – он отдает воинам приказ.

Словно наводнение, словно сель пошёл,
все душой единые, просят горячо –

руки в небо подняли, ввысь, все как один:
«Будь ты нам поддержкою, наш Отец Тенир!»

Попросив Всевышнего, громок глас – свой гнев,
на врага направили, зарычав как лев.

Тишину нарушил клич их боевой,
то дракон как будто бросился стрелой.

Войско наступает, воинов в нём тьма,
военномачтник их – Айжанжуна.

Алмамбет хан славный, разбивает ряд,
заставляя недругов в страхе убегать.

Вместе с предводителем воины бегут,
Алмамбет их режет, преграждая путь.

Манжу¹ зашумели и поднялись все –
столько, сколько волоса их на голове.

Разились по полю боя, словно молоко,
Тысяча встает вместо погибшего одного.

Будто наводнение, сель они ревут,
с криком устрашающим все они бегут.

Алмамбет мечом всех режет, середину бьёт,
слева Сыргак храбрец смело в бой идёт.

Кабылан Чубак удалый справа бьёт сплеча,
он китайцев разбивает, битва горяча.

Ажыбай хан и Шер Кёкчё войско всё ведёт,
Жамгырчы Эр воин славный, сбоку смерть несёт.

Музбурчак хан нападает напрямик идёт,
своим криком устрашая, смело врага бьёт.

¹ Манжу – одно из племен китайцев.

И хотя разделены все, вместе бой ведут,
и направо, и налево смерть врагу несут.

Многочисленны китайцы, но бегут они,
словно от грача с испугом летят воробыи.

Битва та без передышки длится много дней,
но никто не отступил, ни на йоту в ней.

И растерзанные трупы все лежат горой,
кругом смрад, а по ущелью кровь течёт рекой.

А Ит-Ёлбёса¹ поле мёртвых тел полно,
стало родиной, нашедшим смерть, теперь оно.

Вперемешку и пластами мертвые лежат,
и кыргызы, и китайцы вечным сном там спят.

Воины устали очень, ослабели все,
голодно, и кони тоже слабые уже.

И хотя кыргызов много пало в том бою,
дух сломить их враг не может, кто живой – в строю.

Отступить решили, в крепость дальнюю пойти,
чтобы сил набравшись снова, смерть врагу нести.

Добрались до реки Сары-Дайра, крепость там была,
оторвать они не могут от неё глаза.

Что увидели. О! Чудо! Все кричат: « Манас! »
И к Создателю: « О, Боже! Нас от смерти спас ».

¹ *Ит-Ёлбёс* – место, где произошло великое сражение, под названием Чон Казат.

«О, Создатель, посылаешь помощь Ты свою,
и Тебе мы благодарны за любовь Твою.

Неужели видим снова мы, Айкель, тебя?
Видно в жизни ходят вместе радость и беда». –

И стремглав все поскакали к крепости спеша,
сердце радостью сверкает, светится душа.

Алмамбет, храбрец Сыргак, удалец Чубак,
Ажыбай, Эр Жамгырчы, и хан Музбурчак,

в бой ведущий смело войско славный Шер Кёкчё,
те, кто в битве не погиб, собрались здесь все.

Окружили они кругом Шера своего.
Алмамбет спешит к Айкёлю, чтоб обнять его.

Вновь увидели друг друга воины тогда,
после многих испытаний их свела судьба.

Рассказали все, что было, что потом стряслось,
и какие испытанья им пройти пришлось.

Алмамбету Айкель молвил тогда те слова:
«Без меня пока живёт пусть моя земля.

Уезжать в родной Талас я не захотел,
на чужбине вас оставить одних не посмел.

Да и если бы поехал, что бы там нашёл?
Если жить осталось мало, вместе мы умрём.

И увидим тоже вместе, что Создатель нам
в этой жизни всем назначил и предначертал.

Если суждено Бээджин всё же нам,
Бакбурчун¹, Манжу, калмыков, да ещё и лам,

пусть расширятся границы и тогда земля,
что врагам принадлежала, будет наша вся.

А народ объединится, если пожелает,
чтоб единым затем стать, веру поменяет.

Я когда, решив вернуться, назад повернул,
то увидел эту крепость, на неё свернул.

Ровно в полдень откровенье с небес получил,
Голос Ангела услышал и Он известил:

«На вершине одинокой камень дивный есть,
тайн тех, что в нём сокрыты, много, их не счесть.

Воинам вели ты воду на скалу носить,
и на камень необычный всю её пролить.

Чин-Ма-Чина заклинанья смоются тогда,
сорок их, и Чи-Тай-Ху ты отворишь врата.

А из трещины, что спрятать велел Чи-Лу-Сен,
вдруг вода забьёт фонтаном, то на радость всем.

Деревце перед отъездом дала Каныкей,
ива деревце – священно, посади, полей.

Если к деревцу на корни потечёт вода,
это знак будет хороший, радуйся тогда.

¹ *Бакбурчун* – название вражеского племени.

Твой народ сейчас ослаблен, будет поворот,
если к деревцу в канавке вода потечёт.

Оживёт народ и будет жить он на земле,
словно деревце, расправив корни на скале.

За собой оставив след ты, будешь жить в сердцах,
и потомки будут помнить о тебе в веках». –

Появившийся внезапно Голос тот умолк,
словно эхо над скалою, так же быстро смолк.

Как построили дорогу, на вершине той
деревце мы посадили, полили водой,

и затем переименовали «Чёрную скалу»,
дали ей своё название, стала «Тал-Чоку».

Из скалы, из углубленья полилась вода,
до корней святого дерева не дошла она.

Капельками понемногу в арыке бежит,
очень трудно той водою деревце полить.

Из расщелины, что в камне, вниз вода течёт,
так же прямо, полнокровно жизнь наша идёт.

То, что к деревцу тихонько капает вода,
это есть предначертанье, наша в том судьба.

Если та водица дереву жизнь даст,
то тогда спасенье, Алмамбет, ждёт нас.

Каплею за каплей жизнь вода вернёт,
и народ кыргызский тоже оживёт.

Если сохранится народ на земле,
будем с ним мы вместе в радости, в беде.

Встретиться пусть в мире этом не дано,
в вечности быть вместе может суждено.

Так, давай друзьями будем навсегда,
и теперь проститься, видно, нам пора.

Алмамбет, дружище, смелый, сильный лев,
расстаёмся мы с тобой, может быть, навек». –

Алмамбет Айкёлю руку подаёт,
сердце разрывается, песню скорбь поёт,

смотрит на Айкёля, его светлый лик,
словно месяц светит, но душа болит.

И Айкёлю другу молвил он слова:
«Мой, Айкёль, послушай ты сейчас меня.

Превосходит нас числом войско врага,
но народу жизнь твоя очень дорога,

заберись в свою ты крепость, что на Тал-Чоку,
покорить манжу не смогут эту высоту.

Ты батырам будь опорой, передай им силу
своим видом непокорным: «Мы непобедимы!» –

Пусть из крепости твой будет виден силуэт,
твоё мужество поможет обрести нам свет,

силы нам придаст, врага чтоб победить,
вызвать камнепад, сель остановить.

Шууту пусть остаётся в крепости с тобой,
и находчивость проявит, быстроту – дар свой.

С двух сторон любые вести пусть он принесёт,
срочно новость передать Шууту пойдёт.

Успокоились китайцы, Шер Айкёль, душой,
знали – мы вели без Шера тот кровавый бой.

Так считают, что Манаса молодец Калча
уничтожил и во тьме он сгинул навсегда.

О батырах, что с тобой в крепости сейчас
не подозревают даже, сколько стало нас.

Окружить нас, собираясь, думают они:
«Мало их осталось, наши силы не равны».

Врага войско так огромно и они сильны,
опьянённые удачей, их мечты пусты.

И пока китайцы мирно и спокойно спят,
миражом они объяты, что нас победят,

им опомниться, сейчас ни на миг не дав,
нанесём удар внезапно, мы на них напав.

Будь здоров.
Пусть жизнь Создатель сохранит твою». –
Алмамбет на том закончил Шеру речь свою.

Он обнял его сердечно и расцеловал,
на коня сел, прочь поехал, волю чувствам дал.

Шууту Манасу должен вести приносить,
в крепости Кыргыл ворота должен сторожить.

Кёкчё батыр смелый войско в бой ведёт,
Музбурчак копьём кангайцев гонит, смерть несёт.

А Чубак батыр удалый всех бьёт наповал,
как от грома уши глохнут, громко так кричал.

И усталости не знает грозный меч его,
как овечку убивает врага своего.

Впереди большого войска Алмамбет идёт,
голубое знамя войска Ажыбай несёт,

Жамгырчы Эр, и Сыргак с кличем боевым,
на китайцев наступают, бьют мечом своим.

Сорок чоро храбро, смело на врага идут.
с сорока сторон китайцам смерть они несут.

Словно срезаны деревья в поле лежат,
и кыргызы, и китайцы вечным сном там спят.

Горы трупов, поле боя полное давно,
а над ним кружатся хищно грифы, вороньё.

Раненые еле дышат, мучаясь, лежат,
жизни нить они не могут силой оборвать.

Всадников в бою кровавом кони потеряя,
носятся разгоряченно, пыль кругом подняв.

Всё от пыли посерело, неба не видать, –
день ли, ночь уже настала трудно распознать.

Удальцы мечами рубят, смело в бой идут,
и направо, и налево смерть они несут.

Переполнено ущелье кровью, и она
пролилась, течёт рекою скорби, как вода.

Окружён враг, путь отрезан им со всех сторон,
и кыргызами на группы был он разделён.

Многотысячно, огромно войско у врага,
разлилось оно по полю будто бы вода.

Бросились китайцы биться, но разделены,
как грачи от хищной птицы прячутся они,

Перед силой кыргызов трудно устоять,
с криком: «Где ты, Бээджин наш?» – стали отступать.

Растерявшись: «Что же делать?» – Конурбай не знал,
и за войском отступившим следом поскакал.

Преградить велел дорогу, что вела в Бээджин,
многочисленное войско встало, как один.

У кангайских сорок ханов, старший Карыхан,
и ему Калча подробно битву описал:

«Хан Великий, уважаю глубоко я Вас,
обратите же внимание Вы на мой рассказ.

Если не хотите, чтобы враг нас одолел,
то стрелка¹ тогда отправьте для поправки дел.

Перебито и погибло войско всё моё,
и несчастье расправляет чёрное крыло.

¹ Стрелок – самый меткий стрелок, обученный в тайной школе Кёйкан.

От отчаяния к средству прибегаю я,
и надеюсь, что поможет хитрость нам моя.

Чина я привёз из ханства своего сюда,
очень славный он оратор – победит всегда.

Речью льстивою и хитрой, сладкой, словно мёд,
расставлять умеет сети, ловко в них ведёт.

И послом к Манасу хану Чина я пошлю,
«Хану окажи почтенье», – так ему скажу.

кланяйся подобострастно, землю обнимай,
наступленье пусть отсрочит, волю лести дай».

На семь дней нужна отсрочка, времени того
хватит, думаю, чтоб войско в помощь подошло.

Излечился ли стрелок Ваш, хан Великий мой,
пусть летит к нам он быстрой стрелой.

Жой-Ху шер – его отец, был в бою убит,
и за своего отца пусть он отомстит.

На семь дней, если буруты отсрочку дадут, –
из Бээджина подкрепленье, войска подойдут.

Если вовремя прибудет помощь, то тогда
обязательно побьём мы нашего врага.

Не прислушаетесь если Вы к моим словам,
то буруты всех погубят и не выжить нам». –

Конурбай письмо такое хану написал,
и посыльного отправив... «Поспеши», – сказал.

В Бээджин с письмом его он к хану проводил,
и задуманное Калча выполнить решил.

Он к Манасу оратора Чина послал,
белый флаг примирения Чин с собою взял.

Взял коло¹ и тайгана², семь верблюдов
со златом ведёт,
он Айкёлю Манасу дары от китайцев везёт.

Скаакунов семь покрытых попонами³ ведут,
эти кони прекрасны, они быстрей ветра бегут.

Так расставлены были хитрым Калчой силки,
долго ехал к крепости, вот добрались они.

Весть несёт Кыргылчал: «Шер Великий Манас,
прибыли к нам послы от китайцев сейчас». –

И пока Шууту от Айкёля ответ не принёс,
не пускал их, службу свою караульную нёс.

Посмотрел на послов Шууту и почуял беду,
понял, что доверяться не стоит злому врагу.

Он в глазах их раскосых лесть, обман прочитал.
Опасенья свои он сразу Манасу сказал:

«Велика, несравненна, Айкёль Шер, милость твоя,
твоё сердце огромно и светом сияет душа.

¹ Коло – место, куда привязывали хищных птиц, прирученных для охоты.

² Тайган – кыргызская порода охотничих собак.

³ Попона – покрывало для лошадей, собак и др., закрывающее спину и туловище.

Вид китайских послов не нравится мне,
яд змеиный в словах их, чувствую: быть беде.

В их раскосых глазах видел хитрость и злость,
прочитать злые умыслы мне удалось.

Чую сердцем своим, лев Айкёль мой, сейчас,
что опасность кружится птицей, в сей час.

Опасаюсь я, сладких, как мёд, слов Чина посла,
хитрость, лесть и обман в них, яdom полны те слова.

Они, видно, хотят для нас вырыть яму свою,
смогут зло сотворить, будь готов, Айкёль, ко всему.

Пусть Создатель поможет решение
верно принять», –
то, что чувствовал сердцем, Шууту дал
Айкёлю понять.

Что в жизни Айкёля случиться должно,
было Свыше давно уже предрешено.

Впереди себя Чин скакунов прекрасных ведёт,
позади злато сыпет, главу склоняя, идёт.

Землю, обняв в поклоне, почтенье своё показал,
быстро без остановки, красноречиво сказал:

«Хан Манас, нашу просьбу выслушать просим
мы Вас,
в Ваших силах народ наш весь уничтожить сейчас.

Удалой Шер, согласен ли выслушать сейчас меня?
Прекратим, может, битву, несущую смерть, мы пока.

Величайший, давай породнимся мы все навсегда,
скольких воинов с сердцем тигриным
постигла беда.

Как много батыров погибло в страшном бою,
они были опорой, но разделили судьбу.
От простого народа, Айкель хан, я к Вам пришёл,
и надеюсь, речами к сердцу дорогу нашёл.

Хочешь, народ уничтожить мой можешь в сей час,
Хочешь услышать меня – пред тобой я сейчас.

Если хочешь, Манас, наш огромный китайский народ
Как тартуу¹ в подарок Вам земли свои принесёт.

Земли наши такие, как Чет-Бээджин, Каканчын,
будут они твоими, лишь людям о том сообщи.

На семь дней ты отсрочку вели своим воинам дать,
этую просьбу свою мне велел мой народ передать.

Повторяю дословно, Манас Шер, народа слова:
«Пусть в Чет-Бээджине Манас будет ханом всегда.

Мы поедем с ним вместе, сопровождая в пути,
и поддержим в дороге, чтоб было бы легче идти.

На главу золотую корону ему мы наденем,
и на трон золотой батыра Манаса посадим.

Пусть кыргызы с китайцами станут народом
одним,
вместе судьбы и жизни навечно объединим.

¹ Тартуу – особенный вид подарка, подношения, призванного умилостивить хана или победителя.

Мы поселимся вместе, на равнине одной реки,
никогда не посмеют пойти против нас враги.

Два народа смешав, вечно и дружно нам жить». –
Пожеланье китайцев, я спешу сообщить.

Если, Шер, ты согласен, тогда дай разрешение,
на семь дней, Повелитель, отсрочь наступленье». –

Как от чистого сердца слова Чин оратор сказал,
словно Шера Манаса он всею душой уважал.

Как красна речь оратора Чина, так коварна была,
усыпила все чувства, яд, как мёд, источала она.

От речей тех приятных растаял душою Айкёль,
на семь дней прекращает своё наступленье и бой.

Из битвы кровавой батыры вернулись спокойно,
в своей крепости все веселились довольно.

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА АЛМАМБЕТА

Алмамбет батыр, разведку бесстрашно ведёт,
до границы прогнав врага, по пятам идёт.

Весть услышав, к крепости гонит коня,
он рассержен, встревожен, в ворота войдя,

с грустью в сердце своём на Айкёль глядит,
и рассерженно, гневно ему те слова говорит:

«Ты к броску дракона готов, мой Айкёль,
почему не обдумав, отдал приказ свой,

почему разрешенье дал бой остановить?
Соберётся тьма китайцев, чтобы нас побить,

за семь дней сюда стекутся все врага войска.
Разве сможем отразить мы их удар тогда?

Не учёл, Айкёль, что силы наши не равны,
и душою возгордился пред Тениром ты.

Яму выкопал, не зная, всем Айкёль ты нам,
глубока темница эта, словно океан.

Мой Айкёль великодушен, но так поспешил,
непростительна ошибка, что ты совершил.

Свой народ увидеть снова смогут ведь не все,
и отдать любовь прекрасной родимой земле.

Смерть найдут во чистом поле многие сыны,
сложат на чужой землице головы они.

Приготовил нам страданья, мой Айкёль Манас,
очень жестко уничтожат, ведь, китайцы нас.

Войско всё погибнет наше, не вернуть потерю,
мы не в силах что-то сделать, изменить теперь.

Может быть, что долю эту нам Создатель дал,
и судьбу такую Он же нам предначертал.

Обрати своё вниманье на мои слова –
мой Айкёль, то завещанье, выслушай меня.

Если на Отчизну вернёшься ты живой,
мою жену встретишь, то тогда, друг мой,

выполню мою ты просьбу, от тебя скрывал
долго тайну эту, Айкёль, я не открывал.

Поклялись с тобой когда-то в дружбе на века,
не иметь тайн друг от друга, как бы ни горька

была правда, поклялись друг другу доверять,
я единственную тайну вынужден был скрывать.

Ибо, Арууке дал слово – тайну сохранять,
и обещанное слово не мог нарушать.

Глубоко в душе своей я прятал тайну ту,
не впуская обиду, друг мой, в душу ты свою.

Правильно пойми, не мог я тайну рассказать,
но сейчас настало время всё тебе сказать.

В Бээджин, когда собрался, в Китай уезжать,
то вернулся в дом, забыл я что-то с собой взять.

Заглянул в глаза любимой Аруке жены,
там печаль и грусть – в её сердце властвуют они.

«Почему, нахмурив брови, так печальная ты?
Может, тебе очень плохо? О том расскажи». –

Ласково я ей и нежно задал свой вопрос,
и ответ её услышал, не скрывая слёз.

Им зажгла она надежду пламени тогда,
ведь смирился я с судьбой своей навсегда.

«Есть сомнения, любимый, точно или нет?
Но хочу тебе поведать свой сейчас секрет.

Времени осталось мало, чтоб нам вместе быть,
может, промолчать мне надо, всё самой решить?

Сердце съесть хочу пантеры, в том примета есть,
что батыр-герой родится, радости не счасть.

Как бы мне это желанье удовлетворить?
Кто пойдёт, чтобы пантеру в лесу застрелить?

Я молю Тенира Бога, чтоб помог тебе,
и в лесу пантеру встретив, застрелил ты мне.

Привези пантеру – Шера, сердце мне отдань,
ни одной душе секрет тот ты не открывай». –

За пантерой в лес Таласа, в ночь поехал я,
застрелив пантеру, сердце вытащил тогда.

Арууке это сердце тёплым я привез,
сделал всё, как полагалось, ей его отнёс.

И когда приготовленья все я завершил,
на коня сел, попрощавшись, в Бээджин спешил.

А сегодня, видно, время пришло рассказать
этую тайну, хочу, друг мой, всё тебе сказать.

О, Айкёль! Если вернёшься ты домой живой,
передай жене Арууке мой привет большой.

Алмамбета завещанье ей ты передай,
много я страдал и в сердце у меня печаль.

Быть хозяином наследства сыну моему,
ведомо, когда родится Богу одному.

Побратим Мажит со мною разделил судьбу,
поровну делили с ним мы радость и беду.

Вместе выросли, и с детства был он мне родной,
убегал когда с Китая – он бежал со мной.

Пусть с Мажитом она жизнь свою соединит,
и пусть счастливо сумеет эту жизнь прожить.

Если мой потомок родится живой, то
Тогда имя не будет забыто моё.

Если девочка родится – сорок лошадей
пусть зарежут, пир устроят радостный скорей.

Вырастит она, пусть счастье улыбнётся ей,
встретит юношу, полюбит, смысл жизни всей.

Не потомка, дочь оставлю я после себя,
не ропщу, но, видно, Боже, то моя судьба.

Если же сын родится, его
ты назови тогда Кюлчоро.

на пир большой людей собери,
девяности лошадей зарезать вели.

Духом пусть сильнее будет и умней, чем я,
а душа мудрее будет, чем душа моя.

В ней пожар пусть засверкает, и горит огнём,
никогда не прогорает, светится лучом.

Если небольшое войско он возглавит, то
в многочисленное войско вырастет оно.

Он с врагом неутомимо будет бой вести,
и отдаст все свои силы, чтоб народ спасти.

Будет верен своей клятве, слову своему,
не откроет пусть злодею душу он свою.

Как стрела пусть поражает своего врага,
будет для родных опорой крепкою всегда.

Пусть любовь пытает в сердце, гордость за народ,
уберечь его стараясь от лихих невзгод.

Мой Айкёль, давай откроем душу я и ты,
и поведаем все тайны мы сейчас свои.

Пред тобою чист я, друг мой, и открыт душой,
если груб был и невежлив, ты прости, хан мой.

В Чет-Бээджин, когда с победой радостно вошли,
и тебя в краю врагов ханом возвели,

я края тогда родные посетить решил,
и поехал на то место, где рождённым был.

Беззаботное всё детство вспомнилось тогда,
счастлив был, и радость в сердце лилась, как вода.

А когда курган увидел, был разрушен он,
грусть познал и сожаленье в сердце я своё.

На курган, в большие врата я вошёл когда,
показалось, словно детство видел вновь тогда.

Радость с горечью смешались, слёзы потекли,
и не понимал тогда я чувства те свои.

Матушки, моей любимой, моей Алтынай,
голос я потом услышал, мне он извещал:

«Жеребёнок мой любимый, мой родной сынок,
день наступит, возвратишься ты сюда в свой срок.

И, приехав вместе с Шером в родные места,
вы увидите останки нашего дворца.

«О каком идет речь Шере?» – так не думай ты,
уезжай с этой чужбины – неродной земли.

С Шером встретишься в далёкой и родной стране,
мой отец оттуда родом. Наш Тенир мольбе,

чаяньям народа горстки, горьким их слезам,
Он внимал с небес и помощь людям тем послал.

Матери, просившей сердцем рожденье дитя,
дал зачатие Тенир от своего Луча.

Возмужал ребёнок этот, Шером стал теперь,
свой народ оберегает от беды, потерь.

Он народ объединяет. Мой отец – твой дед
Соорундук оттуда родом, расскажу секрет.

С детства разлучён с родными и родной землёй,
был пленён врагом, с Отчизны силой увезён.

Воином одним подарен был полуцарю,
добрый слыл он и бездетным, не корил судьбу.

Соорун – иль часть добычи, стал тогда твой дед.
Соорундук его назвали, тайны в этом нет.

И тебя, молясь Тениру, очень ждал отец,
был зачат Лучом ты Света – просьбы той венец.

Кровь отца моего в жилах у меня течёт,
и в тебе частичка крови этой же живёт.

Жеребёнок мой, в народе, на земле отца,
ты, найдёшь Айкёля Шера, будь с ним навсегда.

Благодать на него льётся Свыше из небес,
и его благославляет наш Тенир Отец.

Будь с народом ты единым, и с Айкёлем вы,
словно братья будьте вместе, словно близнецы.

Будь же знаменем Айёлю, будь опорою,
сам иди и знай, Тенир наш, дал тебя ему.

Мой единственный, Создатель Свыше повелел –
назовут рабом, обидев, – это твой удел.

Чтобы жизнь продлить народу, так родился ты,
правильно пойми, задача – свой народ спасти.

Встретить должен ты Айёля Шера своего,
и однажды с ним вернёшься в Бээджин ещё.

Отомстить за своих предков вы наверняка
захотите, и вернётесь на курган тогда.

Но увидите сожжённым вы этот курган,
посмотрите на чинару, будет знак то вам.

Ведь под нею был когда-то мною ты рождён,
расцветёт она, когда враг будет побеждён.

Когда знамя ты победы понесёшь в руках,
тогда дерево чинара будет вся в цветах.

Если высохнут бутоны, если опадут,
то изменится, сынок мой, на земле твой путь.

Или же сгнила чинара, высохшей лежит,
посмотри, может, под нею жизнь ещё кипит.

Если дерево молодое из ствола растёт,
тогда род не прекратится, жизнь чредой идёт.

Сильный на земле орлёнок твой останется,
и в твоём роду и дальше жизнь продолжится.

Если же лежит чинара мёртвою, тогда
и лежать вот так же будет голова твоя.

Кто является опорой Шеру твоему,
до единого погибнут в страшном том бою»... –

Посмотрел вперёд, увидел дерево лежит,
на земле моя чинара сном последним спит.

Голос матушки любимой слышать перестал,
в тот момент батыр Сыргак со мною стоял.

И за души своих предков помолился я,
каждого благословил, вспомнил всех, тогда
долго так стоял и молча, сердце, как в аду,
Саралу коня угрюмо назад повернул.

Друг сердечный, драгоценный откровенье то
предначертано нам Свыше, сбудется оно.

Посмотри же, наступает войско всё врага,
многочисленно оно так. Видно в том судьба –
нам не выбраться из ямы, ведь, глубокой той,
вырыли её китайцы и идут стеной.

Есть стрелок у них «казённый» так его зовут,
он стреляет очень метко, стрелы смерть несут.

Всех перестрелять он сможет нас по одному,
ведь задание любое по плечу ему.

О стрелке «казённом» этом сказ я поведу,
и историю о нём сейчас же расскажу.

Детство мы своё когда-то вместе провели,
одну тайну изучали, знанья обрели.

Откровенье тайны этой за дверью сокрыты,
один раз лишь за полгода двери те открыты.

И в скале, в пещере скрыты эти двери, а скала
называется Суук-Тёр, средь озёр она.

Крепость та волшебная, что на Суук-Тёр скале,
охраняется драконом, рьяно, бдительно вполне.

Если имя у ребёнка в книге есть «Бичик»¹, тогда
без препятствий в крепость эту сможет
он войти всегда.

Знания там получает, совершенствует их он,
тайна всей Вселенной нашей познаётся им потом.

В книге той сокрыты тайны всей Вселенной и она
охраняется священно ламами уже века.

«Бичик» книги той названье, ламы так её зовут,
знания, что в ней сокрыты, избранные обретут.

Объясняется рожденье жизни, смерть потом её,
созиданье, восхожденье, разрушенье – суть всего.

Сокращенно называем книгу мы «Бичик» всегда,
но придумали китайцы ей другие имена.

«Ба-Гуа», «И-цзин», «Чжоу-И»² так они её зовут,
но от этого названья не меняет книга суть.

¹ *Бичик* – название китайской священной магической книги, на страницах которой таинственным образом появлялись имена великих личностей.

² *Ба-Гуа, И-цзин, Чжоу-И* – названия Книги перемен, с помощью которой можно было заранее определить грядущие изменения в жизни отдельного человека, общества, и даже целой цивилизации.

В мире бренном, когда душу, что отмечена была,
ждут и вскоре она в свете будет снова рождена.

Перед тем, как ей родиться, в книге «Бичик»
запись есть,
и монахи получают о рождении том весть.

За пределами границы рождено если дитя,
цель их разыскать и выкрасть или же убить тогда.

Специально в Ажайып¹ обучают мастерству,
навыки, искусство боя открываются ему.

И «казённым» называют ламы этого стрелка,
он родных и своё имя забывает навсегда.

Доведя до совершенства стрелка мастерство,
ламы ждут того момента, чтобы использовать его.

Едет к нам стрелок «казённый», знаю его я,
в Сук-Тёре мы учились вместе с ним тогда.

С ним, по правде говоря, сравнивать нельзя меня,
на шесть месяцев он дольше обучался ведь тогда.

Чудеса творить умею я только на земле,
но полёт – это искусство не знакомо мне.

Он искусство то усвоил очень глубоко,
и своё он знает дело очень хорошо.

В подходящую одежду одевается,
ею от других людей не отличается.

¹ Ажайып – особенное место, где готовили великих полководцев, воинов, а также людей со сверхспособностями.

И стрела его летит, поражая цель,
на своём пути стрелок убивает всех.

Цуань-Чжу¹ в глазах та точка есть у всех людей,
если пальцем прикоснёшься, смерть спешит скорей.

Натянув свой пук, Си-Бай стрелок целится,
стреляет,
и стрела в Цуань-Чжу точку сразу попадает.

Потому изуваженья его называют,
не Си-Бай, а Цуань-Чжу, так и величают.

Если же на наш язык имя мы переведём,
«Кёзгё атар»³ тогда будет, так его и назовём.

О стрелке подробней этом сейчас расскажу,
он навлек проклятье на себе, нарушив клятву свою,
заболел болезнью ала², чтобы её лечить,
на безлюдный остров был он вывезен там жить.

Добраться на остров не смог бы никто,
целители долго лечили его.

Из разных они мест доставлены были,
его ровно шесть лет средствами лечили.

Теперь к нам стрелок этот едет, спешит,
и каждый Шер будет им вскоре убит.

Знаю, я погибну тоже от руки его,
поворд есть мне отомстить, поверь, у него.

¹ Цуань-Чжу – смертельная точка в глазной впадине.

² Ала – трудноизлечимая болезнь кожи (витилиго).

³ Кёзгё атар – очень меткий, что может попасть в глаз даже с достаточного далекого расстояния.

Жой-Ху шера – отца стрелка в битве стрелка погубил,
в Туура-Суу, в бою том, я его убил.

И последнюю исполню просьбу ты мою,
поклянись её исполнить, клятву дай свою.

Твоя рана воспалится, ведь лекарства нет,
обработать её нечем, дай ты мне обет.

Обещай, что согласишься с тем, что я скажу,
не покинешь нашу крепость эту – Тал-Чоку.

Отдавать приказы будешь в крепости-скале,
даже, если мы погибнем в том сраженье все.

Может быть, Айкёль, удастся хоть тебе спастись,
ты на Родину-Отчизну живым воротись,

потому что Ангел светлый так тебе сказал,
надо, чтоб народ наш выжил, больше не страдал.

Будет жить народ кыргызский, если ты живой
на Отчизну вновь вернёшься, где твой род живёт.

Если спустишься к врагам, не слушая меня,
неприятеля мечты сбудутся тогда.

Имя нашего народа пропадёт с земли,
сорок родов все погибнут, если сгинешь ты.

Здесь теперь свою погибель от врага найду,
но назад, чтоб ни случилось, я не поверну.

Драгоценный друг, Айкёль мой, когда
настанет Танмакшар¹
встретимся, но моё тело не отдай врагам.

¹ *Tanmakshar* – судный день.

Чтоб над ним не изdevались, ты его возьми,
и на Родину-Отчину мою отвези.

На коня Саралу тело погрузи моё,
на мазаре Чеч-Дёбё¹ предай земле его.

Наступают, посмотри наши уж враги,
я пойду, мой друг, и в битве буду впереди». –

Хан Манас на поле браны повернул свой лик,
посмотрев на Алмамбета плача, весь поник.

«От Тенира, Алмамбет, мой друг, подарок ты,
и меня теперь послушай, сюда посмотри.

Откровенье на Тал-Чоку, когда получил,
тайну эту без сомненья я тебе открыл.

Откровенья получили мы с тобой, поверь,
они схожи, как две капли, неба знак потерь.

Свыше, видно наш Создатель всё определил,
что должно случиться с нами, знает Он один.

Изменить никто не сможет, что дано судьбой,
ты, друг мой, иди на битву с лёгкою душой.

Встретимся, друг драгоценный, в Танмакшаре теперь,
клятву я даю навечно верности моей.

Никогда от слов той клятвы я не отступлю,
и в миражах обоих верность ей я сохранию!» –

¹ Чеч-Дёбё – местность, где похоронено тело Алмамбета, которое находится в Атбашинском районе.

Лик Манаса словно месяц, слёзы омывали,
сожаленье его душу горечью сжигало.

Обняли они друг друга и расцеловали,
мысли в голове Айкёля грустные витали.

Посадив на коня друга, в бой его отправил,
но душою Алмамбета Манас не оставил.

Прошлое перед глазами вмиг тот пролетело,
и душа огнём объята, пламенем горела.

* * *

Против войска огромного с кличем «Наш Манас Хан»,
на врага идёт смело батыр Алмамбет Кабылан.

Опечаленный смотрит Шер Айкёль ему вслед.
«В этом мире с тобою не увидимся, нет.

Радость счастья и грусть не разделим
с тобой уже мы,
ты уходишь навечно, тому будут рады враги». –

По лицу его крупные, горькие слёзы текут,
а в душе сожаленье, печаль свою песню поют.

Огромным подарком Тенира с небес они оба были
в одно время, но в разных местах матери их родили.

Мольбу матери, ждавшей ребёнка, исполнил Тенир,
чтобы род свой продолжить пришли они оба
в наш мир.

Хан Манас был рождён во дворце по воле Тенира,
Алмамбет в самом сердце врага, где злобная сила.

Один вымолен матерью был у Бога Тенира,
а другой был подарен Лучом Света бренному миру.

Одна мать¹ своего мужа первого имя взяла,
а другая², во вражеский стан бесстрашно пошла.

И похожими очень страданья и муки их были,
мечтали о том, чтобы скорее собрал народ силы,

объединившись, снова единым бы стал.
обеим Создатель – Тенир откровенья дал.

Откровенья с небес, знания они получили,
познали, как в прошлом люди древние наши жили.

В прошлое мысленно хан погрузился Манас,
в крепости вспоминает время былое сейчас.

Образ предстал Алмамбета в тот час перед ним,
вспомнил первую встречу, о чём с ним
потом говорил.

Тайны поведал он все ему: радость, горечь потерь,
голос звучит его, будто рядом он где-то теперь.

«...За несколько месяцев до нашей встречи тогда,
сон мне приснился, я понял, что это судьба.

перед глазами моими сон этот, будто стоит,
его вспоминаю, в груди моей сердце горит.

¹ Одна мать – мама Манаса – Батмазуура, бывшая сначала замужем за Чыйырды. После его героической смерти она вышла замуж за его младшего брата Жакыпа, но взяла имя первого мужа и сама стала Чыйырды.

² Другая – мама Алмамбета – Алтынай, перед тем, как выйти замуж за Азиз хана, она прошла суровое испытание императора.

На высоком, покрытом зеленью склоне стою,
красотою любуюсь, на мир я с любовью смотрю.

Не видно охотников, рядом со мной нет никого
с кем приехал, будто исчезли все. Где же чоро?

Так один на высоком, прекрасном склоне стоял,
и вокруг ни души, куда все пропали, не знал.

Ветерок лёгкий ласково, нежно мне гладит лицо,
а на склоне цветёт много горных,
прекрасных цветов.

Разноцветье. Переливаясь, сверкают цветы,
много разных оттенков и красок имеют они.

Как прекрасна природа! Невозможно глаза оторвать,
и смотреть, любоваться красою хочу я опять.

Вдруг приятный и нежный голос свой издавая,
птица медленно кружит, в небе синем летая.

Прилетела, на правое села Айкёля плечо,
красотой, элегантностью сердце пленило его.

Вид её гармоничный Манасу понравился очень,
на ноге цепь златая, к ней прикреплен колокольчик.

Встрепенётся она – колокольчик звенит
нежным звоном,
человеческий взгляд её чист, пронзителен
и умудренный.

И с Айкёлем Манасом беседу, словно ведёт,
но печаль в её сердце, тоска свою песню поёт.

Будто тайну сердца Манасу она открывает,
изольёт свою ласково душу, печаль не скрывает.

И вздохнув: «Эх...» Айкёль гладит птицу
своей рукой,
словно это не птица, а брат любимый, родной.

Глядя прямо на птицу, вопросы он ей задает:
«Ты ответь, друг сердечный, зачем совершил
свой полёт?

По какой причине с тобой повстречались, скажи,
почему разорвал свою цепь ты – оковы свои?

Почему же покинул клетку свою ты сейчас?
Почему улетел с родимой земли в этот час?» –

И взмахнув птица крыльями, голосом
звонким кричит,
стрелой в небо взлетела, колокольчик лишь
нежно звучит.

Кружась, быстро летела в небе синем паря,
голос звонкий был слышен её даже издалека.

Если, крикнув она, на этой была стороне,
эхом крик отзывался на другой, руша скалы все.

Тело сжав, как кулак, стремительно вперёд летит,
убивает лапами архаров¹, кийиков², парит.

Пролетая вершины, высокие скалы, холмы,
и разведав владенья, будто её все они,

¹ *Архар* – самка дикого барана.

² *Кийик* – дикая коза.

Синегривого льва, тигра и кабана
принесла, сложила, получилась большая гора.

К ногам хана Манаса птица добычу несёт,
криком звонким, пронзительным,
сопровождая полёт.

И от голоса звучного, в страхе, что их убьют,
вниз с вершины по склонам кулжи¹ и архары бегут.

У подножия гор из густых и дремучих лесов,
гонит дичь, что наметила – тигров могучих и львов.

Никого из зверей не оставит этих в живых,
и от взгляда её не укроется никто из них.

Все смешались и в страхе от птицы грозной бегут,
но она летит быстро вперёд, преграждая им путь.

Все животные, птицей убитые, принесены,
пред ногами у хана Манаса лежали они.

Появилось откуда-то войско Манаса, оно
по долине равнинной скакет, ищет его.

В небе птицу летящую, воины с криком зовут,
с ликованьем шапки подбросив, сядет куда –
они ждут.

Каждый руку к ней тянет «Кыйтуу»², – кричит,
но к Бакаю хану птица на склон тот летит.

Ловко села на руку Бакая хана она,
он её приласкал, погладив нежно, любя.

¹ Кулжа – самец диких овец-архаров.

² Кыйтуу – призыв-команда охотничьей птице.

Потом привязь для птицы серебряную достал,
и затем за лапу надежно её привязал.

К хану Манасу он эту птицу несёт,
и со словами: «Тенира Дар» – ему отдаёт.

Сердце Айкёля радостным чувством горит,
что это знак судьбы добрый ему говорит.

И ещё не проснувшись, быстро он встал,
спешно на «Жыйын-Дён»¹ своих чоро собрал:

«Пусть весь народ на собрание быстро идёт,
его Бакай хан возглавит и сам проведёт.

Видел я сон, его растолкует пусть кто-то мне,
пир в честь его устрою, пусть угощаются все.

Пусть стар и млад на праздник этот придут,
пусть угощаются, благословенье дадут». –

И народу собравшемуся, Айкёль Шер повелел,
подать угощенье, приготовленное Каныкей.

Щедро всех одарил он и златом, и серебром,
украшенья, монеты раздал, рассказав им потом

предрассветный свой сон, на всех пристальным
взглядом глядя,
и не ждал, когда скажут ему: «Растолкую сон я». –

Он прокашлялся, сам стал свой сон толковать:
«О, народ мой, хочу я тебе рассказать.

¹ Жыйын-Дён – место, где проводились собрания для принятия судьбоносных решений.

Когда в час предрассветный приснился мне сон,
то, проснувшись, я понял, о чём же был он.

«У кого сон хорош, у того хороши и дела», –
ещё издревле так говорил наш народ неспроста.

Мой прекрасен сон, замечательны, значит, дела,
верю в то без сомненья, с надеждой сердцем горя.

На уставшем коне, перевалы все Шер-лев пройдёт,
убежавший из края родного, он к нам придёт.

Тот батыр мне подарок большой Тенира Отца,
будет он моим другом, пойдём вместе с ним
до конца.

Благодать в моём сердце, радость пребудут, добро,
злейший враг мой погибнет, я уничтожу его.

Будет полной казна златом чистым да серебром,
необъятными земли будут в ханстве моём.

Я расширю с востока на запад границы свои,
победителем стану, врагов всех своих покорив.

Если птицей ко мне прилетит тот храбрец удалой,
то поймите, родные, что для меня он родной!

И раскрой же объятья, мой драгоценный народ,
не зовите рабом его, Шером пусть каждый зовёт,

Сон приснился – теперь не спокойна душа,
не во сне – наяву пусть летит ко мне птица моя.

О, народ! Пусть же радость пребудет всегда.
Оомийин! Помолись мой народ за меня!» –

* * *

И потом этот сон сбылся весь наяву,
Алмамбет прилетел, словно птица, к нему.

* * *

Колыбельную песню будто слышит сейчас,
тайну вслед за ней друг раскрывает, в сей час.

Перед сном его мать колыбельную пела ему,
и Айкёль в колыбели слушал грустную песню ту.

Пламя доблести в сердце зажигали песни слова,
и горела огнём героизма его душа.

Всегда просыпался от песни матери он,
она грустно плакала, печально, будто бы стон:

«Мой родной жеребёнок, рости честь свою сохраняя,
смысл каждого слова сказанного, понимая.

Кёч¹ веди – караван, ко всему будь провидцем
готовым,
твоего предка кёч прошёл в горах, по тропам
горным.

Ты потомок народа сорока родов,
он почти уничтожен был жестоким врагом.

Злейший враг земли наши родные отнял,
и народ, покорённый наш, нищим стал.

Стань же доблестным Шером мстящим, и ты
за обиды былые врагу отомсти.

¹ Кёч – букв. «кочуй», – гл. от сущ. – «караван».

Будь батыром, смотрящим смерти в глаза,
будь отважным и храбрым, разбей же врага.

Собери, когда вырастишь, весь свой народ,
будь опорой ему, сохрани от невзгод.

Он разбросан, его ты соедини,
и продолжи, что прервано, в узел свяжи». —

Песня матери грустная вдаль удалилась,
и картины из прошлого перед взором
его открылись.

* * *

Не исполнилось то, что он видел во сне,
но надеждою сердце пылало в огне.

Распросить всех людей Айкёль Шер Манас велел,
кто приехал из дальних окраин, узнать он хотел,

у соседей границы, чьи были с границами
его близки:
«Нет людей ли приезжих из земель, что
от нас далеки?» –

Он узнал, что в народе прошёл давно уже слух,
у Кёкчё Айдаркана видели молодцев двух,

и приехали, будто они из далекой страны.
Слух быстрее летит в небо выпущенной стрелы.

Несравненный Шер один из них, будто бы был,
и услышав об этом, Айкёль не сдержал свой пыл.

В тот же миг, как услышал он эту весть,
стал готовиться в путь, на коня, чтобы сесть.

И собрал Айкёль тех, кто бы мог дать совет ему,
обратился к младым, старым, к собранию всему:

«Мудрый хан Бакай, поделиться мыслями хочу
с тобой,
выслушай меня, и советом потом меня успокой.

Пролетел слух о том, что к народу хана Кёкчё,
два батыра приехали, верю я в то горячо.

Если правда это – встретим батыров с душой,
чтобы вам сообщить то, собрал вас с целью одной.

Чтоб с собаками, вышли бы мы на охоту все,
встретим их на пути, если будет угодно судьбе.

Если встречу друга, то подружусь с ним тогда,
чтоб печали его растворить, объяятья раскрою я.

Абаке¹ мой, если прав я считаешь, тогда ты сейчас,
дай приказ, чтобы выехали мы все в назначенный
час,

На охоту поехали чтоб, взяв ловчих птиц и собак,
разминуться с батырами нам невозможно никак.

Своих воинов взяв, мы объедим холмы и поля,
я надеюсь, усилия наши будут не зря». –

Взял с собой сорок чоро на охоту Манас батыр,
он проехал холмы и поля, своих не жалея сил.

Чтоб обрадовать сердце батыра и встретить его,
шелковый он на склоне велел поставить шатёр.

Долго пристально он на дорогу в бинокль глядит,
ждёт уж несколько дней батыра и夜里 не спит.

В новолунье приехал, теперь стала полной луна,
но вестей нет от Шера, душа его грусти полна.

Задумавшись хмуро, Шер Манас печально глядит,
и давая совет ему, Бакай аба говорит:

¹ Абаке – ласково-уважительное обращение к старшему мужчины.

«О, Айкёль Шер, послушай сейчас советы мои,
наших воинов ты на три части всех раздели.

Одна часть воинов здесь останется пусть,
с другой частью – отправься на поиски в путь.

Третью воинов часть всех с собою возьму,
чем сидеть так, разведку лучше я проведу.

Со стороны Иле, пусть дорогу разведаем мы,
в Сары-Арка ты разведку свою, Айкёль, проведи.

Постоянно пусть воины смотрят в бинокль на склон,
не пропустят батыра, когда будет ехать к нам он.

Если по средней дороге поедет, приедет он в стан,
встретят его, сообщат нам об этом, кто сейчас там.

Жадный, немного скупой берен Айдаркан,
был такой, как отец его сын Кёкчё хан.

Добычу батыров, несправедливо они
распределив, обидеть их этим могли.

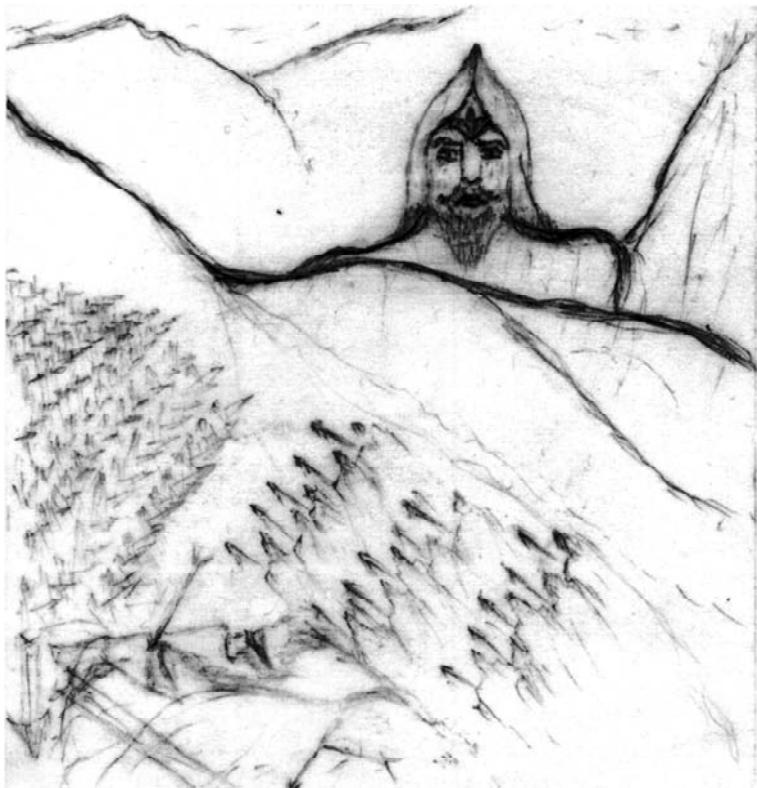
Обидели этим, может, батыров они,
и охладело сердце его в эти дни.

Решил он обиженный ехать в другие края,
народ показался грубым ему, но всё же, я

немедля разведаю путь, что ведет в Букарю,
и если судьбе угодно батыра найду.

Когда Шера встречу, тогда я назад поверну,
и душу его, успокоив, с ним вместе вернусь». –

Бакай хан поехал в направлении Букары,
с ним рядом Сыргак и десять чоро, едут они...

* * *

*В крепости на Тал-Чоку своей Айкёль Манас,
друга отправил на битву кровавую сейчас.*

*Воспоминанья о прошлом сердце Айкёля хранит,
над головою несчастье вороном чёрным кружит.*

*Но далеки его мысли о том, что будет сейчас,
бархатный глас Алмамбета будто бы слышит Манас:*

Айкёль Манас

ВОСПОМИНАНИЯ АЛМАМБЕТА

«Не в силах был унижения все я терпеть,
сердце моё от обиды, горечи стало болеть,

и на душе моей было так беспросветно темно,
а настроение в тот день было мрачным моё.

Выехав из Сары-Арка вместе с Маджитом мы,
ехали без остановки, чтоб ночевать в Букары.

Перед рассветом я вышел, чтоб омовенье свершить,
и к небесам обратился, начал молитву творить:

«О, мой Тенир, мой Создатель!
Услышь молитву мою!» –
Был у обиды в объятьях и униженья в плену.

Плакал я, со слезами ушла обида моя.
«О, помоги же, Создатель! Найти, что ищу для себя!» –

И разлилась благодарность после молитвы в груди,
я разбудил Мажита, чтобы нам дальше идти.

Перекусили и вышли в дорогу мы,
далее идти чтобы по своему пути.

Когда к вратам Букары направились к выходу мы,
остановил нас, приветствуя,
вдруг незнакомец один.

Имя того человека было Бакай аба,
выехал он в Букарь, чтобы найти меня.

Ликом прекрасен он, с чёрною был бородой,
справа с пшеничку родинка над губой.

Взгляд его ласковый, словно море глубок,
по его взгляду понятно, что он мудрец и пророк.

Мудрости знак – лоб высокий, мёд источают слова,
на голове его шапка из синей рыси. Она

очень идёт к его лицу. Красноречив он всегда,
сказано слово лишь к месту, мудрости клад наш аба.

Одежда красиво сидит на стройном теле его,
оружия много, на случай боя, есть у него.

Плащ накинут, на плечи широки его,
из стали белой кинжал висит боевой.

Под ним Буудан, архар конь статный.
Всё в нем: одежда и облик прекрасны.

Мог он предвидеть, что было, и то, что будет потом,
благодать Бога спустилась и засияла лучом.

Старец он своего народа, Тенира он сын,
чувствовал это душою, сердцем своим.

Ответил на приветствие тогда, растерявшись, я,
руку пожал и успокоил он словами меня.

Слова его отзывались в душе моей,
заворожил моё сердце он речью своей:

«Жив ли, здоров ты, мой Шер дорогой?
Ищет тебя батыр Шер иной.

Выехал он, чтобы встретить тебя,
послал чоро, во главе твой аба.

Привет тебе шлю от чистой души,
ведь разминулись с тобой мы в пути.

Очень обиженный вид у тебя,
выслушай Шер сейчас мои слова.

Поговорим, мой батыр, подожди,
своё вниманье на речь обрати.

Ждёт так давно тебя Айкёль Манас,
Родина его прекрасный Талас.

Народ Манаса в страданьях жил,
чтоб он родился, Тенира молил.

Считает посланником Бога Манаса,
его сделал ханом на землях Таласа.

Из многих родов состоит народ,
он добрый душой и полон щедрот.

Земля родная его всегда,
подобна раю, прекрасна она.

Есть половина, жена у него,
зовут Каныкей, уважают её.

Ум келин¹ нашей – морю подобен,
так же глубок, и так же спокоен.

Свою душой притянет она,
тот, кто далёк, станет близким тогда.

И в отношениях тактична она,
разорванное соединит без узла.

Тех, кто старше, всегда уважает,
и в рукodelье равных не знает,

необычное сделать способна.
Нашему Богу было угодно,

чтобы на радость людям родился
Манас, народ за него молился.

Создатель внимал народа мольбам,
поспал он Манаса на радость нам.

Во всём достойна Манаса жена,
красива, умела, очень умна.

Келин уважать всегда будет тебя,
как лучшего, за это ручаюсь я.

Не буду много сейчас говорить,
надеюсь, правильно сможешь решить.

Согласие дай поехать в Талас,
неустранный тебя ждёт Манас.

Он неустанно глядит на дорогу,
и подавляет в сердце тревогу». –

¹ Келин – невестка.

* * *

Каныш в это время, Айкёля жена,
ждала во дворце, в Таласе она.

На Жайык холме поставить велела
юрту, которая, как снег, белела.

Чтобы душа Шера радость познала,
долго работала, не отдыхала.

Юрта красивая очи слепила,
её готовила, сил не щадила.

Много раз пальцы колопа иглой,
занята была работой одной.

Глаза болели её, но трудилась,
радостью света душа озарилась.

Каныкей к встрече готовится,
юрту поставила, дело спорится.

Все украшенья сама проверяет,
сама их делает она и знает,

как сделать так, чтобы радостно было.
Юрта своей белизною светила.

Красивый внутри неё чий¹ прикреплён,
узорами многими он испещрён.

На землю цветной ковёр расстелила,
в нём красоты притяжение сила.

На месте почётном: талпак² медвежий,
выделан кёрпё³ из шкуры овечьей.

¹ Чий – вид растений с жестким стеблем, из них изготавливают циновки.

² Талпак, ³ кёрпё – выделанная шкура, на котором сидят или лежат.

Под покти подушки из перьев круглы,
красивы, удобны, практичны они.

Вооруженье коней, оружие из стали,
место справа в юрте они занимали.

Установить слева бакан¹ велела,
ткань с позолотой, чтобы висела,

чучело льва посредине златое,
установить его дело святое.

Шкура пантеры справа лежала,
неустрешимой принадлежала.

С сивой гривой шкура кёкжала,
слева место она занимала.

Морды животных в тюнджук² упирались,
кереге³ низа их ноги касались.

Чамгарак⁴ шест подпирает златой,
свет изливает прекрасной звездой.

Дорогие камни его украшают,
переливаясь, лучи отражают.

Юрта заполнилась света лучами,
вся разноцветными светит огнями.

¹ *Бакан* – шест.

² *Тюнджук* – деревянный купол юрты; само отверстие в куполе юрты.

³ *Кереге* – скрещенные жерди юрты.

⁴ *Чамгарак* – то же самое, что *тюнджук*.

Золототканый ковёр излучает
свет и огни разноцветьем играют,

на почитаемом месте лежит.
Войлок красивейший сбоку висит,

вшила в него из меха кайма,
всеми цветами играет она.

На нём рисунок прекрасный сверкает,
он красоту гор изображает,

небо украшено полной луной,
звёзды сверкают своей красотой,

долина, поле очень просторное,
растут цветы там прекрасные вольно.

Ах, как искусно вышито всё,
сколько труда, сколько сил ушло.

Видно, искусствой рукою творила,
искусством своим заворожила.

Нет среди женщин ей равных пока,
всех мастерством покорила она.

Прямо у статуи статного льва
поставить велела златой трон она.

Изображён там алмазный дракон,
вперёд, к прыжку, готовится он.

Шёлковым сверху накрыт трон ковром,
были прекрасны узоры на нём.

Встретить достойно готовится друга,
дорог он очень ведь для супруга.

Нет ни одной здесь вещи случайной,
ждёт Каныкей гостя необычайно.

В надежде услышать тёплые слова,
закончила все приготовленья она.

Юрту критически всю осмотрела,
сделано было всё, как хотела.

Сама соткала дорожку она,
сверкала светом её белизна,

по краям шёлковая бахрома
с жемчугом, цвета лазури она.

В юрту её принести велела,
сама дорожку она расстелила,

так на две части теперь она,
как на два берега разделена.

Белая юрта ещё краше стала,
лучами света она засверкала.

Гостя дорога белая ждёт,
когда по ней он к трону пойдёт.

Так, с душой чистой ждёт Каныкей,
жаждет, чтоб Шер гость приехал скорей.

Велела скатерти две расстелить,
многие яства на них разложить,

пончики те, что пожарила в масле,
кесе поставить велела там после,

мёд и шербет¹ положили на них,
из дальних стран привозили их.

Из Басры, Багдада и из Мисира²
много фруктов и пищу рая везли.

С чудесным запахом ароматным,
на вид и вкус они очень приятны.

От яств у всех глаза разбегались,
сдержать аппетит они свой старались.

Окинула юрту критическим взглядом,
всё ей понравилось, была она рада.

Из юрты с радостью вышла она,
легко на сердце, спокойна душа.

* * *

Весть от хана Бакая аба дошла,
радостной очень она была:

«Нашли того, кого искать нам велел
Айкёль хан, увидеть его хотел». –

К Шеру Айкёлю послали слугу,
три дня уже едет к ним Шууту.

«Едет батыр от хана Бакая!» –
Айкёлю эту весть сообщают.

¹ Шербет – сладость, похожая на халву.

Вот наступает день их приезда,
прибыли воины Шера на место.

«Если пораньше хан мой прибудет,
ждать тогда гостя дома он будет,

то на душе его станет светло,
и сохранит сердце встречи тепло.

Если гость первым к нам прибудет,
дома хозяина ещё не будет,

обида в сердце Шера тогда,
оставит след свой в нём навсегда.

Сделает вывод в душе для себя,
встретили, будто его не любя.

Если Господь их соединяет,
и вместе в жизни объединяет,

один, словно озеро на просторе,
другой – бескрайний, будто море,

тогда Айёль мой первым приедет,
и долгожданного гостя встретит». –

Приезд двоих Шеров, как знак ожидая,
стоит Каныкей, на дорогу взирая.

Мысленно снова все проверяя,
подарки и угощенья сверяя.

Миллион разных мыслей витает,
сердце её покоя не знает:

«Если обрадую Шеров сердца, –
счастье мое! Продлю время конца.

О, мой Создатель, есть дар у меня,
дал Ты мне знать будущие дела.

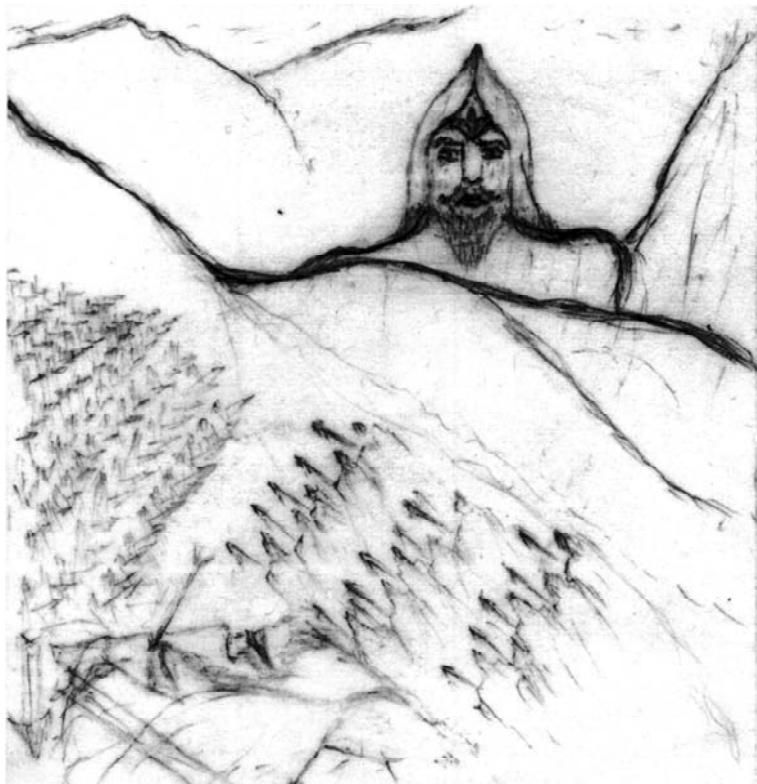
От откровенья сердце страдает,
в скорби душа, покоя не знает.

Всё изменить, знаю, я не смогу,
в душе спокойной быть не могу.

Когда откровенье светом сверкает,
тогда продлить радость сердце желает.

Готовлюсь к встрече от всей души,
я человек, мой Господь, Ты прости.

Благослови данное откровенье,
но не показывай конца лишенья». –

* * *

*...С крепости своей в бинокль глядит
Манас, за битвой кровавой следит.*

*Кто в каком месте, определяет,
взгляд свой на Тал-Чоку вниз направляет.*

*Медленно мысли Манаса текут,
в прошлое снова его зовут...*

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСТОРИЮ КЫРГЫЗОВ

И в ночь встречи с Алмамбетом,
глаз не сомкнул он своих до рассвета.

Сердце, сжимавшее тайну свою,
Бакай поведал в ту ночь ему:

«... Жил безмятежно, спокойно народ,
не знал тогда он беды и невзгод,

земля цветущей, прекрасной была,
но наступило войско врага.

Земля вся красной кровью залита,
обездоленные люди врагом убиты.

Предками нашими были те люди,
земля та – это часть нашей земли.

Жестоко народ этот был истреблён,
в разные стороны, кто выжил, расселён.

Кровь пролилась, заливая поля,
были разрушены все города.

Всё сожжено: долины, ущелья,
цветы, достойные восхищенья,

холмы и горы, густые леса –
враги сожгли, не оставив следа.

Реки заполнены трупами были,
из берегов воды их выходили,

и разливалась в долинах вода,
образовала озёра она.

Топкие землю покрыли болота,
так изменилась вокруг вся природа.

Были разрушены все города,
холмами серыми стали тогда.

Мало людей осталось в живых,
лишь жажда мести в сердцах у них.

Горем измученные, скитаются,
по ходу солнца они направляются.

Чрез перевалы и горы идут,
горечь утраты в душах несут.

С востока на запад эта земля
раскинулась, она бескрайней была.

Мирные люди ею владели,
в радости, счастье они жить хотели.

Из сорока родов состоял народ,
жили люди дружно, не зная невзгод.

Были потомками одного отца,
не видел свет такого мудреца.

Сорок сыновей отец тот имел,
каждый был достойный, мужествен и смел.

От отца единого сорок рождены,
и любимы были все отцом они.

Время прошло, сыновья подросли,
беками¹ стали народа они.

Каждый из них – основатель рода,
род имел каждый свои угодья.

Люди владели краем земли,
глубоко корни пустили они.

С севера земли тянулись на юг,
«Смелым батыром» в народе зовут,

горы Стана справа расположились,
с Чон-Кунгёй они соединились.

С севера слева на юг пролегли,
Орола² горные это хребты.

Для людей создал крепость Тенир,
чтоб были в жизни радость и мир,

чтобы в спокойствии жизнь их текла,
чтоб радость счастья душа обрела.

Сорок родов жили дружно, беспечно,
казалось, жить будут так бесконечно.

¹ *Бек* – звание, чин.

² *Орола* – уральские горы.

Достаток их беззаботными сделал,
и зёрна лени, вражды в них посеял.

Забыли, что враг их вокруг не спит,
обычай древний о дружбе забыт.

Заботиться стал каждый род о себе,
жизнь не волнует их на стороне.

Как прежде едины не были они,
жизнь не знали друг друга в те дни.

И хоть развивался и рос весь народ,
терялось единство его каждый год.

потери единства народа враг ждал,
чтоб уничтожить коварно напал.

Из сорока древних родов осталась,
крупица народа, «кыргыз» называлась.

О, мои дети, обманчив сей мир,
столько народу погибло в те дни.

Сорок родов мирно некогда жили,
основой сорок братьев их были.

От одного все отца рождены,
Узу батыра потомки они.

Слава его по земле гремела,
не одно добroе сделал он дело.

Объединил людей тёмных в народ,
их помирил, защитил от невзгод.

Непроходимые леса срубив,
расширил земли, владенья свои.

Как мастерица ткёт полотно,
соединяя нити в одно,

так Уз хан людей объединил,
многие земли соединил.

С востока на запад земли расширил,
границы владений охраной усилил.

Объединил и умножил народ,
оберегал от врагов и невзгод.

Взял на себя тяжкий груз всех людей,
сделал народ непокорным, сильней –

если враги на них нападали,
храбро и смело отпор им давали.

Сорок сыновей Уза старались,
между собой они соревновались,

чтоб друг от друга не отставать,
смелыми смог их отец воспитать,

в бой до последнего вдоха идти,
храбро в атаке врагу смерть нести.

Князья от сорока жен рождены,
в душе несли горечь, ревность они,

огонь геройства пылает в крови,
но угольком тлеет зависть в груди.

Единство духа потеряно было,
в нём заключалась тогда их сила.

Враги об этом вскоре узнали,
собрали войско, внезапно напали.

И хитрый враг весь народ покорил,
найдя слабину, его он разбил.

Кто этот враг? Он внезапно напал,
когда слабину народа узнал.

Кто тот народ, на какой жил земле?
Я расскажу об этом тебе.

В небо уперлись высокие скалы,
их Чон-Кюнгёй, Кичи-Кюнгёй называли.

Лежали с севера на юг хребты,
границей были народов они.

С одной стороны горных хребтов
народ жил, сорок его родов.

Другой стороной китайцы владели,
земли просторные они имели.

На юг с Тюп-Чыгыша горы тянутся,
и в Гималаи потом упираются.

Один склон китайцам объятия раскрыл,
владеньем другой сорока родов был.

Неразрушимой веками стеной –
название горной крепости той.

Вот и сейчас горы те простираются,
вершины в небо их упираются.

О! Горы эти родиной были,
сорок родов их очень любили.

Один сын хана Узва батыра
был основателем рода аргынов.

Жил в Чон-Кюнгёй он многоводном,
размеренно жизнь протекала, спокойно.

Мирно жил род, землю раем считая,
границы свои не охраняя.

Живя в достатке, беспечными стали,
военные навыки все потеряли.

И если бы дальше так жить продолжали,
внезапно, коварно враги бы напали.

Кангайцы времени зря не теряли,
ужасные планы они замышляли.

Разведку свою незаметно вели,
послали шпионов из разных они.

Использовали тропы горных козлов.
Они пробирались по склонам хребтов,

чтоб перевал тайно им перейти,
и незаметно к аргынам пройти,

несколько горных троп проложили,
народа бдительность тем усыпили.

С аргынами они торговлю вели,
и чёрные замыслы в сердце несли.

Итюргены, гюлянцы, манги¹ – все они,
спины при встрече сгибали свои.

На землю в поклоне падали них,
не видно было при этом их лиц.

Казались аргынам они беззаботными,
беднягами, сделать вред не способными.

Враги очень сильно старались тогда,
в поклоне сгибались страстно всегда,

будто невестка при виде купца,
пряча, при этом, стыдливо глаза.

Не замечал аргынский народ
того, что враг уже у ворот.

Спокойно и беззаботно он жил,
внезапно враг на них наступил.

Тропами горных козлов они
Кюнгёйские скалы все перешли.

Много холмов в горах Алдан,
решили спрятаться именно там.

В ущельях войско врага разместилось,
на время там оно скончилось.

¹ Итюргены, гюлянцы, манги – названия племён.

Потом высокий прошли перевал,
чтоб отдохнуть, сделали там привал.

Ночью решили внезапно напасть,
мир у людей, мирно спавших, украсть.

Коварно тогда кангайцы напали,
и жизни многих людей поломали.

По саю¹ кровь текла красной рекой,
осуществил враг коварный план свой.

Взяли в плен девушек, женщин младых,
мужчин, оставшихся тогда в живых.

В цепи бедняг они заковали,
пленные участи своей не знали.

Неизвестно, что с ними случилось,
как судьба дальше распорядилась.

Из них остался кто-то в живых,
речь поведём сейчас только о них.

Сильно они от врага пострадали,
в разные стороны все убегали.

С востока на запад одни пошли,
другие на север холодный ушли.

До севера тот, кто дошёл живой,
холодной северной лютой зимой,

¹ Сай – ущелье.

замерзла в море, когда вода,
поверхность покрыл слой толстого льда,

пролив Моюнча¹ народ перешёл,
не возвратился, навеки ушёл.

Из сорока родов народа
живых осталось совсем немного.

Из разных мест людей собирает
Эр Култегин, народ свой спасает,

совсем ослабленных, сил потерявших,
покинуть Родину не пожелавших,

девушек, женщин, кто стар, молодых,
кто не хотел оставить родных.

Они в Саянах Алтая остались,
и Кагас беком² оберегались.

Был храбрый сердцем, воином славным,
ещё оратором слыл он способным.

Эр Култегин свою речь говорит,
ему народ сохранить он велит:

«Не оставляй родную землю свою,
людей, познавших смерть и беду.

Прими ослабленных, их береги,
главою будь им и жизнь сохрани».

¹ *Моюнча* – Берингов пролив.

² *Кагас бек* – один из лидеров на Алтае в VII веке.

Кто из народа остался живой,
повёл того Култегин хан за собой.

Объединил тех, кто может идти,
решил Узат потомков найти.

Он на восток народ свой ведёт,
в надежде, что там удача найдёт.

В сердце страдающем спрятана месть,
людям страданий своих и не счастье.

Он на себя груз мести взвалил,
вести народ на восток решил.

в сторону плоских равнин идти,
и там потомков народа спасти.

Чтобы надежды родов оправдать,
не боясь смерти, готов жизнь отдать.

Но двоих мальчиков ханской крови,
от лютой смерти люди спасли.

В сердцах народа радость была,
надежда в душах их расцвела,

что состоящий из родов народ,
опору в этих уланах¹ найдёт.

Если народ истреблённый почти
сможет дорогу к жизни найти,

¹ Улан – мальчишки (от 10 до 16 лет).

юноши предков своих не забудут,
и поклянутся, что верными будут,

все сорок родов они соберут,
Киргиз-Ата народ тот назовут.

Расшифровать если эти слова,
их смысл будет понятен тогда.

Уза хана потомками были
сыновей сорок, народу служили,

и потому истребить их так сложно,
стереть с лица Земли невозможно.

Ни один враг покорить их не смог,
«Неистребимым» был назван народ.

Потомки Соолоба, Чылаба, Ногоя,
Шыгая, Нойгута, Аргына, Сарногоя.

Горы Алдан – их земли родные,
небо подперли Кюнгёй – гор вершины,

озеро Байкёль¹, словно девы глаза,
прекрасная очень Мин-Суу² земля.

Огонь, разорённые земли объял,
и, превратившись в пепел, град пал.

Мрак опустился на землю тогда,
солнца не видно сквозь облака.

¹ Байкёль – озеро Байкал.

² Мин-Суу – Минусинск.

Завеса дыма висит над землёй,
люди ушли, ища доли другой,

и очертанья родной их земли,
остались так далеко – позади.

Горе-тоска не вмешалась в груди,
не знали, что их ждёт там впереди.

И стар, и млад, обессилен, бежит,
и со слезами слова говорит:

«Благословенна наша земля!
Несём в своём мы сердце тебя.

Мы возвратимся снова к тебе,
наперекор нашей бедной судьбе.

Вновь станем сильными, и когда
вырастут дети, вернёмся тогда.

Ну, а теперь не горюй ты о нас,
не говори: «Опустела сейчас!» –

Так опечаленный плакал народ,
за Култегином шёл весь его род.

К людям, жившим на юге, шли,
издревле там проживали они.

Десяток родов счастливо жили,
враги их набегами не погубили.

Народ с надеждой к ним идёт,
что там приют и заботу найдёт.

Жили они в Ургенче, Самарканде,
в Бухаре, Андижане, Коканде.

Народ разрозненный шёл, скитаясь,
осел среди местных людей, растворяясь.

Эр Култегин разместил свой народ,
с собой батыров близких берёт.

Не в силах землю обидеть свою,
где был рождён и жил, как в раю,

осталась на Родине горстка людей,
и не забыть ему горечь потерь.

Зовёт назад, тоскуя, душа,
он на Алтай вернулся, спеша.

Речь поведу о горстке людей,
что сохранила двоих сыновей.

На них надежды все возлагая,
о лучшей жизни своей мечтая,

друг другу люди свою клятву дали,
кырк уузы¹ кыргызами стали.

Откочевав в долины Алая,
остались жить на земле того края.

Из разных родов, собравшись, народ,
ту землю, сделав родной, живёт.

¹ *Кырк уузы* – потомки сорока сыновей Ууз хана.

Юноши взяли себе имена
двух родов, жили народ свой любя,

обосновавшись, остались в горах,
и преуспели во многих делах.

Один род Ногоем назывался,
другой Шыгаем род назвался.

Братья народом своим управляли,
весть о народе скоро узнали,

её о людях они получили
о тех, кто в южных долинах жили.

Узнали о том, что Эр Култегин
вернулся на Алтай не один.

И от тоски у них сердце щемило,
неодолима была её сила.

За Култегином пойти не смогли,
не было мочи назад им уйти.

Потомков Уза уланы собрали,
единым народом теперь они стали –

в Андижане, Аксы и Алае,
обосновавшись, они процветали.

Жизнь в мире нашем печали полна,
вновь кровь людей рекой протекла...

Народ продолжал с обидой жить,
не мог он врагу своему отомстить.

Китайцев множество, и стали они
набеги коварные делать свои.

«Север мы полностью разгромили,
теперь остался юг», – говорили.

Войско всю местность заполонило,
земли огромные захватило.

Объединив Юрюмчю, Аксуу, Караваар,
Кулжа, Юч-Турпан, Жаркент, Кашкар, Чон-Какшаал, –

Чет-Бээджин местность назвали,
своего хана китайцы избрали.

На месте власть укоренили,
налогом бедный народ обложили.

Власть свою они укрепили,
полнения людей все подавили.

Были у них свои соглядатаи,
должность занзанов¹ они занимали.

Сёла, межгорья, все города,
дозором они обходили всегда.

Мнение, мысли людей узнавали,
ко всем прислушивались, проверяли.

Китайцы народ унизить старались,
Кырк ууза потомки не поддавались.

Дерзко смотрели прямо в лицо,
гордо держа главу высоко.

¹ Занзан – маленькие чины, присваиваемые захватчиками.

Если враги народ притесняли,
сопротивленье они встречали.

Среди людей шпионы сновали,
разные сведения собирали,

перед народом часто робели,
дерзость упрямство его узрели.

В Чет-Бээджин гонца посыпают,
о положении дел сообщают:

«Этот народ, словно тлеющий жар,
ему гореть не дадим, как пожар». –

Весть получив, враг медлить не стал,
быстро большое войско собрал.

Сопротивляться нет мочи ему,
страшную он учиняет резню.

Снова людская кровь льётся рекой,
в плен взяты те, кто остался живой.

Мало людей на свободе осталось,
нищие, слабые они скитались.

В надежде лучшую долю найти,
решили вновь на Алтай свой идти.

Один из братьев вёл этот народ,
люди от бед их спасли, невзгод.

Потеряв Эр Шыгайя, свою жену,
воинов славных – они все в плену.

Трудно смириться Ногою с судьбой,
забрали всех китайцы с собой.

По одному к нему беженцы шли,
в сердце пронёс образ родной земли,

с тоской в душе о ней вспоминал,
быть похороненным там он мечтал.

«На наш родной Алтай мы пойдём,
людей, оставшихся там, найдём», –

он говорил с надеждой в груди,
но только ветер их ждал впереди.

От людей, живших там, нет следа,
горечь в душе его так велика.

Голову гордо свою он поднял,
на несколько дней велел сделать привал.

Поиск потом свой решил продолжать,
чтобы народ, живший здесь, разыскать.

Шыгай погиб от рук злого врага,
но сын его мог продолжить дела,

способный знамя отца пронести,
Огёё – надежда Ногоя в те дни.

Отдохнув Огёё, решил в путь идти,
чтобы народ свой родной найти.

Времени много проайдёт с того дня,
назад вернётся Огёё, скорбя.

Изнеможённый, голодный, худой.
Вместе с ним был отряд небольшой.

Нахмурив брови на землю глядя,
он со слезами сказал слова:

«Вернувшись в Мин-Суу Эр Култегин,
народ собрал свой, он стал един.

Был Култегин опорой, скалой,
с поднятой жить помог им главой,

но, обделённый счастливой судьбой,
народ вновь взвалил на плечи груз свой.

Сорок родов расселив на земле,
Эр Култегин благодарен судьбе.

Но его радость недолгой была,
болезнь страшная в тело вошла.

Через пустыню дорога длинна,
стала причиной болезни она.

К прохладе тело привыкло его,
зной сделал чёрное дело своё.

Култегин в сети болезни попал,
неизлечимой желтухой¹ страдал.

Узнали об этом злые враги,
готовили нападенье они.

¹ Желтуха – гепатит, болезнь печени.

Предвидел Эр Култегин план врага,
знал, что посмотрит смерти в глаза.

Он долго болел и очень страдал,
враг злой неожиданно на них напал,

но воинов горстка, погибнув тогда,
разбили огромное войско врага.

Храбрецов мало осталось живых,
не больше, чем на руках пальцев их.

С Тул-Бийке¹ они роют могилы,
погибших хоронят, не жалея силы.

Ор-Талаа² телами заполнив,
перед погибшими долг свой исполнив,

из камней сделали большой курган,
балбал³ поставлен с надписью там.

Сказанные Култегином слова,
высекли на том камне тогда.

Тул-Бийке, её плач поминальный,
далее высекли, слова печальные.

Кто на балбale слова высекал,
имя Култегина, для нас передал.

Он завещал нам такие слова,
в душах живут пусть наших всегда:

¹ *Тул-Бийке* – жена Култегина.

² *Ор-Талаа* – поле, известное своими многочисленными ямами, рывинами.

³ *Балбал* – каменное изваяние на могиле умершего.

«Потомки здесь хана Ууза лежат,
врага уничтожив, сном вечным все спят.

Останется если живая душа,
от Кырк Ууза, пусть знает она,

Эр Култегин смог народ сохранить,
никто не сможет его забыть.

Култегин это народа оружие,
пуля, что поразит племя вражье»... –

Вот так, с народом смерть воин нашёл,
когда враг злейший войною пошёл». –

Рыдая, слёзы с глаз утират,
печально Огёё батыр сказал:

«Страшась многочисленного врага,
уехал Кагас бек с народом тогда.

Облюбовав Эне-Сая¹ ложбины,
густые леса Саян, сделав своими.

Непроходимый лес мы прошли,
но с малым войском их не нашли.

Так из сорока родов племя одно
исчезло, Кагас бек возглавлял его.

Куда ушёл народ, что с ним случилось,
мы не узнали, ни с чем возвратились». –

¹ Эне-Сай – Енисей.

...О, львы! Что слышали вы – сказ земли,
народ поведал страданья свои.

Он был разгромлен, рассеян, разбит,
и боль, печаль в его сердце сидит.

В пустыне, словно водой напоён,
он ростком жизни был наделён.

Цель жизни – потомство сохранить,
имя Уза в веках не забыть.

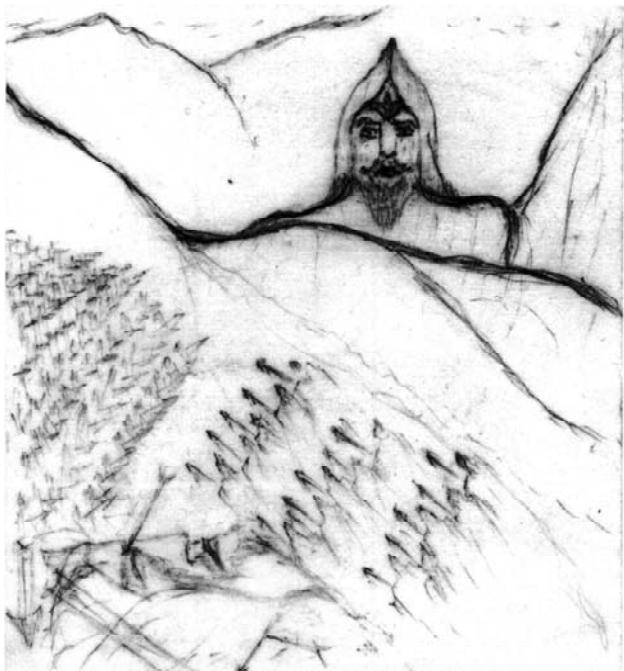
Мы – семя наших предков отцов,
их кровь течёт в нас много веков.

Скажу последние свои слова,
выслушай, Айкёль батыр, меня.

Потомок, Айкёль, ты хана Ногоя,
я – продолжение рода Шыгая.

От Огёё твой Бакай аба,
рядом с тобой я буду всегда». –

(Здесь заканчивается краткое путешествие в историю потомков Ууз хана, а также повествование о судьбе Ногоя и Шыгая. Об этих интересных событиях поведал Бакай Алмамбету в свое время, – когда был устроен большой торжественный приём в Хан Ордо в честь его возвращения. Всё это вспоминает Айкёль Манас находясь на Тал-Чоку...)

* * *

*Айкёль в крепости находился,
в прошлое мысленно возвратился.*

*Дяди родного вспомнил слова,
горький рассказ поведал аба.*

*Он в настоящее взглядом взирает,
разницы большой не замечает,*

*так же рекой кровь людская течёт,
войско его враг нещадно сечёт.*

*Воины гибнут в жестоком бою,
мстят своему они злому врагу.*

*От страшной битвы, отводит свой взор,
вновь вспоминает Манас разговор.*

*В Кадыр Тюн – ночь они говорили,
о сокровенном, и душу открыли.*

*Слышится голос ему Алмамбета,
в речи своей он поведал секреты.*

*После дядина длинного рассказа,
вздохнул тяжело и начал свой сказ...*

ЗАВЕЩАНИЕ СЯНЬ-ФАНЯ

«Потомок горемычного народа,
не знал я, какого племени, рода.

Убийц родными тогда называл,
тех, кто народ мой родной истреблял.

Главу преклоняю пред мамой моей,
много страдала в жизни своей.

Дедушка мой – сын того был народа,
что терпел многие беды, невзгоды.

В пять лет от роду в плен он попал,
у матери воин его отобрал.

Как часть военной добычи отдал
китайскому хану, дитя тот забрал.

Полухану было за семьдесят лет,
звали его Сянь-Фань, и не секрет,

что много лет ждал наследника он,
но был обижен жестокой судьбой.

Не дал Создатель дитя своего,
и не услышал молитвы его.

Приёмного сына Сянь-Фань полюбил,
сделав наследником, обогатил.

Он на окраине жил Бээджина,
великолепная на вид картина:

на холмах пастбища с сочной травой,
много скота здесь пасётся весной.

Озера два здесь расположились,
лучи луны в них златом искрились,

поверхность, словно из золота вся,
лучи, сверкая, летят в небеса,

и заворожённые той красотой,
не в силах взгляд оторвать люди свой.

«Эгиз-Кёл»¹ было название озёр,
о них сейчас поведём разговор.

У одного, что прохладой манило,
«Луч Золотой» название было,

«Ярким лучом» называлось другое,
озеро это горело звездою.

Откуда свет Божественный лился?
Лучами он с небес проплыл.

Вместе с лучами, что с космоса лились,
прекрасные девушки – пери² спустились.

В озере лунной ночью купались,
плавали, с рыбками соревновались.

¹ Эгиз-Кёл – озера-близнецы.

² Девушки пери – ангелы в образе девушек.

Луна на небе светом сияет,
лучи серебряные изливает.

На телах Пери они отражаются,
и дивным светом вокруг разливаются.

Сиянье света на девах прекрасных,
видели люди из мест тех окрестных.

По ночам озеро ярко сияло,
и, словно днём это солнце сверкало.

Его люди «Ярким лучом» называли,
Озёрами Близнецами озёра те стали.

считались они в народе святыми,
для деда были местами родными...

Когда отец деда усыновил,
об этом он людям сказать решил.

На месте святом он людей собрал,
о решении своём им рассказал.

Буркану¹ – идолу рьяно молясь
о вознаграждении, надеждой светясь.

На берегах Близнецов Озёр он,
устроил большой по случаю той.

И кто тогда на жентек² поспешил,
 тот по барану в дар получил.

¹ *Буркан* – название божества кангайцев.

² *Жентек* – той-празднество по случаю рождения ребенка,
здесь по случаю усыновления Соорундука.

Сянь-Фань молясь, на Буркана глядит,
слова молитвы душой говорит:

«Смиренно я принял свою судьбу,
и пред тобой, Боже, склонил главу,

сына Суп-Унгом своего я назвал,
Бога молю, чтоб жизнь долгую дал.

Пусть будет честным, порядочным он,
жизнь пусть в нем бьётся чистым ключом.

Я как родного его полюбил,
словно частичку меня он носил.

О, Сила Великая! Тебя я молю,
пусть предан мне будет, об этом прошу!» –

...То, что услышала от отца,
пересказала мне мама моя.

Когда говорила об этом она,
то сдерживать слёзы свои не могла,

безмолвно на землю в тот миг смотрела,
и сердце от боли в груди горело

от тайны, которую отец открыл,
в душе её были горечь и пыл.

Мой дедушка, плача, ей рассказал,
как его воин у мамы забрал.

Об этом со скорбью он говорил,
боль в своём сердце долго носил.

«Как вспомню тот день, несчастную мать,
как будто живую вижу опять.

Горько крича и всех проклиная,
ищет дитя своё она, рыдая.

Как верблюдица верблюжонка,
ищет потерянного ребёнка.

Длинные волосы все растрепались,
сердце от горя до боли сжималось.

Слёзы лились солёной рекой,
издала, раненой птицы, крик свой:

«Молясь с надеждой, Тенир мой, жила,
вынесла стойко лишения я.

«Пусть потеряю всё», – говорила,
лишь бы судьба с сыном не разлучила.

Воин кровинку мою отобрал,
если Ты есть, Тенир, что не послал

помощь свою? Где мой малыш?
Существование Твоё – это миф!

И если правда то, что есть Ты,
дай вместе с сыном сгинуть с земли!» –

В моих ушах до сих пор крик звенит
плач материнский, и сердце горит.

Будто козлёнка схватил, поскакал,
жунгар¹ внимание не обращал

¹ Жунгар – видимо, воин – жунгар, отобравший Соорундука – Суп-Унга у матери родной.

на плач материнский, вперёд ехал он,
бежит горемычная мать следом.

Жестоко за волосы её таскали,
нешадно тело плетьми избивали,

не видя мучителей, сопротивлялась,
она на жунгаров гневно бросалась,

но поняла, что не в силах спасти
сына родного, вновь обрести.

Все силы свои тогда собрала,
и крикнула очень громко она:

«Мой жеребёнок! Помни всегда –
это твоя родная земля,

если забудешь несчастную мать,
то свой народ, землю ты должен знать:

от Уза хана потомок ведь ты,
помни, кровинка, корни свои.

Потомок ты своего народа –
Чылабы, чистого ханского рода.

Кёк-Мёнгю, Байкёл, Эне-Сай, Мин-Суу,
помни всегда, сынок, землю свою». –

Матушкин голос стал еле слышен,
вот и замолк. Его больше не слышал.

С тех пор не видел я мамы своей,
но в душе был я всегда вместе с ней.

Судьба моя удачной была,
с душой хорошей меня свела,

но сердце моё отравило, как яд,
слово, что с детства прилипло, то – «раб»..

Меня ровесники все обзывали,
дети жунгаров так называли.

Мои приёмные отец и мать,
думали, прошлое не мог я узнать.

Не знали они, что я испытал,
и как мучительно долго страдал.

Не мог забыть я Отчизну, народ,
забыл отца, но ведь помнил свой род.

Как мог я своим народом признать
людей жестоких, родными назвать?

Могли они меня жизни лишить,
но кровь мою не могли изменить.

Пока течёт она в жилах моих,
мне не забыть землю, своих родных.

Так, одиноким рос среди врага,
переживал об этом всегда.

Когда стал взрослым уже совсем я,
приёмный отец мой состарился.

Был аккуратным, с доброй душой,
людям всегда справедливым судьёй.

Не могу слова плохого сказать,
и не могу его я ругать.

Всегда со мною он рядом был,
словно родного очень любил.

Однажды меня с собою взял
на берег Озёр Близнецов, и сказал

ласковым голосом, тяжко вздохнул,
душу свою всю мне распахнул:

«Сын мой единственный, свет мой, заря,
прятал всю жизнь свою тайну я зря.

Время пришло всё тебе рассказать,
ты сокровенное должен узнать.

Этот момент не могу оттянуть,
скоро уйду в свой последний я путь.

Среди чужого народа растил
тебя, но вряд ли ты всё позабыл.

Время пришло нам души открыть,
раны свои сейчас обнажить.

Не знаю мысли теперь я твои,
думаю, все впечатления свои

помнишь, события, их не забыл,
когда совсем ещё маленьким был.

У своего народа я брал,
но и немало ему отдавал.

Народу, стараясь, всегда служил,
и отдавал своих много сил.

Ценят богатство люди, власть мою,
и благодарность несут мне свою.

Пока я жив, не посмеет никто
грубое слово сказать в лицо.

Когда покину же мир бренный я,
убьют, возможно, они тебя.

Сын мой, ты душу сейчас мне открай,
словами сердце моё успокой.

Что так тревожило долго тебя?
Смогу понять твою душу ведь я». –

Долго стоял я, не знал, что сказать,
переживания, боясь показать.

Прямо отец вопрос свой задал,
ответа также прямого он ждал.

Что суждено, изменить не смогу,
решил сказать это прямо ему:

«Батюшка, правду тебе говорю,
открою душу сейчас я свою.

Можешь меня ты убить, пожалеть,
бежать мне некуда, буду терпеть.

Что сын приёмный твой, знал я всегда,
но в этом видно моя судьба.

Тоскую я по Отчизне своей,
народу и по земле родной всей.

Матушку в горьких слезах не забыл,
мне её образ родной очень мил.

Но имя её не помню теперь,
в душе осталась горечь потерянья.

Хоть мал я был, но будто вчера
расстались с ней, и помнил всегда

её плач, толстые косы её,
их растрепало тогда вороньё,

глава залита кровью, лицо,
я помнил долгие годы всё.

Скажи, отец, может ты узнавал
о моей матери, её встречал?

Живёт она сейчас на земле,
иль умерла? Тогда, знаешь ты, где

нашли останки её покой?
Ты мне сейчас эту тайну открой.

Могу ль увидеть вновь землю свою?
Её я помню, в сердце храню.

Потомок хана Уза, Чылабы,
названье своих земель помню я.

Мин-Суу, Байкёл, Эне-Сай, Кёк-Мёнгю,
увидеть эти места где, я могу?

Где мой народ, Отчизна моя?
Скажи, отец, прошу тебя я.

Исполню всё, что скажешь ты мне.
Увижу ль всех родных не во сне?

Печаль на сердце, знаю, легла,
ранили душу мои слова.

Можешь меня ты сейчас погубить,
но не могу правду я исказить». –

Долго сидел, мой отец, вдали глядя,
мрачными думами извёл себя.

Потом ко мне лицо повернул,
и вид его, меня ужаснул.

Взбороили морщины лицо,
омыли слёзы печали его.

Грустно вздохнув, тихо стал говорить,
мне его слов никогда не забыть:

«Счастливым все называли меня,
и жизнь, как чаша полной была.

Зависть у многих я вызывал,
своё богатство всё расточал.

Славу, власть, почёт – имел всё,
тратил богатство, не жалея его.

Но убивала горькая печаль,
не слышал крик дитяти, страдал.

Красавиц много было у меня,
но, ни одна дитя не родила.

«Коли мужчине бездетным быть суждено,
бесплодная женщина встретится на пути его». –

Забыл я эти мудрые слова,
сказала жизнь об этом мне сама.

Радость, печаль в мире, посмотри,
точно отмерены Богом они.

Если не дал Всемогущий дитя,
то подарил Он мне счастье – тебя.

На зависть многим разумным ты рос,
скромный, спокойный, добро людям нёс.

Вино не пил, насвай¹ не курил,
родных и врагов равно любил.

Сердце своё им не открывал,
что на душе твоей, никто не знал.

Стал для меня ты сыном родным,
я видел отцов печальных, и им

не позавидовал бы никогда,
хотя имели детей от себя.

Тебя же приёмным я не считал,
и радость отцовства сполна я познал.

¹ Насвай – лёгкие галюциногены.

Моею кровинкой был для меня,
Сы-Мину¹ я благодарен всегда.

Тань-Гуань² тебе дарует пусть счастье,
Шуй-Гуань³ пусть бережёт от несчастья.

Все пожеланья от чистой души
услышит Создатель слова пусть мои.

Исполнится пусть, что желаю тебе,
я благодарен за счастье судьбе.

Не скрою, ранили душу слова,
ты их сказал сейчас для меня.

Знаешь теперь, в тебе кровь не моя,
этую печаль носил в сердце, скорбя.

У всех народов мужчину тогда,
считают мужчиной, если всегда

помнит Отчизну, народ он родной,
живёт о них только думой одной.

«Рад, не печался, что помнишь ты
места родные, земли свои». –

Если скажу так, то значит солгу,
жить дальше честно я не смогу.

Имя Шэнч-джен⁴ покинет меня,
и уважать перестану себя.

¹ Сы Мин – покровитель судьбы.

² Тань-Гуань – сила, дарующая счастье.

³ Шуй-Гуань – сила, спасающая от несчастных случаев.

⁴ Шэнч-джен – мудрый.

Печаль на сердце сейчас моём,
рад – помнишь ты о народе своём.

Человек должен народ свой любить,
добро им сделанное не забыть.

Нежность свою, доброту я пролил
на тебя, сын мой, и очень любил.

Это естественно дитя любить,
нет добродетели в этом, но жить

смысла не вижу я, сын, без тебя,
не забывай сердцем и ты меня.

Всё, что ты скажешь, исполнить могу,
не говори, что уйдёшь потому,

что тебе надо народ свой искать,
и ты устал лишь только мечтать.

Кто обвинить тебя хочет, их много,
каждый твой шаг они судят так строго.

«Хоть бы скорее волчонок ушёл». –
Враг утешенье бы в этом нашёл.

На руку многим пламя разжечь,
чтоб огонь смуты смог тебя сжечь.

Не поддавайся их сладким речам,
не позволяй разжечь огонь врагам.

Будь твёрд, как кремень, в жизни ты,
чтоб не разрушили её враги.

Если на Родину хочешь сбежать,
то не спеши сразу это решать.

Сделай ты это, только с умом,
чтоб толк был, цель достигнута в нём.

Свет мой, прошу, меня не оставляй,
среди завистников живу, ты знай.

Клятву, которую дал мне, держи,
пройти тебе не дадут рубежи.

Возраст твой перешагнул двадцать лет,
и испытаний пришёл всех момент.

По вере твоей невесту найду,
кровь будет чистой в твоём роду.

Большой той устрою, тебя женив,
дам власть, богатство, пока я жив.

На рудниках Гуйянья¹ златых
рабы работают, есть слух о них,

что это люди с твоей земли,
значит, они твои земляки.

Гуйянь-Ган прииск свой охраняет
подобно змею, его каждый знает.

Нравится мне, что его так называли,
«Азизом»², очень точно прозвали.

¹ Гуйянь – китайское имя Азиз хана.

² Азиз – этим словом кыргызы также почтительно называли змей, которые традиционно известны как хранители сокровищ, золота.

К Азизу, который любит злато,
его ставит выше отца он свято,

я Хомо-Хэ своего пошлю,
и, не жалея злата, куплю

за очень высокую цену
рабов и рабынь приобрету.

Среди них найдётся, верю, душа,
что будет по нраву тебе – хороша.

Шой-Бо – аяра хочу призвать,
чтоб поподробнее о ней узнать.

Определить её ум, красоту,
о её корнях справки я наведу.

Светлую душу, что может родить
богатыря, Шой-Бо определит.

Узнает это по пульсу её,
сможет поведать он о ней всё.

Девушку эту в жёны возьми,
пусть оправдает надежды твои,

богатыря сына сможет родить.
Подумай, зачем тебе уходить?

Когда родится и вырастит сын,
осуществиться мечтам дай своим.

Земли, где был рождён, разыщи,
и свой народ родимый найди». –

Сказав слова, мой отец замолчал,
надолго замер и молча, стоял.

Потом ко мне голову повернул,
и говоря, в глаза мне взглянул:

«Женщину ту, что тебя родила,
я не искал, ты пойми же меня.

Не мог вопрос твой предугадать,
прости, не думал её я искать.

Пусть бессердечным меня назовёшь,
не спорю я, но надеюсь, поймёшь.

Знаешь, у палки есть два конца,
правда у каждого будет своя.

Если ты был как родной для меня,
как мог искать твою мать для тебя?

Не мог, поверь, я предположить,
что сможешь ты об этом спросить.

Прошу, меня потому прости,
и зла в душе своей не держи». –

Прижав к груди, отец меня обнял,
в макушку крепко поцеловал.

Полились слёзы из глаз его,
омыли грудь, словно смыли зло.

К нему, прижавшись, я слёзы лил,
тогда обо всём на свете забыл.

О! Всемогущий! Чудо случилось!
Вижу, вокруг всё преобразилось,

перед глазами горы стоят,
на их вершинах ледники спят.

Вижу, в долине юрта стоит,
вверх полог закатан и вход открыт.

К мужчине строгому ласкаюсь,
целую его и обнимаюсь.

Молнии вспышкой мысль озарила,
«Это – отец мой» – вдруг осенило.

Взор острый, стан величавый и властный,
брови, ресницы густые – прекрасные,

ноздри широкие, полные губы,
высокий лоб, их не забуду!

Лицо родного отца видел миг,
я счастье в это мгновенье постиг.

«Батюшка, душа моя, отец мой!» –
Тогда не смог я сдержать порыв свой.

В шею, лицо отца целовал,
крепко, с любовью его обнимал.

Хоть не родного отца целовал,
его родным своим я ощущал.

Перед глазами стоял лик отца,
черты любимого мною лица.

Бедный отец мой, тот – не родной
был поглощён только мыслью одной,

думал, ему те слова говорю,
о том, как очень его я люблю...

Вот так с отцом мы поговорили,
тайны скрытые свои открыли.

В душах своих покой обрели,
поздно вернулись с озёр тогда мы.

* * *

Несколько дней после встречи прошло,
пошёл к отцу, чтоб увидеть его.

Он заболел и совсем слабым стал,
взяв мою руку, её крепко сжал.

Хотел мне важное что-то сказать,
трудно ему говорить и дышать.

Медленно, делая паузы, он,
вот что поведал в рассказе своём:

«Свет мой, мне в Вечность вернуться пора,
к этому дню давно готов я.

Обещанья дали друг другу мы,
время пришло, чтобы выполнить их.

Хомо-Хе точно выполнил всё –
он исполнил заданье моё.

Привёз от Гуйянья из рудника
рабынь он и, видно, моя мольба

услышана Богом всё же была,
девушку Шой-Бо привёз для тебя.

Ликом прекрасна и очень умна,
с чистой кровью¹ она рождена.

«Какая она?» – не думай ты.
Свет мой, иди же и посмотри,

потом ответ мне свой принеси,
если по нраву тебе, скажи.

Тогда скорее устрою той,
выполню долг свой перед тобой.

Пусть успокоится душа моя,
в вечность уйду в свете тогда»... –

Выбрана моя Наар была
проводцем, стала супругой она.

Со мной делила радость, невзгоды,
прожили вместе долгие годы.

Отец устроил тогда той большой,
где угощенья лились рекой.

В юрте – яства, блюд изобилье,
много дней продолжалось веселье.

Что не здоров отец, никто не знал,
он никому вида не подавал.

¹ С чистой кровью – здесь имеется в виду аристократическая кровь.

Выглядел он в обычной форме,
держался мужественно, спокойно.

Своё вниманье гостям уделял,
заправлял тоем, его возглавлял.

Когда к концу подходить праздник стал,
людям такие слова он сказал:

«О, народ, дяди родные мои,
вам говорю эти слова свои.

День приближается в Вечность уйти,
хочу спокойствие там я найти.

Когда из бренного мира уйду,
о, мои люди, вас я прошу,

чтобы признали наследника вы,
радость и счастье мне Свыше даны.

Сына дала мне Великая мощь!
Всю жизнь старался ему я помочь.

Выбрал невесту сам, по душе,
взрослым мужчиной стал он уже.

Ликом невеста своим хороша,
и проницательна, очень умна.

Будьте опорой вы молодым,
тылом, стеновою крепкою им.

Сын мой сдержан и очень умён,
этим природой он не ущемлён.

Готов на смерть ради чести пойти,
храбреца трудно такого найти.

Если внезапно вдруг враг нападёт,
войско, возглавив, народ он спасёт.

Народ родимый! Свой пыл не гаси,
сокола, словно его возлюби.

Кто завещанье нарушит моё,
стало последним, предсмертным оно,

знайте, мой дух не оставит его,
покоя он не найдёт своего». –

Родным такие слова он сказал,
затем молитву в конце прочитал.

После того, как прошёл этот той,
отец ушёл мой, в мир иной.

Нарушить клятву свою не могу,
и до сих пор я в печали живу.

Горечь ещё есть одна у меня,
это рождённое моё дитя.

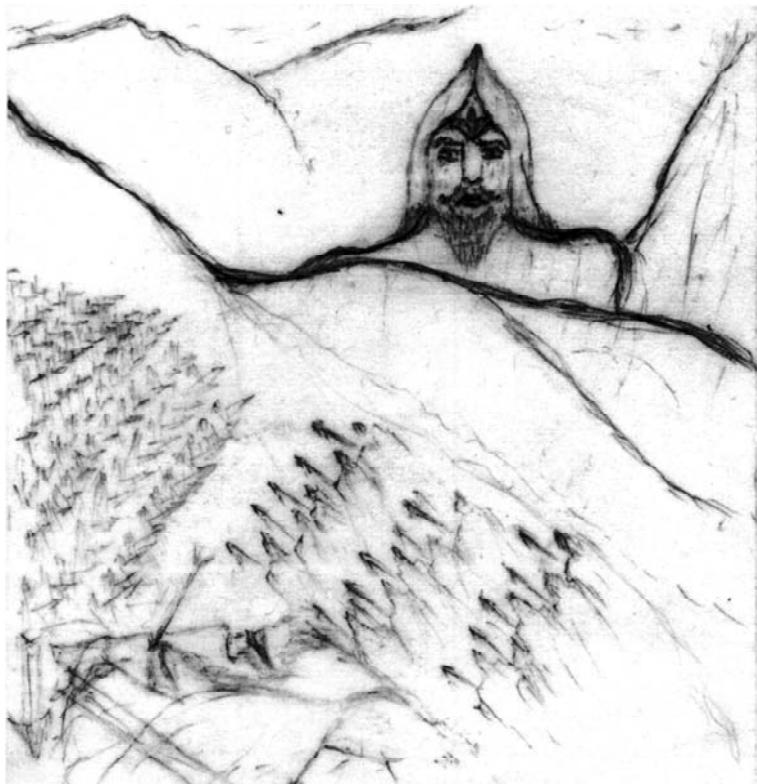
Не сын родился, которого ждал,
а дочь, которую Всевышний дал.

Воспринял я это, как знак судьбы,
любовь и заботу отдал ей свои... –

Так долгожданное наше дитя
родилось, девочка это была.

«Печаль и радость рядом ходили», –
о своей жизни мы так говорили...» –

(Здесь заканчивается повествование Сорундука о
своей жизни, которую он рассказывал своей дочери
Алтынай, а она в свою очередь Алмамбету, а Алмамбет
рассказал это в Хан Ордо, об этом вспоминает Айкёль
Манас находясь на горе Тал-Чоку.)

* * *

*...Рана закрытая воспалилась,
и положение осложнилось.*

*В лихорадке, ознобе дрожал,
опершись на камень, Айкёль стоял.*

*Старался, чтобы никто не узнал,
как болен он, главу гордо держал.*

*И с вышки башни сторожевой
он наблюдал, как проходит весь бой.*

*Не отводя глаз, смотрит в трубу,
взором обводит он сечу всю.*

*И сколько бы он тогда ни страдал,
боль никому свою не показал.*

*Всё так же крепок, мужественен,
так же, как раньше, невозмутим.*

*Перед глазами его, жизнь прошла,
с прошлого и до этого дня.*

*Смотрит на поле кровавое он,
но мыслю о прошлом так увлечён.*

*Знакомый слышится голос сейчас,
Алмамбет свой продолжает рассказ:*

РОЖДЕНИЕ АЛТЫНАЙ

Матушка часто моя вспоминала:
«Здоровой бабушку твою не знала,

всегда болела, в постели лежала,
и о печали, тоске извещала. –

На берегах Близнецов Озёр,
светом наполненных до краёв,

детство и молодость мои прошли,
остались там навсегда они.

Я в этот мир очень поздно пришла,
мама состарилась уже моя,

и мой отец пожилым тогда был,
он меня с детства очень любил. –

Былое вспомнив, почти всегда
горько рыдала мама моя:

«Мучаясь, трудно тебя родила,
не молодая давно я была,

тогда мне минуло уже сорок лет,
и был не мил, в тот момент, белый свет.

Ждали, мы долго, лишенья терпя,
родить мечтали мы сына тогда.

Дочь родилась, печаль опустилась,
не помню, что же дальше случилось.

Надежды все детский плач оборвал,
и потолок, покачнувшись, упал.

Сильно меня тогда затошнило,
сердце от боли моё заныло,

тьма, будто сразу вдруг опустилась,
словно во мрак я провалилась.

Не помню, как в сознанье пришла,
услышав горькие мужа слова:

«Открой свои очи, Наар моя,
прошу тебя, не бросай ты меня.

Беду с тобой давай отведём,
и утешенье в горе найдём.

Ты для меня всё: народ и земля,
и нет на свете дороже тебя.

В чужих краях давно мы живём,
и целое мы составляем вдвоём.

Всегда опору видел в тебе,
подобна ты очень высокой горе,

всегда мне энергию жизни давала,
своей любовью меня ты питала.

С народом чужим, в чужом краю
лелеяли вместе надежду свою,

мечтали, что если Творец даст дитя,
то счастлив пусть будет за нас сын тогда.

Достигнет Родины, как мы хотели,
дobbyётся пусть заветной той цели.

Друг друга поддерживая, просили,
об этом лишь только Бога молили.

Нас встретить родная земля не смогла,
уехать на Родину нам не судьба.

И покорившись тому, что дано,
осуществить мечту не суждено,

надежду свою мы потеряли,
на Родину, что не вернёмся, знали.

Все наши молитвы объединил,
может Господь, в подарок один.

Вылечить души теплом пожелал,
девочку-Ангела он нам послал.

Открой глаза, моя Наар, скажи,
что благодарна ты и посмотри,

проголодалась малышка твоя,
её сейчас покормить ты должна.

Девочка хрупкая, беленькая,
лунная Пери быть может она.

Хозяин озера рассыпал лучи,
они все диковинной красоты,

по небу золотой месяц плывёт,
сказочно озеро светит, живёт.

Умная, чуткая Наар моя,
дочери имя хочу, чтоб дала.

Имя Творец ей наш определил,
я свою девочку так полюбил.

Ты посмотри, как прекрасна она,
прими, как сына, дочку, жена.

Сделает пусты, что мы не смогли, –
на земли свои, к родным уйти». –

Слова мою душу теплом согрели,
и, словно тело моё обогрели.

Я осторожно главу подняла,
встала, взором вокруг обвела:

солнышко словно вдруг засияло,
доченька на подушке лежала.

Тело от неги всё растворилось,
рукой я нежно ребёнка коснулась.

Ах, как прекрасен Бога подарок,
вкус материнства нежен и сладок.

Может, когда-то и мама моя
так же сначала отвергла меня.

Нежно потом дитя приласкала,
любовь и счастье она познала.

Рана на сердце её болела,
мамочка сына родить хотела.

В рабстве и униженье жила,
тяготы на своих плечах несла.

Помнила брата родного она,
помощь у Бога просила моля,

горькие слёзы свои проливала,
где он, жив ли, здоров, не знала.

«О, мой Тенир! Молю, сохрани,
брата единственного сбереги!

Дай ему светлую, долгую жизнь.
Если единственный брат будет жив,

может, пошлёт он весть о себе,
я благодарна буду судьбе.

Култан единственный сын в семье,
переживаю о нём я в душе.

Я же единственной дочкой была,
мамочка рано меня родила.

Дочкой была мама купца из Дамашка¹,
душою светлой, лицом прекрасная.

¹ Дамашк – Дамаск.

Зеби – отец её ласково звал,
Тахир – торговец рабами, украл.

Зебу торговцу Обозу продал,
её увидев, он радость познал.

Взял рабу Зебу в жёны и она
дочь Зээр сына Култана родила.

Жили плохо очень, знали, ведь мы,
что от рабыни были рождены.

Из ордо¹ дети нас не признавали,
часто смеялись и унижали.

Зеби похожа лицом на луну,
часто рыдала, кляня судьбу.

Горькие слёзы по лицу лились,
глаза любовью ко мне светились.

По голове, нежно гладя меня,
мне говорила такие слова:

«Моя Зээр, поскорей улыбнись,
пусть даст Тенир тебе долгую жизнь.

Своего сына Култан назвала,
радость и счастье в жизни ждала.

Когда окрепнет Култанчик – сын мой,
может, дойдёт до земли он родной,

¹ Ордо – главная ханская юрта, дворец.

родных по матери своей найдёт,
и нас с тобой он к ним увезёт.

О, Всемогущий! Живы ли мои
родители и сейчас, где они?

Увижу ль Родину снова свою?» –
Так говорила плача в пылу.

Иногда плакала ночь напролёт,
а днём работа тяжёлая ждёт,

не зная отдыха, весь день она
с утра работала и допоздна.

Но мечтам исполнится не суждено –
одна из жён ядом отравил.

Итак, мы трудно прежде росли,
ещё суровее настали дни.

Войска врагов внезапно напали,
разрушив всё, людей в плен взяли.

Девушек выбрали ханского рода,
и увезли от родного народа.

Нас на чужбину жунгары пригнали,
и в рабство Гуйянь-Гану продали.

Все вперемешку, и стар там, и млад,
народ от голода совсем ослаб.

Так суждено нам в жизни своей,
терпеть лишения до конца дней.

Существовали, не жили мы,
собаки так бы жить не смогли.

Такую пищу ели, что в рот
её навряд ли собака возьмёт.

О прежней жизни мы вспоминали,
цену её лишь сравнив, познали.

Прошлая жизнь вся обидой полна,
разве могла бы подумать тогда,

что буду жить, как рабыня, ведь я
не человеком считала раба.

Был раб Нуузуп у Култана слугой,
сильный и ловкий, но только хромой.

Он для Култана коня седлал,
и на охоте куш¹ запускал.

В плен, как и мы, к врагу он попал,
и вместе с нами пленником стал.

Раньше смотрела всегда на него,
как на слугу и раба своего,

за человека его не считала,
теперь сама рабыней я стала.

К тяжкому привык Нуузуп труду,
пришёлся хозяину он по нутру.

¹ *Күш* – хищные птицы, обученные для охоты.

Наших людей представителем стал,
работой на руднике управлял.

Он между нами работу делил,
щедро хозяин за это платил.

Нузупу хозяин Гуйянь сказал:
«Я говорю тебе, раб, чтоб ты знал,

если работать рабов заставишь,
и хорошо работу поставишь,

тогда ты много получишь еды,
и будут вместе все люди твои.

Но если место проступок найдёт,
я истреблю, не жалея, народ.

Пусть помнят все, что я сделал для них,
мой раб, заставь же работать ты их». –

Во главе группы его поставил,
на руднике работать заставил.

Беки вчерашние, теперь рабы,
слова протеста не скажут они.

Силач Нузуп свою группу собрал,
мыслию своей, поделившись, сказал:

«Разве возможно перечить судьбе?
Живём сейчас на чужой мы земле.

Давайте выход, родные, найдём,
и к нашей цели вместе пойдём,

будем мы дружными, только тогда
уйти мы сможем в наши края.

И если Свыше то нам суждено,
на землю нашу вернуться дано,

тогда надо вместе нам всегда быть,
и подчиняясь одной цели, жить.

Да, очень трудно способ найти,
чтоб на родные земли уйти.

Должны мы с вами это понять,
решение надо сегодня принять.

Желание бегства трудно нам скрыть,
от Гуйянь-Гана секрет сохранить,

умеет чувствовать он мысли твои,
и очень любит богатства свои.

Хозяин видит нас, будто насквозь,
и надо вместе нам быть, а не врозь.

Гуйянь-Гану надо нам угодить,
чтоб со спокойной душой мог он жить.

Едиными в духе пусть будем мы,
и не свернём со своего пути.

Думаю, выход сможем найти,
чтоб на родные земли уйти.

А для того работать начнём
очень усердно ночью и днём.

Надо доверье нам заслужить,
будто согласны мы вечно служить.

Пусть же поверит хозяин всем нам,
и убедится в верности сам.

Честно работать будем всегда,
и не укроем мы никогда

даже песчинку злата того,
что мы намыли за день всего.

Известно всем, как жаден Гуйянь,
что сторожит он золото сам.

Змеи лишь цену золоту знают,
место, где клад, они обживают.

Тот, кто сокровища хочет найти,
и с собой их затем унести,

змеиным ядом будет убит
змеи, которая клад сторожит.

Так и Гуйянь себя будет вести,
и свое злато не даст унести.

Не зря ему дали имя змеи,
люди «Азизом» его нарекли.

Готов ужалить почти всегда,
как ядовитая очень змея.

По силе яд его, говорят,
сильней змеиного во стократ.

Будем стараться все как один,
на это повода мы не дадим,

чтобы не ужалил Гуйянь-Ган нас.
Его назовём мы Азизом сейчас.

Давайте, родичи и земляки,
объединим в кулак силы свои,

и не позволим себя унижать,
народу чужому нас уничтожать». –

Слова Нузупа пришлись по душе,
решили, чтобы он был во главе.

С тех пор хозяина между собой
мы называли «Азизом» – змеёй.

Среди людей это имя его
распространилось, дошло до него.

Услышав имя, которое дал
ему Нузуп, он сердиться не стал.

Вызвав к себе, его похвалил,
ему такие слова говорил:

«Азизом» тайно меня ты назвал,
запомни то, что тебе я сказал.

Лишь нападавшего жалит змея,
не замышляй обмануть ты меня.

О чём задумал и не мечтай,
моё – намерение сейчас узнай.

На золотых рудниках навсегда
останешься ты и это судьба.

Я небольшое жильё дам тебе,
жену из рабынь выбери себе.

Обмануть только не вздумай меня,
на руднике честно работай всегда». –

«Нет, не пойдёт» – как такое сказать?
Тогда раба могут и наказать.

Так, невесёлый Нузуп подошёл,
среди людей меня взглядом нашёл.

Потом от группы людей отозвал,
смущённо, ласково мне он сказал:

«Был Зээр я для тебя лишь слуга,
с Култаном вы видели во мне раба,

в жизни трудно спорить с судьбой,
поговорить хочу я с тобой.

Ты чистой крови, ханская дочь,
игрушкой сделать тебя не прочно

наши враги, но могу защитить,
и свою помошь хочу предложить.

Пойми ты правильно только меня,
другого выхода нет у тебя,

моя принцесса, давай же вдвоём
мы в этой жизни вместе пойдём.

И если Отчизну увидеть судьба,
вместе поедем с тобой мы туда.

Если судьба уготовила нам,
чтоб жить в тоске по нашим краям,

тогда смирившись, здесь жизнь проживём,
и на чужбине постылой умрём.

Если согласна, то ты мне скажи,
мы до конца проживём вместе дни.

Других намерений нет у меня,
Зээр, теперь ты послушай себя.

Пренебрегать не спеши сейчас мной,
шалунья, думая, что я хромой». –

Я не могла бы ему отказать,
и постаралась ответ сразу дать.

Живой осталась до сих пор я
потому, что жить хотела всегда.

Тяготы чтоб разделить тогда,
я за Нуузупа замуж пошла.

Вместе с ним рабской жизнью живём,
вдвоём теперь этот путь мы пройдём.

Счастьем, отрадой в жизни моей
была Наар дочка, и часто ей

я говорила такие слова:
«Наар, дочурка, послушай меня,

твоего деда зовут Обоз,
трудно мне вспомнить его без слёз.

Был он богатым удачливым ханом,
перевозил груз своим караваном.

Нойгут, Кыпчак дети старшей жены,
всегда в достатке росли они.

От Зеби рабыни мы рождены,
неуважаемой младшей жены.

Жёстким иластным брат Култан был,
кто преграждал путь, тех не любил.

Поводья коня он крепко держал,
кто подхалимничал, не привечал.

Упрям и находчив, он дерзким был,
кто его знал, стороной обходил.

Даже отец снисходительным стал,
ему упрямство и дерзость прощал.

Своей невесте посмел отказать,
с девушкой свою судьбу связать,

той, что по нраву пришлась отцу,
и с рук сошло это всё храбрецу.

Долго искал, земли все обошёл,
пока любимую себе нашёл.

Ласковую Тул-Бийке свою,
нежную, умную очень жену.

Из рода аргынов она была,
и красотою затмить всех могла.

Жангар, хан аргынов, её отцом был,
свою дочь единственную он любил.

Ему уже было за шестьдесят лет,
когда родилась его дочь на свет.

Как сына её воспитал он, любя,
из лука отлично стреляла она.

Её он часто с собой водил,
отдал ей много тепла, своих сил.

Выросла умной, красивой она,
и добротою светила всегда.

Ум, красота в ней гармоничны,
её все движения пластичны.

Отвага с нежностью неотделимо
сошлись в характере необъяснимо.

В бою всегда отважной была,
плаксива, чувствительна дома она.

Тянет в бою рука тетиву,
шьёт мужу кольчугу она своему,

и эта кольчуга так брату шла,
у всех вызывала зависть она.

Если мой брат на охоту ходил,
дома она, а он едет один.

Если идти на врага собирался,
то она рядом, когда он сражался.

Жили как будто не муж и жена,
а, словно мать двойней их родила.

Быть всегда вместе они старались,
нигде, никогда не расставались.

Но полного счастья нам не дано,
всегда чуть-чуть не хватает его.

Счастливы, радостны были они,
но мысли от всех скрывали свои.

В счастье, печали суждено жить,
она не могла ребёнка родить.

Несла Тул-Бийке печали свои,
потом наступили тяжелые дни...

О, мой Тенир! Жив ли, брат, Ты скажи!
Развей сомненья, печали мои.

Если живой, буду счастлива я,
и все печали покинут меня.

Очень хотела я сына родить,
и все мечты свои осуществить.

Сын, чтоб на земли родные отвёз,
долго мечтала об этом до слёз.

Название мест родных – имя твоё
«Наар», отец тебе дал его.

Беда однажды с ним случилась,
попал под обвал, так получилось.

Какой, Наар будет твоя судьба,
об этом печалюсь теперь всегда». –

Вот так горевала мама моя
В своей душе боль, печаль несла...

Бедно вдвоём в землянке жили,
смерть отца, голод там пережили.

Эту землянку отцу Азиз дал,
когда работать ему предлагал.

Чтобы никто не приметил, меня
мама старалась спрятать всегда.

Часто ходила чумазая я,
это была маскировка моя.

Мама однажды огонь развела,
стирку большую затеяла.

Взяла я чистое уже бельё,
встряхнула, чтобы повесить его.

Голову, когда свою подняла,
какой-то всадник смотрел на меня:

«Коль эту деву отмыть, приодеть,
можно тогда красоту разглядеть.

Может быть чистой крови она,
и рождена от хана была.

Если по душе Шой-Бо придётся,
тогда судьба мне улыбнётся.

Изменится сразу же жизнь моя,
и Сянь-Фань щедро одарит меня.

В достатке до старости жизнь пройдёт,
и счастье дорогу ко мне найдёт». –

Всадник с коня поспешил соскочить,
словно он силу хотел применить,

близко к маме моей подойдя,
жестом, показывая на меня,

на языке своём сказал слова:
«Скажи, рабыня, та дочка твоя?

А может, девушка та сирота?
Кто б ни была она, веди сюда,

и на коня моего посади,
я за неё уже заплатил.

И не противься, что сделать ты сможешь?
Слезами горю ведь не поможешь.

Ты хоть истерику здесь закати,
от горя душу отдав, хоть умри,

девушку я всё равно заберу,
и далеко с собой увезу». –

Затем вскинул брови, давая понять,
что, вероятно, за ними следят,

руками свирепо он замахал,
на нас замахнувшись, камчу поднял.

Прошептал матери тихо слова:
«Если понравится дочка твоя,

Шой-Бо аяр её заберёт,
и один юноша замуж возьмёт.

Он одной крови с дочкой твоей,
дай же согласие ты поскорей.

Великий праздник будет тогда,
в счастье, богатстве жить будет она.

Воин у рабыни дитя отобрал,
хан один бездетный его воспитал.

Парень этот умный, с нравом золотым,
так что не препятствуй ты, рабыня, им.

И не плачь, рабыня, радуйся и жди,
чтоб пришла по сердцу дочь твоя, моли.

Имя полу хана Сянь-Фань и меня
братьем он считает, верил мне всегда.

Вижу, что создание чистой крови ты,
потому поведал тайны все свои.

«Вечные друзья мы» – так Сянь-Фань решил,
чтоб девушку нашёл, меня он попросил.

Хочет, чтобы сыну выбрали жену
с чистой ханской кровью, под стать ему.

Если Шой-Бо будет по душе она,
повезёт ей, значит, будет жизнь полна.

Сын у них родится, и ваши мечты
все осуществляются, о том узнаешь ты.

Друг мой эту тайну сохранить просил,
пусть умрёт со мной она, я решил.

О ней не узнает ни одна душа,
светом озарится снова жизнь твоя.

Даже, если плачет и болит нутро,
ты терпи, чтоб тайну не узнал никто.

«Всемогущий, Боже, её сохрани!» –
так, лучше у Бога ты о ней проси.

Дочь свою сейчас ты ко мне посади,
и умчимся с ней, даль лишь впереди»... –

Так меня со всеми он тогда купил,
на коня отдельно от всех посадил.

Сянь-Фаню, Хомо-Хэ – нашим всем отцам,
отведёт пусть Боже место вечное там.

Мой Соорундук так нашёл меня,
мы вдвоём потом родили тебя.

Наар – когда-то отец назвал меня,
Алтынай – имя тебе дала я.

Когда закружилась моя голова,
отец, испугавшись, молвил тогда:

«Дай имя дочери», – он попросил,
лежала, очнувшись, совсем без сил.

На небе вечном светила луна,
свои лучи изливала она.

Счастлива будь моя Алтынай,
радость, любовь в этом мире познай.

Как луна без ущерба полна,
пусть будет полной жизнь у тебя.

Чтобы ценней золота ты была,
тебя Алтынай я, любя, нарекла.

Не закружись у меня голова,
твой отец сам бы назвал тебя.

«Пусть будет опорой, как сын, наша дочь», –
так говорил, и назвать был не прочь

Улай, имя хотел дать тебе,
был за тебя благодарен судьбе.

Печаль и радость в душе тогда
поровну были, измерить нельзя.

Были ослаблены тело, душа,
радость с печалью вместе всегда.

Часто больная в постели я
лежала, жила лишь ради тебя.

Всю жизнь тяжелый груз рабства несли,
освободиться никак не могли.

мать и отец в иной мир ушли,
так, не увидев родимой земли.

Если тебе дано будет судьбой,
до нашей земли добраться родной,

то помни корни всегда ты свои,
из рода Чылаба предки твои.

Не говори же стыдливо потом,
что твой отец был всего лишь рабом.

Он был достойнейшим сыном земли,
память в душе о нём сохрани.

Честь своего народа берёг,
и по-другому жить бы не смог.

Если б потомки сорока родов,
славного и родного народа,

так же Отчизну свою бы любили,
и патриотами они бы были,

как её силач Нузуп любил,
в сердце своём любовь он носил,

то не смогли бы враги победить,
их уничтожить, в плен захватить.

Когда ушли бы они в мир иной,
спокойно лежали бы в земле родной.

Дедушку, бабушку помни ты,
Обоз хан, Зээр были они.

Твоего дядю Култаном зовут,
о родных помни своих, не забудь.

Если единственный брат мой живой,
в сердце живёт он, всегда со мной,

то о Зээр, расскажи ему Наар,
чтобы о всей моей жизни узнал.

Я Кёк-Тенира Синего очень прошу
и о тебе, моя дочка, молю,

чтобы исполнил твои все мечты,
что не,— достигли мы, достигни ты!» —

... Матушка глаза свои закрыла,
мало потом она говорила.

Не вставая, в постели лежала,
голову даже не поднимала.

Жёлтой болезнью¹ болела она,
от неё вскоре же и умерла».

(Здесь заканчивается история Зээр, рассказанная
её дочерью Наар Алтынай. А она в свою очередь поведа-
ла об этом Алмамбету. Алмамбет рассказал это в Хан
Ордо. Обо всём этом вспоминает Айкёль Манас, нахо-
дясь на Тал-Чоку...)

¹ Желтая болезнь — гепатит, причиной которого стала тоска.

РАНО ЗАКОНЧИВШЕЕСЯ ДЕТСТВО АЛТЫНАЙ

«Когда осталась без матери я,
шесть лет мне было всего лишь тогда,

детским было сознанье моё,
ещё не созрело в те годы оно.

Досталось отцу хлопот с лихвой,
познал много трудностей он со мной.

Не отходил, ни на шаг от меня,
и забывал в этот миг про себя.

Когда я горькие слёзы лила,
печальные речи мне говоря,

крепко к своей груди прижимал,
нежно ласкал меня и целовал.

Часто в объятиях его засыпала,
он клал в постель меня под одеяло.

Ходили вдоль Близнецовых Озёр
мы иногда, заведя разговор,

и позабыв свои все печали,
бегали весело и играли.

Разбаловавшись, я иногда
пряталась среди камней и тогда,

отец испуганно меня искал,
«Алтынай!» – в слезах он меня звал.

А я в своём укрытие сидела,
тихонько смеясь, в щёлку глядела.

Отец по берегу долго ходил,
и, обессилив, Бога молил,

была б только дочь его жива,
и чтоб вернулась к нему она.

Покинув укрытие, я выбегала,
радостно, нежно его обнимала.

Смотрел он сквозь слёзы тогда на меня,
и радость в сердце с болью была.

Смеялся и плакал, я рядом стояла,
и виновато, смущаясь, молчала.

Он говорил мне такие слова:
«Свет мой, я знаю, ты рядом была,

но мысль в голову вдруг пришла,
что может Суу Пери¹ тебя увела.

Как же ты, дочка, меня напугала,
я говорю тебе это, чтоб знала.

Моя надежда и свет в окне,
не потерять бы тебя в жизни мне». –

¹ Суу Пери – Русалка.

Было мне стыдно от его слов,
но забывала о них, скоро вновь

разбаловавшись, пряталась я,
и мой отец искал снова меня.

Весело, радостно смеясь, играла,
руки опять мой отец опуская,

плача по берегу снова ходил,
горечь и боль в своём сердце носил.

Так повторялось не один раз,
вновь забывала отца я наказ.

Не было тайн друг от друга у нас,
что на душе, говорили в сей час.

Папочка полностью мне доверял,
мысли и душу свою открывал.

Много забот он, хлопот испытал,
вырастил пока меня, воспитал.

Я избалованной очень была,
упрямством мучила его всегда.

Сейчас не помню за давностью я,
на кого обиделась тогда.

Запомнила то, что на самом краю
крутого обрыва, рыдая, стою.

Ко мне в тот момент отец подоспел,
вытащить, к счастью, меня он успел...

К такому поступку меня подтолкнули
рабыни слова,— сердце больно кольнули.

Не знала тогда, что такое смерть,
но захотела в тот миг умереть,

чтоб матушку встретить снова свою,
она лишь смогла бы понять боль мою...

Отец мой уехал тогда далеко,
а мне без него было так нелегко.

Вечером в сердце тоска вселилась,
со мной непонятное что-то творилось.

Сила неведомая управляла
моими чувствами, я вся дрожала.

Моя любимая Киндик эне¹
вдруг неприятной тогда стала мне.

Женщина эта в дом наш вошла,
Хомо-Хэ куплена она была

вместе с рабынями, и с этого дня
с матушкой дружно моею жила.

Как две сестры родные они,
радость делили, печали свои.

Когда рожать мама стала моя,
она дитя ей родить помогла,

¹ *Киндик эне* — так называли кыргызы женщину, помогавшую ребенку появиться на свет. от «киндик» — пуповина, «энэ» — мать.
Приблиз. русский эквивалент «Крестная мать».

и всей душою меня полюбила,
нежность свою, отдавая, растила.

Родной и близкой, как мама была,
и когда мама моя умерла,

она сполна мне мать заменила,
я её очень сильно любила.

Что в роковую ночь ту случилось?
Чувства мои почему изменились?

Какая сила на них повлияла?
Киндик эне меня раздражала.

Плача навзрыд, скандал учинила,
Киндик эне успокоить спешила.

Не в силах справиться с этой бедой,
она заплакала вместе со мной.

Позвав рабыню, она ей велела:
«Ты посмотри за ней, чтоб не ревела». –

И по делам своим вышла она,
я же слезам дала волю сполна.

«Где моя мама? Её мне найди!» –
Измучив рабыню, плачем своим,

я продолжала горько рыдать,
где моя мама, пытаясь узнать.

И рассердившись, сказала рабыня,
эти слова её помню и ныне.

Речи её больно ранили душу:
«Да, успокойся же ты и послушай,

мама твоя давно умерла,
и на озёрах покой свой нашла.

В лунную ночь, когда светит луна,
светом озёра сверкают тогда.

Суу Пери в такую ночь маму забрали,
её на дно унесли, обласкали». –

«Как мне найти это место?» – спросила,
и плач сейчас же свой прекратила.

Киндик эне в это время пришла,
обняв меня, что-то в руки дала,

дрожащим голосом речь говорила,
ласково, нежно уговорила,

и, наконец, успокоилась я,
меня игрушка та привлекла.

Её, увидев, забыла тогда
свои обиды, рабыни слова.

На сундучок квадратный смотрела
я завороженно, сердце горело.

Внутри него, круглый камень лежал,
и светом дивным его освещал.

Стоит коснуться лишь камня рукой,
дивные звуки льются рекой,

переливаясь, чудесно плывут,
ласково, нежно с собою зовут.

Музыка эта похожа была
на мамин голос, печальна она.

Звуки волшебные лились и я
ими была очарованная.

Сон незаметно в плен меня взял,
и перенёс в далёкую даль.

Глаза открыв, увидела я,
отца сидящего возле меня.

Он ласково волосы гладил мои,
взглядом задумчивым смотрел своим.

«Моя родная, проснулась ли ты?
Давай забудем печали свои.

С тобой вдоль берега вместе пойдём,
и утешенье в сердце найдём.

Водой священной лица умоем,
у озера души свои успокоим». –

... Шли вдоль стремительной быстрой реки,
она несла бурно воды свои.

Мы с папой весело вместе играли,
по камням, прыгая с ним, бежали.

Папочка был со мной, как ребёнок,
радостный смех его очень звонок.

Долго тогда со мною играл,
изображая коня, он скакал,

я же забравшись на плечи его,
как будто воин сидела верхом.

Мы забывали печали свои,
о том, что души болью полны,

что в жизни много горя и зла,
и убежать от них часто нельзя.

Казалось, в эти минуты, что мы
во всей Вселенной только одни.

Минуты счастья быстро бегут,
они с собою радость несут.

Так незаметно полдень настал,
«Алтынай!» – кто-то громко позвал.

Киндик эне в платье белом стояла,
меня прекрасным голосом звала.

Белый платок на ветру развевался,
и вид её ещё краше казался.

Словно заря светом лик осветила,
любовью, радостью сердце светило.

Недалеко от нас оказалась,
и своим взглядом нежным касалась.

К белой берёзе она подошла,
у родника та берёза росла.

На камень свой узелок положила,
она рукой нам, махнув, говорила:

«Эй, Алтынай, иди же скорей,
дай передышку игре ты своей.

С утра голодные ходите вы,
о вас все мысли были мои.

Переживаю за вас я всегда,
этую еду вам сейчас принесла». –

Услышав голос Киндик эне,
ночные обиды я вспомнила все.

Тело как будто огнём обдало,
бросила взгляд на отца своего.

Он в этот момент не видел меня,
его душа была светом полна.

Сердцем своим он к Киндик эне устремился,
радостью, нежностью весь засветился.

Глаза светились и чувства свои,
они бы скрыть от других не смогли.

Было во взгляде их –уваженье,
нежность, и радость, и умиление,

и про меня совсем позабыв,
звучал в их душах нежный мотив.

Лишней в тот миг себя ощущала,
и увлекла меня ревности сила.

Я потихоньку от них прочь ушла,
ревность совсем поглотила меня,

и заставляла себя опять и опять,
сильно страдать и горько рыдать.

Вспомнились мне рабыни слова,
те, что сказала ночью тогда.

И закатилось солнце моё,
небо закрыло тучами всё,

в душе померк счастья мой огонёк,
мир, так светившийся светом, поблёк.

На край обрыва я подошла,
горестно плача, маму звала.

Ещё б мгновенье, и навсегда
к маме родной я ушла бы тогда,

тело моё покой бы нашло,
осталось на дне навеки оно...

Никто не посмел в тот день подойти,
и утешенья слова мне найти.

И никого не хотела я видеть,
ведь сгоряча могла и обидеть.

Печаль, боль наполнили душу мою,
я думала горькую думу свою,

наедине погрузилась в раздумье,
ведь поступила я так неразумно.

Знала – во всем виновата сама,
большой урок получила тогда.

Его на всю жизнь запомнила я,
тогда же клятву себе и дала,

что больше не буду так мучить отца,
решила свой выполнить долг до конца.

Один этот день меня изменил,
начало жизни иной положил.

И словно детство простилось со мной,
чувствовать стала себя я другой.

Я повзрослая и озорство
в детстве осталось, в прошлом оно.

Росли сознание, ум с того дня,
Мир открывался весь для меня.

Мысли отца наперёд знала я,
какие скажет сейчас мне слова.

Стала послушной и нежной тогда,
и за отца б свою жизнь отдала.

Жалела отца очень я своего,
готова исполнить волю его.

Я виноватой считала себя,
что боль, печаль в его жизнь принесла.

... Моя же Киндик эне с того дня
ходила мрачной, печальной всегда.

Не говорила с отцом по душам,
и не дарила радость всем нам.

Её горящие светом глаза
с того момента уже навсегда

сразу померкли, огонь в них погас,
и лиц прекрасный её в сей же час

печальным стал, словно туча закрыла
солнышко в небе, и всё ей немило.

С того момента печальной была,
и в одиночестве жизнь прожила.

Меня она, как и прежде, любила,
свою доброту, заботу дарила.

Рабыня, сказавшая те слова мне
о том, что лежит моя мама на дне,

исчезла, не видела больше её,
и что с ней случилось, не знаю того.

Поступок же свой запомнила я,
остался в сердце он навсегда,

и стал уроком, опорой моей,
стала серьёзнее я и взрослей.

Случай тот на отца повлиял,
замкнутым и печальным он стал,

часто у озера долго сидел,
на воду чистую грустно смотрел.

Тихонько сзади к нему подойдя,
речь его грустную слушала я:

«Если бы дочь моя сыном была,
весть об Отчизне узнал он тогда,

и с караваном по свету пошёл,
народ родной бы и землю нашёл.

Горстку землицы родимой принёс,
подарок бы мне дорогой преподнёс.

Поцеловав эту землю, тогда
о, мой Тенир, я б ушёл навсегда.

Не страшно было бы мне умереть,
радостно мог бы на мир я смотреть.

Но родилась Алтынай, дочь моя.
Что же поделать? Такая судьба.

Вместе со мною печаль пусть уйдёт,
о, мой Тенир, счастья дай ей полёт.

Пусть будет полная жизнь у неё,
молю, наполни чашу её». –

К небу руки подняв, замирал,
не шелохнувшись, он долго стоял.

Горько и долго плакал потом,
плач его ранил, словно мечом.

Я за него очень переживала,
как его муки облегчить не знала.

Мечтала искренне, чтобы достиг
он своей цели и радость постиг.

Мысли, мечты свои от всех скрывала,
душу свою лишь отцу открывала.

Был он мне матерью, братом, сестрой,
всех заменил мне отец мой родной.

По его взгляду всегда по мимике
знала, когда ошибалась я.

Слова единого не говоря,
лишь вскинув бровь, посмотрев на меня,

давал понять, что сейчас не права.
Не ограничивал он никогда

мою свободу, я вольно жила,
но озорной более не была.

Характер свой укротила сама,
рассталась с детством я навсегда.

Когда отец был рядом со мной,
то счастье, словно лилось рекой.

Так, дни и годы шли чередой,
но стал отец лишь печальнее мой.

О сыне страстно всегда он мечтал,
чтоб тот на Родину съездил, желал.

Я, как отец, тоже стала мечтать,
так же, как он, плакать и горевать.

Уединившись где-то, и я
слёзы печали часто лила,

руки подняв к небу синему я,
плача, Тенира просила, моля:

«О, мой Тенир! Тебя я молю,
дай отцу сына, очень прошу.

Об этом мечтал он жизнь всю свою,
осуществи же его Ты мечту». –

В прошлое детство моё ушло,
и время зрелости моей пришло.

Пятнадцати лет достигла тогда,
многое в жизни видеть могла.

Умела плохое от светлого я
отличить сразу в то время всегда.

Были моменты, их трудно понять,
тело моё начинало дрожать,

чувство иное мною владело,
мысли о том, чего я хотела,

ласковый шёпот слышала я,
то ветерок касался меня:

«К Озёрам Близнецам, если пойдёшь,
всего ты достигнешь и счастье найдёшь». –

К озёрам пойти стремилась тогда,
когда была полной на небе луна.

Это желанье в сердце горело,
быть в одиночестве там я хотела.

И каждый раз, когда снова луна
на небосводе полной была,

снова к озёрам хотела пойти,
чтоб утешение в сердце найти.

О чувствах этих мой отец знал,
и за меня беспокоясь, страдал.

Следовал он незаметно за мной,
тихо ступая, шёл узкой тропой,

на силуэт во тьме мой, смотря,
знала о том, что следит он, и я.

Долго за мною отец мой ходил,
лишь успокоившись, он прекратил

слежку свою, и потом я всегда
к озеру шла в полнолуние одна.

Стало привычкой в ночь ту не спать,
и против зова нельзя устоять,

кажется, словно меня кто-то ждёт,
чтобы на берег пришла, он зовёт.

Хозяин озера иль моя мать,
кто, вообще, меня может там ждать?

Зов тот, услышав, к озеру шла,
в сердце мечту свою я несла.

Вижу в мечтах своих мальчика я
на берегу, он встречает меня,

тянет ко мне нежно ручки свои.
Осуществились мои бы мечты!

Одна мечта лишь была у меня,
чтоб для отца нашла мальчика я.

* * *

Когда луна опять полной была,
на небосводе сверкала она,

мной овладело чувство одно,
и не давало покоя оно,

тогда одевшись, на берег пошла
я в эту ночь снова одна.

У воды мята в то время цвела,
и аромат её сводил с ума.

Лучи луны были силы полны,
светом своим душу грели они.

От разноцветных лучей звёзд, луны
тянутся нити, прекрасны они,

и паутиной висят над водой,
вверх поднимаясь, когда бьёт волной.

Сказочным миром окружена,
плыву в луче по волнам я,

как будто парусник тихо качаюсь.
Луч от воды медленно поднимаясь,

в синеву неба вверх улетал,
словно качели свои он качал,

и постепенно качелей разгон,
медленно стал увеличивать он.

Моя душа в небеса поднималась,
платьем, своим воды я касалась.

Каталась я на качелях луча,
его спустили мне звёзды, луна.

Вздрогнула вдруг лучей паутина,
и молодой появился мужчина.

Молодец вышел ко мне из луча,
но не решалась спросить имя я.

Шла я спокойно по глади воды,
словно ступала по тверди земли.

Бережно пальцев моих он коснулся,
медленно к берегу повернулся.

Мы от потока луча отделились,
на берегу, на песке очутились.

Света луч далее плыл по воде,
и удалялся от нас вдалеке.

Когда коснулись ноги мои
на берегу влажной, тёплой земли,

то показалось, что только тогда
снова в своё я сознанье пришла.

«О! Мой Тенир! Где я? Это не сон?
И этот молодец, скажи, кто он?

Взгляд его нежный, полон добра,
нет в нём скрытого умысла, зла.

Словно знакомы с ним мы давно,
не сторонюсь почему-то его». –

Так, на вопросы ответа ища,
молча, сидела, в землю глядя.

Подошёл молодец близко ко мне,
приятным голосом молвил он мне:

«Девушка светлая Алтынай,
мечты известны твои, это знай.

Почему люди «Светлым Лучом»
назвали озеро, слушай о том.

Его священным ещё зовут.
В мире, прошедшие свой земной путь,

светлые женщины, в сердце неся
много любви, чистоты и добра

Пери становятся в мире ином,
нежность, любовь несут в сердце своём,

и голубями в бескрайней Вселенной
летят они в том мире нетленном.

В лунную ночь, когда Чолпон звезда
сблизится, встанет напротив она

полной луны, голуби прилетают,
над святым озером они летают,

обличье голубя, скинув с себя,
в воду спускают белы тела.

Чтоб святость озера вод сохранить,
надо слезинки в него пролить.

Участь несчастных людей разделяя,
Нурпери¹ слёзы свои проливают.

Их слёзы в жемчуг, когда превратятся,
то в водах, словно они растворятся,

чистоту святости передадут,
и свет, который в себе несут.

Вот так и горькие слёзы твои,
со слезами Нурпери они

соединились, жемчугом стали.
Открыли сердца Пери, растаяв.

Не знаешь, девочка с чистой душой,
не зря те слёзы пролиты тобой,

они умножили Пери тоску.
Откликнувшись на твою мольбу,

твоё желание исполнить хотят,
им ночи этой пришлось долго ждать,

когда приблизится снова луна,
с Чолпон звездой, будет близка она.

¹ *Nurperi* – Нур – Луч, Пери – ангел.

Желание у каждого есть человека,
мечтает он до скончания века,

но редко бывает, чтоб Пери смягчились,
и помошь немногие их получили.

Ни с чем не сравнится печаль, боль твоя,
через поколенья с тобою прошла.

Отец беззаветно Отчизну любил,
и землю родную он очень ценил,

во всей Вселенной нет для него
милее и краше края того.

Иные всю жизнь о желанье своём
молят Создателя, лишь об одном.

И не достигнув заветной мечты,
в иной мир многие так и ушли.

Не всегда смысл мольбы понимала,
ты тогда в жизни не всё осознала,

но так же молила Создателя ты
об исполнении отцовской мечты.

В горькой печали, молитвах отца,
есть в них частица тоже твоя.

Время пришло, чтоб мечта та сбылась,
Луна с Венерой уже сблизилась.

Если мечта человека, смягчит
и сможет Пери она раздобрить,

то одна Пери, поверь, всегда
для продолжения рода она,

в жертву себя в тот час принесёт,
чтоб в чистоте сохранить этот род.

Светлая девочка, сердце раскрыла,
душу Пери одной ты смягчила.

О чём молила искренне ты,
о чём все мысли были твои,

сегодня в срок исполнится всё,
покинул место я в небе своё.

Получишь дар ты большой с Небес,
о чём мечтал всегда твой отец.

Через десять месяцев мальчик родится,
твоя мечта тогда осуществится.

Не думай, чистой останешься ты,
с тобою в Вечности встретимся мы.

Вспомни, что белый голубь тебя
сопровождал к озёрам всегда.

Голубь этот был я, Алтынай,
он от беды на пути сохранял.

Святое озеро боготворила,
ты туда с малых лет приходила,

пищей делилась с рыбами ты,
давала хлеб со своей руки.

С тех пор, как стала осознавать,
помнить себя и мир познавать,

приходишь к озеру, делишься ты,
ему рассказываешь свои мечты.

Все, кто на озере этом живёт,
летает, плавает или растёт,

все получают радость твою,
любишь их, словно маму свою.

И душа озера любит тебя,
будешь ты с Пери вместе всегда.

Тебя взяли Пери в свои ряды,
об этом даже не ведала ты,

дочерью озера, Алтынай,
стала ты, помни не забывай.

Горе и радость всегда делим мы
поровну, стала для нас равной ты.

Если захочешь увидеть меня,
жди здесь, к тебе приду я всегда.

Прощай же, скоро наступит рассвет,
голубя надо обличье надеть.

Голуби, что прилетели в ту ночь,
в небо своё улетят они прочь,

выбора нет только лишь у меня,
я остаюсь, охраняя тебя.

Не может голубь со всеми лететь,
ему дороги назад в небо нет.

Кружась над Озером Святым теперь,
он не разлучен с тобой, поверь». –

...Поверхность воды в тумане была,
стал исчезать молодец тот тогда.

Его силуэт, словно размылся,
и в неизвестность он удалился.

Я удивленно глазами моргала,
сон или явь это, в тот миг не знала.

Стала ощупывать тело своё,
я ведь не сплю, чувствует всё оно!

И ушипнула за руку себя.
Как это чудо назвать мне тогда?

Я закричала улану вслед:
«Что же мне делать? Дай мне свой ответ!

Не уходи! Умоляю тебя,
радость познать, иль корить мне себя?

Если важны так твои все слова,
не объяснил, почему ты тогда,

что же мне делать, когда я рожу?
Как дитя вырастить одна смогу?

Что сейчас делать, куда мне идти?
Как же всё это мне вынести?» –

За младым юношней следом пошла,
и растерявшись, плакала я.

В белёсой дымке виделся он,
гласом приятным молвил потом:

«Отцу, Алтынай, всё расскажи,
пусть обо всём знают лишь он, да ты.

Будь терпелива, радость моя,
не беспокойся об этом зря.

Ещё об одном не забывай,
энэ Урюлай¹ чиста сердцем, знай,

на жертву готова она для тебя,
поддержит в беде, в печали всегда.

Не беспокойся о завтрашнем дне,
впереди времени много вполне.

Отец твой выход найдёт всегда,
ребёнка поднимет Киндик эне твоя.

Родишь дитя, как положено ты,
осуществятся твои все мечты.

Имя же сразу ему не давай,
дервиш придёт старый, ты это знай.

Даст он то имя, что Свыше дано»... –
Речь не закончил, как стало светло.

¹ Урюлайым – имя Киндик эне.

Небо заря осветила огнём,
словно туман вдруг рассеялся он,

и вместо молодца предо мной
голубь взлетел, унося мой покой.

Шорох раздался рядом и я
вижу, стоит Киндик эне моя.

Не говорили давно уже мы
с ней откровенно, томленье души

вновь испытали, о прошлом забыв,
бросилась к ней, своё сердце открыв.

Слёзы из глаз текли у неё,
 капали мне они на лицо.

Раскрыв объятья Киндик эне,
бросилась, плача, тоже ко мне.

Я без утайки ей все рассказала,
на понимание её уповала.

Плакала долго и горько она,
гладила нежно, с любовью меня,

и глубоко вздохнув, обняла,
вот что эне сказала тогда:

«Свет мой, зачем же пугаешься ты?
Осуществляет Тенир все мечты.

От него Свыше знак получила,
выполнил всё Он, о чём ты просила.

К Тениру страстная мольба твоя,
всё же услышана была она.

Счастье грядёт, сокол наш прилетит,
пусть край родной будет им не забыт.

Видно, угодно так было судьбе,
осуществятся желания все.

Он на Отчизну поедет свою,
увидеть сможет родную землю.

Вдруг возвратится голубь сюда,
чтобы сказать мне свои слова». —

Я по тропинке пошла одна,
Киндик эне вопрошала скорбя:

«За что, о, Тенир, наказание послал,
тому, кто горе в жизни познал?

Тоскует он по родимой земле,
я обращаюсь, Тенир мой, к Тебе!

Девочку эту Ты ему дал,
чтоб радость в жизни своей он познал.

Если узнают враги, что она,
без обряда нике¹ дитя родила,

злобой своею его захлестнут,
и жить спокойно ему не дадут.

¹ *Нике* – народный обряд бракосочетания.

Её отец от позора умрёт,
счастье ребенок тот не найдёт.

Кому он нужен будет потом?
Скажи, Тенир, сейчас мне о том.

Ведь испытание большое – судьба.
Девочка эта, скажи как она

выдержит все испытания судьбы,
не искалечат ей душу они?

Сможет она беды все победить,
горе, печали свои все забыть?

Спрятал ты счастье её в скале
на краю бездны. Искать его где?

Сможет ли выход она найти,
чтобы потом себя с сыном спасти?

Я обязательно ей помогу,
и если нужно, отдаю жизнь свою.

Сейчас растеряна, озеро, я,
ты научи, святая вода,
что же мне делать, и как же мне быть.
Как в своём сердце радость открыть?» –

Озеро лишь безмятежно играло,
волнами берег шаловливо ласкало.

На берег с шумом бежала волна,
землю накрыв, отступала она.

И разгорался рассвет над водой,
сверкая светом, даря огонь свой.

Глядя на волны, стояла она,
и успокоилась её душа.

Пламя, которое так душу жгло,
вдруг растворилось в волнах оно.

Потом подумала обо мне,
сказала задумчиво себе:

«Да, верно, нет пользы лишь от того,
что я стою уже здесь так давно.

Хоть бы дошла до дома она,
и не случилась бы с нею беда.

Груз, что взвалила на плечи себе,
очень тяжёл, не перечь судьбе,

надо помочь ей его донести,
сейчас не стоит к отцу ей идти.

Мне Алтынай надо быстро догнать,
чтоб не успела отцу рассказать

о том, что случилось, лучше уж я,
её отцу расскажу всё сама,

и пусть весь гнев выпльет он на меня,
смягчившись лишь, будет слушать тогда.

Решение примет, взвесив всё хорошо,
потом пусть мнение он скажет своё,

затем итог вместе все подведём,
из положения выход, может, найдём.

Поверим же, Алтынай, что отец,
сам разберётся во всём, наконец». —

Приняв решенье, моя Киндик эне,
вперёд бежала, словно ветер, ко мне.

догнала меня, тяжело дыша,
я же в раздумье шла, не спеша.

Мысль одна лишь была в голове,
как рассказать о случившемся мне,

и как воспримет отец это всё.
Переживание, почувяв моё,

Киндик эне мне сказала слова:
«Чувствую, мысль одна гложет тебя,

она покоя тебе не даёт.
О, Алтынай, знаю я наперёд,

что делать нам, и ты мне позволь
сейчас рассказать отцу всё самой.

ты в девичье ордо¹ иди,
и результата там подожди.

Я передам тебе все слова,
что отец скажет лишь для тебя». —

¹ *Девичье ордо* — ханский дворец, юрты и территория, выделенная девушкам ханской крови и их прислужницам.

Шорох внезапно услышала я,
и повернулась, всем телом дрожа.

Сердце забилось часто в груди,
очи померкли сразу мои,

кажется, я побледнела, как мел,
рядом стоял мой отец и смотрел.

Нежность во взгляде его была,
радость прекрасным цветком расцвела.

От нас её он не скрывал,
и, улыбаясь, нежно сказал:

«Не замечая вокруг никого,
открыв друг другу сердце своё,

вы не увидите, если земля,
надвое вдруг разорвётся она,

и если сель пройдёт грязный тогда,
вы не заметите даже меня.

Так любопытно мне стало сейчас,
я захотел послушать бы вас.

Своим вниманьем меня обошли,
теперь в секретном словоре вы.

Тайна легла между нами и я
в неё, прошу, посвятите меня.

Так, расскажите же мне обо всём,
не то обида в сердце моём

надолго останется, и буду я
сердиться, родная моя, на тебя». –

Так, мой отец, улыбаясь, шутя,
весело очень смотрел на меня.

Ближе чуть-чуть он, к нам подойдя,
в мои глаза посмотрел любя,

увидев волненье в них, изменился,
сразу в ребёнка он превратился,

словно с игрушкой любимой играл,
и у него её кто-то забрал.

Бешено сердце моё забилось,
и время, будто остановилось.

К отцу в порыве бросилась я,
быстро, волнуясь, ему говоря,

что ночью было, я не скрывала,
и обо всём отцу рассказала.

Отец мой задумался и, глядя я
на его лицо, сказала, плача, тогда:

«Пери-улан, другие Пери озера
не причинят, наверно, мне зла,

ведь среди них, так думаю я,
может, находится мама моя.

Знаю, что суженый сильный дан мне,
и не могу я перечить судьбе,

то предназначено Свыше и я
на волю Создателя всё отдала.

«Лучше пусть так будет» – сказать могу,
другого выхода здесь не найду.

Честь незапятнанной будет моя,
не опозорю, отец, я тебя.

Сейчас, отец мой, лишь поняла,
решение, которое я приняла,

имя моё в чистоте сохранит,
мечту твою оно осуществит.

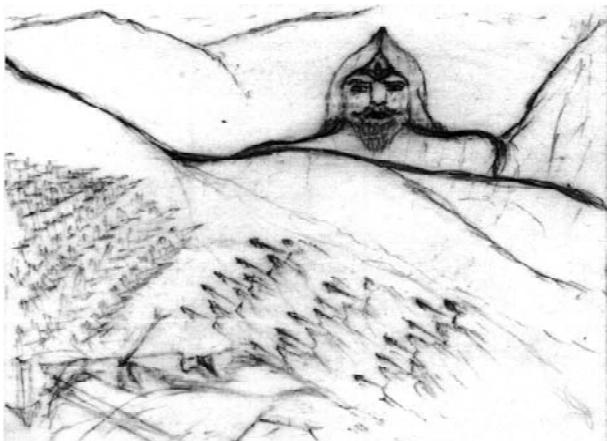
Мальчик родится, мечтаешь о нём,
на землю родную отправится он,

и коли будет угодно судьбе,
может, уедим вместе мы все.

Чтоб не случилось, папочка мой,
ты не печалься напрасно, родной,

и не тревожься о будущем дне,
дочь твоя может сражаться вполне». –

*(Эту часть истории Алтынай, рассказалую Ал-
мамбетом в Хан Ордо, вспоминает Айкёль Манас, на-
ходясь на Тал-Чоку...)*

* * *

*...Человек на вершине высокой стоит,
то Айкёль на равнину в бинокль глядит.*

*Однаково крепко поводья держа,
след оставил потомкам, дела все верша.*

*Он за битвой кровавой всей наблюдает,
и отвагу в сердце своём сохраняет.*

*Знает, чем всё закончится наперёд,
его храброе сердце не устаёт.*

*От секиры отравленной рана горит,
воспалилась, его позвоночник болит,*

*но значения он этому не придаёт,
всё внимание его там, где битва идёт.*

*Смотрит на поле браны он сердцем скорбя,
исход схватки предвидя, итог подведя.*

*Слышит голос из прошлого, издалека,
вспоминал он Алмамбета тогда слова...*

ИСПЫТАНИЕ ВЕЛИКОГО ХАНА

«Ночью той, матушка глаз не смыкая,
тайну поведала мне, не скрывая.

Я эту тайну тебе расскажу,
душу, Айкёль мой, открою свою.

Из Чон-Бээджина я спешил –
письмо тревожное получил.

Мама моя его мне прислала,
вот что она тогда написала:

«Прошу, единственный сын мой, тебя,
в ханском дворце не останься ни дня.

Так, не печаль же ты сердце моё,
я не встаю с постели давно,

очень больна и, возможно, что ты
очи уже не увидишь мои.

Ханским же троном не восхищайся,
а поскорее назад возвращайся.

Моё письмо получив, поспеши,
Свет мой, домой поскорее скачи.

Тебе наказ передать свой хочу,
враги вокруг, бдительным быть прошу.

Врасплох пусть враг не застанет тебя,
спокойным будь, храбрость в сердце храня.

Киндик эне письмо передала,
для нас обоих она дорога.

Её в дороге храни от беды,
ей очень многим обязаны мы.

Полвека, жизни своей не щадя,
хранила бережно тайну она.

Груз тяжкий в сердце своём несёт,
близких твоих бремя многих забот.

Пусть живёт в сердце она твоём,
мой жеребёнок, вместе, вдвоём,

вы возвращайтесь, вас очень жду,
одной лишь встречей этой живу». –

Как получил я от мамы письмо,
в душе желание было одно.

Решил поехать прямо сейчас,
и не откладывать ни на час.

Переполох, во дворце учинив,
сорок охранников там перебив,

Создатель, наверно, так предопределил,
что я жизнь Киндик-эне не сохранил.

На Сарала коне тело привёз
моей Урюлайм, её жалко до слёз.

Одна печаль лишь осталась в груди,
не смог во дворце я Хэ-Гана найти.

Время для «хитрой лисы» не пришло,
смерти дыханье его не нашло.

Лишь потому он остался живой,
что дар лисицы использовал свой.

Раньше из ханского дворца ушёл,
как ни искал я его, не нашёл.

Камень жайташ¹, сорок прутьев² его
я захватил вдобавок всего.

Коня погнал вперёд своего,
ханства достиг отца моего.

В покой матушки быстро вошёл,
её в кровати лежащей нашёл.

Встал на колени пред нею я,
была склонённой моя глава.

Высоким голосом мама моя
властно и гневно произнесла:

«Свои колени ты не сгибай,
не преклонялись предки так, знай.

¹ Камень жайташ – магический камень заклинателя погоды.

² Сорок прутьев – один из инструментов заклинателя погоды – жайчи.

Лиши в светлом месте склонив главу,
творили Богу молитву свою.

Падали ниц пред Тениром они,
тогда глава их касалась земли.

Уж о мужчинах я речь не веду,
но даже женщины свою главу

не преклоняют перед людьми,
нельзя иначе, это пойми.

Этот обычай чуждый для нас,
не преклоняйся ему ты сейчас.

Свою одежду скорее сними,
она в крови врага, посмотри.

В воду, раздевшись, сейчас войди,
и омовенье водой ты прими.

Смой с себя кровь своего врага,
и подойди ко мне только тогда,

тайну открою тебе я свою,
в сердце её много лет уж храню»... –

Не понимая, что произошло,
я окунул в воду тело своё.

То ли обида на маму была,
то ли гордыня душу мне жгла.

Не знал, что больше сердце смущило,
и что тогда меня удивило.

Спешил домой, чтоб увидеть скорей
матушку. Что же случилось с ней?

И почему так меня упрекает?
Кланяться с детства привык, она знает.

Главу склонив, о делах я справлялся,
матушке странным тогда не казался.

Так, почему сейчас кажется ей
недопустимым, что сделал теперь?

На все вопросы ответ, не найдя,
чувства раздора пленили меня.

Когда омыл своё тело водой,
затем одежду одев, я вошёл

к матери своей и снова свою,
я преклонил пред нею главу.

Она сидела всё также, ждала,
в свою постель даже не прилегла.

С места вскочила, увидев меня,
с любовью, нежностью обняла,

сердцем обиду мою поняла,
слова свои нежно произнесла:

«Сын мой единственный, ты всё дитя,
сердиться, повода нет на меня.

Если обидела тебя сейчас,
прости и выслушай ты мой рассказ.

Религия этого народа не твоя,
я от Нурпери тебя родила.

В другом народе корни твои,
по нашей земле тосковали мы.

Твои родные мечтали о том,
чтоб сын родился, и с ним потом

вместе уехать в родные края,
но дочь родилась у них – мама твоя.

В чужом kraю не только они
прожили в печали дни свои,

несколько поколений людей,
жили вдали от Отчизны своей.

Из сорока родов были они,
в муках прожили годы свои.

Не рассказать сразу сколько мучений,
в плену увидели, и унижений.

Опустошили землю враги,
рабами в цепях на чужбину вели.

Все ханы, беки стали рабами,
и подвергались мученьям врагами.

Ты сын униженного народа,
знай же теперь из какого ты рода.

Твой дед был из народа того,
ты продолжение рода его.

Жизнь он прожил, не достигнув мечты,
были печалью наполнены дни.

Многие смерть на чужбине нашли,
они с печалью в иной мир ушли.

Выполнить то, что им не суждено,
было судьбою тебе лишь дано.

Страстно молила Создателя я,
слёзы свои проливала, скорбя.

Просила, чтобы тебя он мне дал,
чтоб ты мечты исполнителем стал.

Наши родные так тосковали,
горькие слёзы они проливали.

Ушли, родной не увидев земли,
не воплотив в жизнь грёзы свои.

Киндик эне тоже жертвой была,
о родном крае мечтала она,

последней погибла, мечта не сбылась,
она в сердцах болью отозвалась.

Хоть бы один род назад возвратился,
с родным народом соединился.

Милый, родной мой, тайну свою
тебе открою и всё расскажу». –

... Так, разговор длинный ночью вели,
мать вместе с сыном решенье нашли.

Поклялся я землю родную найти,
откуда родом родные мои.

Тяжело очень ту ночь вспоминать,
многое успел рассказать.

О детстве мамы сказал раньше я,
о нём поведала в ту ночь она.

Об остальном сейчас расскажу,
тебе открою тайну свою.

Друг мой, Айкель, расскажу тайны я,
их мы друг другу сказали тогда.

В ту ночь открыли мы души свои,
слушай, Айкель, откровенья мои.

«Сын мой», – сказала мне мама тогда,
«Я от Нурпери тебя родила.

Плохо не думай ты обо мне,
и не копи обиду в себе.

Чистой и светлой всегда была,
моя прекрасная очень мечта.

Тебя мне Пери-лучи подарили,
счастьем тогда меня озарили.

Было всего пятнадцать мне лет,
я испугалась, то не секрет.

Тело испуганно моё дрожало,
и беспокойство сердце сжимало,

но голубь белый мне помогал,
смелость и мужество он придавал.

Страх вдруг исчез, моего вид отца
дал мне решимость идти до конца,

и в борьбе этой не отступать,
и не сидеть, а решенье искать.

Твердо сказала себе я тогда:
«Смело иди вперед на врага!» –

... К Святым Озёрам с Киндик эне ходили,
выход найти мы Тенира просили.

Встречали вместе с ней мы рассвет,
словно счастье прольёт здесь свой свет.

В дымке, средь волн виден был тот улан,
долго смотрела, не веря глазам.

Как колокольчик его голос был,
нежно и ласково он говорил:

«Силы свои ты сейчас собери,
будут сраженья ещё впереди.

Враг твой, поверь мне, очень силён,
и чтоб тобою он был побеждён,

мужество в сердце своём воспитай,
смело иди на врага и дерзай.

Будь же упорной, решительной ты,
не отступай, умножь силы свои,

и в борьбе этой главу не склоняй,
кто тебя гонит, не признавай

в нём себе равного, дальше иди,
не покоряйся, борьба впереди.

С ханом всесильным на равных ты будь,
чувство подавленности своей забудь.

Смело порог дворца переступи,
с чувством достоинства к хану иди.

Пусть твоей храбрости дивится он,
отваге сына, что будет рождён.

Шой-Бо когда-то Наар мать посмотрел,
многие качества он в ней узрел.

Будет испытывать теперь тебя,
знает, родишь ты храброго льва,

который ханское войско возглавит,
 знамя подняв, народ не оставит.

Шой-Бо поможет тебе в трудный час
все испытанье пройди не боясь.

Пусть рядом будет Киндик эне,
 с тобой разделит тяготы все.

Вместе в ордо к хану вы поезжайте,
всё остальное судьбе предоставьте.

Всё, что начертано Свыше тебе
будет исполнено, поверь ты мне!» –

С того момента до этого дня,
с помощью знаков живу, сын мой, я.

* * *

В тот день с Киндик эне опоздать могли –
очень спешили к озеру мы.

Волны сердито в нём бушевали,
озеро таким ещё не видали.

С детства не видела его таким –
разбушевавшимся, мрачным и злым.

Со страхом думала тогда о том,
какие тайны увижу потом.

Слушала шум высоких тех волн.
Какую речь я услышу? О чём?

И озабоченный голос улана
слышу сквозь шум волн, бушующих рьяно:

«Видишь отрог каменистый вдали?
«Калмак-Ашуу», на него ты смотри.

На повороте пыль появилась,
это беда вороном закружилась.

Всадники мчатся, в деревню спешат,
они в домах разгром учинят.

За выступ гор уходи ты скорей,
и доберись до аула быстрей.

Ты раньше их домой доберись,
в свои доспехи потом облачись,

в руки своё оружье возьми,
на бой кровавый смело иди.

Будешь достоинство, честь защищать,
душу свою будешь оберегать,

светлые, чистые мечты отца,
в бою должна отстоять до конца.

Ты победишь, мужественной же будь,
и отправляйся в добрый свой путь!» –

Волны кудрявые пеной играли,
брызгая с шумом, назад убегали.

Всадникам, словно путь преграждали,
вид устрашающий принимали,

мрачные звуки свои издавали
волны и, будто напоминали.

о дне грядущем, гудели они,
и предвещали тревожные дни.

Как будто дракон свою пасть открывал,
сжечь собираясь, словно огнём обдавал.

«На берег озера если придёшь,
спокойные воды его ты найдешь,

не беспокоиться можешь тогда
за все события грядущего дня.

Если вдруг озеро разбушевалось,
во власти бури оно оказалось,

что же, пощады тогда ты не жди,
кара с бедой грядут впереди». –

Помнила это с детства всегда,
волны большие пугали меня.

Причиной бури не я была,
 всадников кара озёр ждала.

На перевале из пыли густой,
вырвались всадники группы одной.

Не в силах с озером проститься я
сказала, плача: «До встречи», – скорбя.

Тёплые волны мне ноги ласкали,
 златой песок они омывали.

Святое Озеро будто прощалось,
 словно надолго со мной расставалось,

жарким дыханьем меня обдавало,
это мне мужество лишь придавало.

...Крепко за руки друг друга держа,
шли с Киндик-энэ мы очень спеша.

Вышли потом на прямую дорогу,
и видно было угодно так Богу,

дервиша видим, распялен был он,
к кольям привязан крепким ремнём.

Его конечности все растянули,
к четырём кольям ремнём пристегнули.

Увидев старца, мы остановились,
забыв о спешке, к нему обратились:

«Кем был наказан, в чём виноват,
о, нищий дервиш, за что ты распят»? –

«Видно сейчас вы очень спешите,
так, не задерживайтесь, идите

дальше к себе, продолжив свой путь,
меня несчастного ты позабудь».

Не помню, как кинжал вынула свой,
висел на поясе в ножнах, одной

мыслью была одержима тогда,
знала, спасти его я должна.

В мгновенье ока ремни разрубила,
дервиша нищего освободила.

Держа его с обеих сторон,
на ноги поставили, и ожил он.

По жилам его кровь свободно текла,
в тело истерзанное жизнь несла.

Его дыханье восстановилось,
в глазах надежда появилась,

и повернувшись, сказал нам тогда:
«Свет мой, это как видно судьба.

От смерти сейчас спасла ты меня,
Кто ты? Не вызвать беду б на тебя.

Жертвой доноса можешь ведь стать,
стоит кому-то об этом узнать.

Чувствую, Свет мой, тебя искал я,
в поисках шёл сюда издалека.

Ты ли та самая Алтынай,
Суп-Унга дочь? Скажи, не скрывай». –

Глаза его загорелись огнём,
встретились взглядом с ним и потом

молча, стояла я, с удивленьем
в глаза смотрела ему, вся в смущеньи.

«Кто вы? Отца знаете моего?
Кто вас распял, за что? Отчего?

Не потому ли, что нас вы искали,
много страданий потом испытали?

Что вас заставило нас искать,
можете это сейчас рассказать?» –

«Шой-Бо меня к Суп-Унгу послал,
важное очень задание дал.

Должен Суп-Унгу я всё рассказать,
от людей прячась, вернуться назад.

Только тебе тайну эту открою,
расскажу всё, ничего я не скрою.

Сразу же должен назад идти,
со своего, не свернув, пути.

... Одну историю расскажу я,
связана ведь с тобою она.

Не годы прошли, века. Жил мудрец,
народы собрал он вокруг, удалец.

Землёю владел безраздельно тогда,
изумлял мужеством Фарс¹, Урум² всегда.

Был он отважным, умным, бесстрашным,
имя его звучало прекрасно.

Взял у Вселенной имя своё –
Свет, Чистоту выражало оно.

Мудрого хана звали Ууз,
нёс на плечах он своих тяжкий груз.

Сорок сыновей ему сорок жён
родили и стали они потом

основателями родов сорока,
но возникла от сырой жизни вражда

меж ними, и были разбиты они
врагами, то были кровавые дни.

Свет мой, ты руку свою подними,
на свои пальцы теперь посмотри.

¹ *Фарс* – Персия.

² *Урум* – государство, находящееся на территории Малой Азии.

Все они разные, но сжав кулак,
силу получат они только так.

Затем предплечья, плечи дадут
им свою силу, всю отдадут.

От народа из сорока родов,
малые группы в живых остались,

объединившись в один народ,
киргызским народом они назывались.

Гораздо раньше, чем были разбиты
они врагом, за годами скрыты

эти события, возможно, века
прошли с тех пор до этого дня.

Тогда один род местность освоил,
град Андижан он красивый построил.

На караванной дороге стоял
город, красою своей восхищал.

Но был разбит он врагами, потом
не было лада уже в роде том.

Слабыми были они и тогда
к власти пришёл хан Лоян, как беда.

Был он жестоким, богатство своё
нажил налогами, и для него

всё равно было кто перед ним –
то человек ли, Буркан, спрос один.

Властью своей он очень кичился,
разума потому и лишился.

Как пальцы собраны вместе в руке,
так люди объединились все.

Из племён разных народ состоял,
и скоро главу свою он поднял.

Объединившись, войско собрали,
из Андижана Лояна прогнали.

Голову тогда буруты подняли,
Лоянь-Гану трёпку задали.

Спрятал за пазухой тогда сына он,
сбежал на Родину из града вон.

Обетшали сильно, в негодность пришли
когда-то владенья его покинутые.

Жил в тех местах Алооке¹, пока
не достиг сын совершеннолетия.

Был сын, как беркут, который хватает
волка когтями и нападает.

Старых владений отца ему мало,
сущность нещадно его бесновала.

У своего дяди Гуйяна потом,
забрал рудники золотые он.

¹ Алооке – прозвище Лояна, присвоенное ему кыргызами.

Другой дядя его Хэ-Ган был,
женщинам смотр устроить решил.

Издал указ Хэ-Ган, печать поставил,
гонцов послал, и вещать их заставил.

С севера на юг Китая, они
скачут день, ночь, несут вести свои.

Чтоб каждый город в назначенный день,
прошёл пред ханом своим, словно тень,

Женщины чтоб вереницей прошли,
нужную из них, чтоб аяры нашли.

Смысл осмотра того был в том,
чтоб ужжатын¹ найти, потом

ей с Гуйяном нике совершить,
чтобы она смогла сына родить.

Замужем женщины, нет ли они
через осмотр должны тот пройти.

«Пусть все с тринадцати лет придут,
до тридцати трёх лет осмотр пройдут.

Кто не исполнит ханский указ.
будет повешен ханом, в сей час». –

Брата Гуйянь-Гана буруты прозвали
«Азизом», так за спиной его звали.

¹ Ужжатын – букв. «ядовитая матка», женщина, способная родить великого наследника.

Было у Гуйяна шестьдесят жён,
но вопрос главный не был решён.

Много рабынь Гуйян хан имел,
но не сбылось то, чего так хотел.

Чтоб сын родился, он страстно мечтал,
но отцом всё-таки так и не стал.

Весь свой народ в те дни собрал,
властную речь ему он сказал:

«Хочу не просто сын чтоб родился,
в мужестве чтоб с ним никто не сравнялся». –

Гай-Юань-Тхай¹ жестоко сказал,
«кубаш»,² так меня он назвал.

Этот сын Лоян-Гана жесток,
преподнесу ему я урок». –

Сорок аяров глядят, наблюдают,
женщину – ужатыи они распознают.

Стоят они на башне высокой той,
построенной лишь для цели одной.

Шой-Бо, который Сянь-Фану помог,
выбрать невесту в положенный срок,

сорок аяров возглавил он,
сыну Сань-Фаня Суп-Унгу помочь готов,

¹ Гай-Юань-Тхай – китайское имя Конурбая.

² Күүбаш – груб. бездетный.

чтобы мечты у него сбылись,
в места родные бы все добрались.

«Сын у тебя должен родиться,
чтобы мечтам в жизнь воплотиться.

Надо готовиться, время пришло», –
так говорил Шой-Бо не так давно.

Чтобы Великое дело спасти,
реку бурную вброд перейти,

идёт на все ради этого он,
мысли его сейчас лишь об одном.

«Пусть она реку ту перейдёт,
цветок нежнейший пусть расцветёт». –

Это Шой-Бо тебе передал,
он обо всём давно уже знал.

Сын богатырь у тебя родится,
мечта отца тогда воплотится.

Сможет до Родины своей дойти,
и там народ родной свой найти.

О том, что если выполню я
это задание, только тогда

всё, что задумал Тхай, не исполнится,
и потому по пятам моим гонятся

слуги его, сейчас время пришло,
дать мне ответ, что же произошло,

и кто на кольях меня распял.
Калча жестокий чувствовал, знал,

что богатырь среди пленных родится,
и чтобы цели своей добиться,

поспал шпионов к вам, чтобы те
среди людей обжились вполне.

Слуги Юань-Тхая меня узнали,
по родинке на лице опознали,

за поворотом тем, путь преградили,
в ваше ордо меня не пустили.

Руки, ноги на кольях распяли,
крепким ремнём их привязали.

Поехали встретить гонца они,
перед тем, как сюда вы пришли.

Пока приедут обратно сюда,
здесь не застанут они уж меня,

буду отсюда совсем далеко.
Привет передай отцу от Шой-Бо,

его хранил в своей я груди,
ты обо всём отцу расскажи

без искаженья, он суть дела поймёт,
тогда решенье всего и найдёт.

Ну, а тебе скажу вот что я:
не позволяй в плен взять себя,

не дай палачам тебя вести,
сама к Великому хану иди.

Если посмеют путь преградить,
тогда палачей ты должна истребить.

К хану, придя во дворец, ты скажи,
ему условия свои огласи:

«Великий Хэ-Ган, к тебе пришла,
и весть хорошую я принесла.

Могу я льва- батыра родить,
ему отважному, сильному быть.

Отважней, сильней его не найти,
будут открыты ему все пути.

Жить буду я вдали от людей,
с охраной и прислугой своей.

Входить ко мне чужим запрети,
чтоб в мои двери они не вошли.

Шпиона, если пошлёшь, застрелю,
и в тот же день от вас я уйду». –

Славу стрелка ему докажи,
и тетиву лука ты натяни.

Затем, прицелься точно в мишень,
корона ханская пусть будет цель.

Хану в глаза, не робея, гляди,
свою стрелу прямо в цель ты пусти.

К борьбе давно готовишься ты,
на поединок, мой Свет, выходи!

Если отец твой поверит мне,
не будет он перечить судьбе.

Без промедленья ты выходи,
и в Бээджин Большой иди.

Пока палачи вас не схватили,
хочу сказать, чтобы вы поспешили». –

Джигит надёжный провидца Шой-Бо
исчез, простившись, и больше его

не видели, поспешили домой,
пошли дорогой короткой, прямой.

Поздняя осень стояла тогда,
сырой и прохладной погода была.

Мрачные тучи низко висели,
и ветер, словно играл на свирели.

Вооружённый отец вышел к нам,
молча внимали его мы словам:

«Люди взъярены, в их домах
рыщут солдаты, наводя страх.

Навстречу к вам охрану послал,
очень за вас я переживал.

«Если короткой дорогой пойдут,
тогда домой они быстро придут», –

так думал я, к вам навстречу идя,
в сердце твой образ нежно, храня.

Надо к озёрам идти, говорят –
собрание там устроить хотят»... –

Не дав ему сказать до конца,
пристально глядя в глаза отца,

всё, что случилось, я сообщила,
в чём дела суть, ему пояснила,

и так закончила речь я свою:
«Нравится, нет ли, отец, но скажу.

От слов своих я не откажусь,
в дорогу быстро сейчас соберусь.

Что предназначено Свыше судьбой
исполним, в путь отправляемся свой». –

Сердце так сильно билось в груди,
думы о том, что ждёт впереди.

Идти спешила я на врага,
и знала – в этом доля моя.

Не ожидая, что скажет отец мой,
я очень быстро пошла домой.

За мной Киндик эне шла моя,
слова упрёков мне говоря:

«Дитя, отца так обидела ты,
несправедливы речи твои.

Ведь горячиться здесь ни к чему,
сдержанней будь, добре к нему.

Обидные очень сказала слова,
и закружилась от них голова.

Мысленно дай собраться отцу,
обдумать всё, позволь ты ему.

Он не успел тебе слова сказать,
ты поспешила тотчас убежать.

Это неправильно, что ты ушла,
его теперь страдает душа.

С тех пор, как выросла ты, стала большой,
свидетели истины мы одной.

Не обижал он тебя никогда,
знаю об этом не только я.

Ты сердце ранила часто ему,
ни я одна свидетель тому.

Алтынай, детка, меня ты пойми,
готов на смерть за тебя он пойти». –

От слов её стало совестно мне,
в ответ сказала своей я эне:

«То ли во мне ещё детство живёт,
и осознанье всего не придёт.

Правой привыкла считать лишь себя,
и это моя большая беда.

Как ни старалась, но не смогла
от эгоизма избавиться я.

Ты Киндик эне с доброй душой,
мне за поступок сейчас стыдно свой.

О нём, поверь, очень я сожалею,
душой своей всей отца жалею.

Его обидела, как всегда,
но не хотела этого я.

Не было в мыслях обидеть его,
и опечалить отца моего.

Душу сейчас охватило мою,
желание выйти в дорогу свою.

К отцу вернуться хотела сама,
очень прошу вас, простите меня!» –

Ласково обняв энеке¹ мою,
к её груди прислонила главу.

Нежно лаская и гладя меня,
она сказала такие слова:

«Свет мой, приказ отдан, отряд готов,
будет сражаться он против врагов.
В Чон-Бээджин в дороге главой
очень опасной, отец будет твой.

Так что к дороге готовься сама,
это отца твоего слова». –

¹ Энеке – ласковое обращение к матери, «матушка».

* * *

Наконец Чон-Бээджин достигли мы,
семь дней в опасном были пути.

Сорок ворот града были закрыты,
одни врата лишь только открыты.

Народ собрался на площади весь,
сорок аяров, хан Хэ-Ган здесь.

С башни за всеми они наблюдают,
женщин рассчитывают, выбирают.

Девочки, женщины вместе идут,
и вереницей пред ханом бредут.

На чёрном верблюде толстый ковёр,
шёлковый сверху стоит шатёр.

Внутри шатра того я сидела,
на всё спокойно очень смотрела.

Как оказались близко врата,
откинув полог своего шатра,

я на верблюда чёрного встала,
в глазах моих решимость сверкала.

В сторону башни спокойно смотрела,
сердце в тот миг моё не оробело.

Внимательно хан посмотрел на меня,
в руках подзорную трубу держа,

затем сурохо мне приказал
дать объясненье, которое ждал.

На него прямо, в очи глядя,
медленно, смело сказала тогда:

«Вести палачам себя не дала,
сама к тебе, хан Великий, пришла.

Выслушай хан слова ты мои,
ставлю тебе условия свои». –

И всё, что дервиш сказал, повторила,
ни одного слова не упустила.

На меня взглядом долгим смотрел
хан, словно что-то увидеть хотел.

И, повернувшись к провидцу Шой-Бо,
сказал суворо, глядя на него:

«Мудрость, способности сынчы¹ твои
знаю, огромны и велики.

Об этой девушке ты мне скажи,
сейчас всю правду о ней расскажи.
Скажи мне – истина ли её слова,
о том, что сможет родить она льва?

Не будет равных в мире ему,
есть доказательство ли тому?

Женщину эту сейчас испытай,
о ней, что нужно, всё ты узнай.

Сына батыра сможет родить
женщина-львица, что ж, тому быть.

¹ Сынчы – человек, специальность которого точно оценивать людей, коней по походке, по внешности и т.д.

Пусть же покажет своё мастерство,
тогда приму я условие её.

Знал ты – придёт она, чувствуя я,
и провести не старайся меня.

Клятву нарушив, знай теперь ты,
что не сносить тебе своей головы!» –

Не дав расслышать его слова,
стрелу пустила в корону я.

Острием прямо в корону попала,
она с главы хана наземь упала.

Не дав опомниться хану, потом
сказала вновь об условии своём.

Я, обращаясь к народу всему,
к хану, твёрдо сказала ему:

«Свою отвагу тебе доказала,
корону сбила, как обещала.
Если нарушишь ты клятву свою,
выстрелю в голову, мой хан, твою.

Если не сбудутся мои слова,
и не рожу батыра я льва

через десять месяцев, признав вину,
я наказание твоё, хан, приму». –

(Продолжение истории Алтынай, рассказанной
Алмамбетом в Хан Ордо, вспоминает Айкель Манас,
находясь на Тал-Чоку...)

РОЖДЕНИЕ АЛМАМБЕТА

«Перешагнула порог ханский я
чувствуя равной с ханом себя.

За время короткое Великий хан
построил прекрасный Каменный Град,

клятву, которую он давал,
Город подарив, её сдержал.

И неем когда покрылась земля,
в Каменный Город этот вошла.

В схватке суровой жизнь проживу –
я поняла, принимая судьбу...

С собой с озёр рабынь привезла,
Киндик эне со мной рядом всегда.

И небольшой, отборный отряд,
город тот день и ночь сторожат.

...Прошла зима и блаженна весна,
солнцем стучится в окна она.

На Святые Озёра гонца послала,
слова такие ему я сказала:

«Пару чинар с озёр привези,
корни деревьев ты сохрани,

посади в крепости их, на холме,
сделав арык, позволь течь к ним воде.

Если деревья те зазеленеют,
кроны покрыться листвой успеют,

и пустят корни деревья тогда,
сделаю всё, о чём попросишь меня». –

Так загадала на счастье я:
«Коли исполнится всё, то тогда

буду за будущее спокойна,
и, не тревожась душой, довольна». –

Когда чинары уже посадили,
и они корни в землю пустили,

их кроны нежной покрылись листвой,
я не могла порыв сдержать свой.

Радостью сердце моё ликовало,
оно лучами счастья сияло.

Теперь надеждой я светлой жила,
что наша исполнится мечта,

В день тот солнечный, летний тебя
у основания чинар, родила.

Девять дней мучили схватки меня,
терпела молча, и ни душа

не знала, как сильно мучилась я,
рядом была Киндик эне моя.

Лиши две души за всем наблюдали,
своё заданье они выполняли –

одна внутри, снаружи другая.
Бетви раскинуло дерево, скрывая

меня от взглядов чужих, я тогда
на день девятый тебя родила.

К рассвету ближе родился ты,
и прекратились муки мои.

Уши проколоты и плоть твоя
была обрезана, наша Земля

тогда с восторгом тебя приняла
в тот час, когда я родила.

В кулаке сжаты руки твои,
сгустки крови сжимали они.

Тучами ясное небо покрылось,
и непогода вдруг разразилась,

громом в небе прогромыхало,
и небо сразу же пасмурным стало.

Землетрясение поверхность земли,
вдруг всколыхнуло в эти часы.

С небес сильнейший ливень полился,
семьдесят дней потоком он лился.

Сели и оползни в горах прошли,
были тревожными все эти дни.

Земля от этих стихий вся дрожала,
и, словно знак она людям давала

о том, что младенец особенный это,
его принимала с любовью Планета.

Великий хан к себе Шой-Бо позвал,
и, беспокоясь, вопрос свой задал:

«Провидец мой, природа была
очень спокойной, сейчас же она

вдруг в одночасье так изменилась.
Что же, скажи мне, все ж приключилось?

Правду ты не скрывай от меня,
иначе, будет участь твоя

очень суровой и кровь твою
я, не задумываясь, пролью». –

Причину всего Шой-Бо уже знал,
предположения свои рассказал.

Из-за рождения твоего тогда,
от стихий сотрясалась наша земля.

Чтоб успокоить хана Шой-Бо,
решив развеять мысли его,

тогда о Манасе, все рассказал:
«О, хан Великий, хочу, чтоб ты знал,

что у бурутов в этот же час
мальчик родился, грозный Манас.

Ребёнок тот, что у нас родится,
более грозным на свет появится.

Грядущий день давай подождём,
Великий Хэ-Ган, тогда всё поймём.

Отдадим должное вместе с тобой
тому, что начертано было судьбой.

Правду поведал сейчас тебе я,
если не веришь, убей ты меня». –

Хэ-Ган Великий подумал тогда:
«Что же, как видно, это судьба.

Этот провидец мне правду сказал,
видимо, всё он заранее знал». –

И подозренья развеял свои,
без основанья ведь были они.

Записаны в книгу «Бичик» имена,
тех, кто спустился с Небес, и Земля

радостно своих детей встречала,
об этом Вселенную оповещала.

Ночью тайно к отцу моему отвезла,
от глаз чужих гряча, Киндик эне тебя.

Чтоб молоко в груди не пропало,
я для себя тогда выход искала.

И вскоре то, что искала, нашла,
тебе об этом сказать я должна.

При родах женщина умерла,
девочку тогда она родила.

Всё это было еще до меня,
её воспитала Киндик эне моя...

Она хотя продана была,
на руднике уже не жила,

прежнюю жизнь не забывала,
и по подругам своим скучала.

Отца моего уговорив,
и разрешенья его спросив,

на золотой рудник приезжала,
когда по подругам сильно скучала.

Однажды приехав снова туда,
услышала новость такую она:

«При родах женщина здесь умерла,
девочку она тогда родила.

Долго ребенок не проживёт,
следом за матерью тоже умрёт». –

Грустно рабыни так говорили,
как быть с ребёнком, они не решили.

Девочку пожалела тогда
и воспитала Киндик эне моя.

Девочке имя Гулян дала,
и отдавала ей всё, что могла.

Из Мин-Суу рода хана Нарбото раб был,
имя Нарбото – отца своего носил.

Женится на Гулян девушке он,
родят они сына Мажита потом.

В Каменный Град как приехали мы,
моя сестра с мужем жить к нам пришли.

Сын мой любимый, с Мажитом вы
братья молочные, знай это ты.

Как увезти тебя время настало,
чтоб молоко в груди не пропало,

грудью своей Мажита кормила,
так молоко своё я сохранила.

* * *

До моих «родов» немного осталось,
близился день, когда предполагалось,

что ты родишься, придя в этот мир,
ну, а пока набиралась я сил.

Тайно, в назначенный день, тебя
вернул мне Нарбото, привёз от отца.

Время настало родиться тебе,
и испытанье пришлось пройти мне.

Адские боли тело терзали,
очи наполнили слёзы печали.

Чтобы «родить», я успешно смогла,
на кол посадили арчовый меня

Тело разбито было моё,
потом покрылось липким оно.

Хлынула кровь из меня, от неё
всё окровавлено было, красно.

Крепко, сухой кол в землю вогнав,
за поясницу меня привязав,

накрыв чапаном¹ тело моё,
меня посадили на остиё.

К ране Куу² потом приложили,
затем на землю меня положили.

Гулен, Нарборо и Киндик эне моя,
хитростью так разродили меня.³

«Суюнчу⁴! Мальчик родился! – кричали,
Ребёнок тот, которого ждали!» –

Гонца к Гуйянь-Гану послали,
и эту весть ему передали.

В шёлк завернули, сынок, тебя,
Азизу Киндик эне дитя отдала.

¹ Чапан – лёгкая верхняя длинная одежда.

² Куу – это вроде стерильного бинта. Его изготавливали вот так: кусок чистой выстиранной тряпки или кошмы сушили на солнце и хранили в чистом и сухом месте, затем его применяли чтобы остановить кровотечение или лечить открытую рану.

³ Хитростью так разродили меня – действительную дату Рождения Алмамбета скрыли. По подсчётам придворных астрологов сын Азиз хана должен был родиться через девять месяцев после его женитьбы на Алтынай. Как раз в этот день и было симитировано уже вторичное рождение Алмамбета.

⁴ Суюнчу – радостная весть, за которую принято чем-то отблагодарить.

В сомнении он глазами сверкал,
тебя, как родного, не признавал.

Давно провидцы дни посчитали,
точную дату родов сказали.

Если развеет Великого хана сомненье,
то получит Шой-Бо вознагражденье.

К Великому хану в Чон-Бээджин,
благословенье его получить,

Азиз хан собрался, чтобы потом
устроить на радость всем той большой.

В путь с Азизом отправились мы,
Великому хану тебя привезли.

Собрав всех провидцев, монахов и лам,
готов к испытанью Великий хан.

«В колодец ребёнка я опущу,
что будет с ним, потом погляжу.

Если не мыслит он против нас,
живым останется тогда сейчас.

В противном случае, пусть же его
проглотит колодец, потянет на дно». –

Внешне спокойствие я сохраняла,
душа моя плача, молча страдала,

ноги ослабли и подкосились,
сердцем к Создателю я устремилась.

Страстно молила: «Создатель мой!
сделай, чтоб сын мой остался живой!»

Очень прошу я Тебя, помоги,
вынести все испытанья Твои!» –

Мрачный колодец открыл свою пасть,
словно дракон, собираясь напасть.

Великий хан, подняв выше себя,
в страшный колодец бросил тебя.

Вдруг над колодцем свет засветился,
в белое облачко он превратился,

и белым шёлком стало оно,
а ты, сынок, упал на него.

Люди в толпе заволновались,
только смотрели и удивлялись.

Группа аяров, монахов и лам,
хором они поздравляли Хэ-Гана:

«Благословенен китайский народ!
Пусть же теперь он спокойно живёт.

Этот ребёнок знаменем станет,
войско китайское он возглавит.

Благослови Буркан имя его,
пусть назовут мальчика Шао-ОНбо»... –

Из толпы вышел дервиш один,
подойдя к Азизу, заговорил с ним.

На животе свои руки сложил,
голову низко свою он склонил.

На хана пристально он поглядел,
словно в глазах его что-то узрел.

Высоким голосом затем сказал:
«Хан Гуйянь-Ган, хочу, чтоб ты знал:

не спеши имя сыну давать,
именем этим его называть.

Знаю, ты очень умный, хан мой,
и потому не спорь ты с судьбой.

В «Бичик» записано имя его,
если изменишь, лишишься всего.

Помни всегда ты, Азиз хан, то,
мальчику имя Свыше дано.

Алмамбет – так ребёнка зовут,
благословен весь его Путь». –

Дервиш вдруг резко речь оборвал,
с места исчез того, где стоял.

Все подозренья развеялись у Великого хана,
и у Гуйяна излечилась душевная рана.

Имя тебе – Алмамбет тогда дали,
резали скот и той собирали.

Девять десятков дней той этот длился,
в памяти многих людей сохранился.

В Чон-Бээджине он проходил,
веселым и радостным праздником был.

О женщине той, что льва родила,
ходила тогда в народе молва:

как данное хану слово сдержала,
и выстрелом метко в корону попала.

С характером львицы, даром¹ она
таинственным Свыше наделена.

Люди о ней легенды слагали,
от своего любопытства сгорали...

* * *

Из Чон-Бээджа ехали мы,
об отце были думы мои.

Предполагала, будет нас ждать,
выйдет навстречу, чтобы встречать.

На повороте в Каменный Град,
он на дороге нас ждал и был рад

встречи, что будет скоро со мной,
установил шатёр он большой,

тот на краю дороги стоял.
Уже давно нас отец поджидал,

к нему навстречу бросилась я,
взглядом печальным смотрел на меня.

¹ Даром – даром ясновидения.

Он рассказал мне мысли свои,
о чём тревожился все эти дни.

Меня, обняв, гладил по голове,
радостно плача, поведал он мне:

«Алтынай, Свет мой, я горевал,
что родилась девочка, страдал.

Много лет принижал я тебя,
пусть же Тенир простит меня.

И у тебя, дочь, прощенье прошу,
прости сейчас ты маму свою.

Она тобой пренебрегала,
твоё достоинство ущемляла.

Сейчас прости ошибку её,
и успокой ты сердце моё.

Если бы мальчика Наар родила,
то неизвестно, что было б тогда.

Разве он был бы подобен тебе?
Верным остался бы нашей мечте?

Может, богатством своим ослеплён,
предал, зазнавшись, мечту нашу он.

Что я отец твой, сейчас не хвалюсь,
люблю, и мужеством твоим горжусь.

Не нахожу слова, чтоб описать
чувства, и что на душе – рассказать.

Моя родная, ты словно гора
стала опорой мне, старый ведь я.

Силы покинули, уйти могу
в мир иной скоро, но я не грущу,

потомок остался ведь после меня,
семь тысяч препятствий суровых пройдя,

до Родины, побеждая, дойдёт,
и свой народ родной там найдёт.

Истосковался по Родине я,
но теперь верю, что после меня

потомок мой до Отчизны дойдёт,
и горсть землицы родной принесёт,

на могилу положит мою, и тогда
будет спокойной моя душа.

Свет мой, скажи, может быть муж твой,
свернув сейчас, к нам поедет домой.

За тобой Озёра Близнецы скучают,
покой потеряв, тебя ожидают,

сильные волны на них бушуют,
голубь твой белый тоже тоскует.

Его часто вижу на берегах я,
бродит вдоль них он и ищет тебя.

Как по тебе скучает земля,
та, где ступала нога твоя.

Подруги твои, с кем вместе росли,
по тебе тоже скучают они.

Очень соскучился по тебе я,
и вспоминаю часто тебя:

как развлекаясь, играли с тобой,
как на озёра тебя брал с собой,

потом вдоль берега долго водил,
игры веселые заводил.

Смеялась звонко весело ты,
когда друг за другом бегали мы.

Утром, на зорьке игра начиналась,
с заходом солнца, домой собирались.

Так целый день в игре проводили,
счастья минуты в душе сохранили.

По дням счастливым тем, я скучаю,
придя на озеро, их вспоминаю.

Озеро со мной тоску разделяло,
слёзы сольные волн, проливало.

Землю родную свою посети,
где прошло детство твоё, и приди

к Святому Озеру, там ты гуляла,
с ним вместе часто рассветы встречала.

Развей тоску, так соскучился я.
К озёрам поедешь, родная моя?

Слышал, Азиз хан, слова ты мои,
если согласен, тогда поверни

свой караван и езжай скорей к нам,
рады мы будем желанным гостям». —

Многое исполнилось, что хан желал,
он переполненный чувством, стоял.

Хану Азизу отдал Великий хан
прииск, который забрал Лоян-Ган.

От рудников Азиз хан получал
прибыль, Хэ-Гану¹ он отдавал

прибыли ровно половину.
Великий хан видел причину,

чтобы рудник Тянь-Ян златой отдать
в распоряжение Азиза опять.

Сказал Великий хан Азизу тогда:
«В честь сына твоего подарок сделал я». —

Вызвав затем Лоян-Гана, сказал
голосом грозным, ему приказал:

«Сына возвысил я твоего,
ханом монахов сделал его.

Прииск хозяину вернул златой,
не обижаясь, прими то душой.

Переезжайте в ханство монахов,
живите мирно, не зная страхов.

Вашим делам я не буду мешать,
вопросы налогов самим вам решать.

Если посмеешь не слушать меня,
и заупрямишься, тогда тебя

¹ Хэ-Ган — китайское имя императора.

я в Андижан переехать заставлю,
не пожалев, без поддержки оставлю.

Если вы с львиным сердцем батыры,
тогда направьте всю мощь своей силы

сейчас на бурутов, как гнали вас, вспомни,
о роде Чыйырды храбром, напомню.

Для них свою месть прибереги,
а Гуйян-Гану ты больше не мсти»... –

Рад был Гуйян, что избавился он
от Гай-Юань-Тхая, в деле том

уладить многое получилось,
и без скандала всё разрешилось.

Душа Гуйяна спокойной была,
очень доволен был он тогда.

Азизу понравилось, что нас встречал
мой отец, и на дороге нас ждал.

Он приглашение принял его,
просьбу исполнил отца моего.

Повернул, долго не думая, хан,
в сторону Святых Озёр караван.

На отрог «Калмак-Ашуу» поднялись,
озера волны вдали виднелись.

Сердце забилось моё в груди,
видела озеро там, впереди.

Стало горячим тело моё,
словно огонь горело оно,

слёзы горячие из глаз моих
полились, не замечала я их.

К озеру ближе спуститься решила,
к нему навстречу я поспешила.

Сильно радуясь словно дитя,
как будто ценное что-то нашла.

Святое Озеро ко мне устремилось,
радостным светом оно засветилось,

кудряевые волны навстречу бежали,
ласково ноги мои обнимали.

Прямо в одежде бросилась я
в озеро, счастье коснулось меня.

Так, по пояс в воде стояла,
ласково волны я обнимала.

«С матушкой рано своей разлучилась,
«Алтын Нур»¹, ты любовью светилось,

её с лихвою мне отдавала,
и теплоту матери заменяла.

Мы, обнимая друг друга, стояли,
свою тоску, как развеять, не знали.

Как мать с ребёнком любовь отдавали
друг другу мы, и душою сверкали.

¹ Алтын-Нур – букв. «Золотой Луч» – название озера.

...Мы уже несколько дней гостили,
Святые Озёра меня зарядили

своей энергией света, добра,
было поддержкой, то для меня.

Сидели поздним вечером мы,
свою беседу мирно вели.

Азиз хан холодно сказал, войдя:
«Выполнил просьбу твою, свёкор, я.

Если не против, обратно поедем,
завтрашний день в дороге мы встретим.

В честь своего сына той устрою,
свои намерения сейчас, не скрою.

На этот той приглашаю я вас,
надеюсь, что посетите вы нас.

Перед дорогой дальней пойду,
и хорошо сейчас отдохну.

Вы отдохните тоже, а я
мира желаю всем и добра». –

Азиз хан вышел, сразу тогда
вскочила, душа болела моя.

Своё лицо к отцу повернула,
на него грустно очень взглянула:

«Отец, возможно ли, чтобы я,
на берег озера сейчас пошла?

Проститься с Озером Святым хочу,
когда к нему ещё я приду?

Ведь неизвестно, приеду когда,
да и приеду ли, сюда ещё я»... –

«К озеру иди, моя Алтынай.
Приготовленым займись, Урюлай,

Нарбото с собой тоже возьми,
и приготовь к дороге всё ты.

Алтынай встретьте затем, не спеша,
за Алмамбетом смотреть буду я.

Не обделю вниманьем его,
не отойду ни на шаг от него!» –

...Лунная ночь. Поверхность воды
ник отражает полной луны.

Под волной ласково песок шуршит,
песня печальная птицы звучит.

Песню ту грустную слушала я,
сжалась в тоске душа моя.

Серенькой птички печаль поняла,
словно одна она у нас была.

Плакала я, сидя на берегу,
освобождая тем душу свою.

Слёзы печаль и тоску унесли,
горечь и боль вместе с ними ушли.

Мокрым от слёз было моё лицо,
полней грудью, вздохнув глубоко,

на воды озера я посмотрела,
и красоту вокруг сердцем узрела.

Вспомнила, как в полнолунье тогда,
Алтынай девочка пришла сюда.

Чувство забытое, в сердце проснулось,
мне, подмигнув, луна улыбнулась,

и в небеса меня снова звала,
в озере, в водах, словно плыла.

Светится озеро серебром,
лыются потоки света лучом.

Тысячи лучей спустились с луны,
в водах рассыпались светом они.

В сторону озера луч мой светился,
вдруг от него тот улан отделился,

ко мне навстречу быстро идя,
пристальным взглядом смотрел на меня.

Прошла по телу истомы волна,
разгорячилась кровь в жилах моих.

Медленно свои глаза подняла,
взгляд на улана направила я.

Он подошёл ко мне, молча, вздохнул,
взял меня за руки, нежно взглянул.

Пристально ему смотрела в глаза,
голосом нежным шептал он слова:

«Молодость твоя быстро прошла,
мудростью многих ты превзошла,

много в жизни переживала,
матерью ты уже зрелой стала.

Алтынай, чистая душа твоя,
будь осторожна в жизни всегда.

Пущена, если будет стрела,
пусть не коснётся она тебя.

Все подозренья Азиз хан свои
глубоко спрятал в душе, знай же ты.

Велел шпионам следить за тобой,
скверный характер показал свой.

Мысли о будущем не открывай,
тепло души своей ему отдай.

Советуйся с ним, делись обо всём,
не думает пусть Азиз хан о плохом.

О твоих способностях, о чистоте
знает, но не говорит он тебе.

Напомни ему, что Лойян-Ган всегда
его ребёнку желает лишь зла.

Гай-Юань-Тхай сторожей наняв,
нянек обманет, ребёнка украв.

Яд ли ребёнку они дадут,
иль, если смогут, его украдут.

Им всё равно, цель у них одна –
убить ребёнка, неважна цена.

Пусть посторонний в дом не войдёт,
пусть даже мышь туда не пройдёт.

Киндик эне пусть ребёнка растит,
пусть в оба глаза за ним следит.

Скажи, доверяешь дитя только ей,
пусть воспитанием займётся теперь.

Никому больше ты не доверяй,
чужих людей к ребёнку не допускай.

Пока не исполнится шесть лет ему,
дитя не показывай ты никому.

Когда исполнится полных шесть лет,
время придёт познать белый свет.

Отдать учиться дитя предложи.
«Давай в «Кёйкан»¹ отправим», – скажи,

«Получит магов пусть обученье». –
Ему преград не будет в ученье,

не бойтесь вы только места того,
в книге «Бичик» есть имя его.

Не приключится беда больше с ним,
он покровителем будет храним.

¹ Кёйкан – тайное учебное заведение, где открывали в учащемся сверхнормальные способности, а также постигали военные навыки.

Двери в «Кёйкап» дракон стережёт,
не бойтесь, мимо Алмамбета он пройдёт.

В том обучении есть свой секрет,
длится оно целых двадцать пять лет.

Двенадцать лет будут там обучать,
науки многие, чтобы познать.

Знания, затем шесть лет получают,
они границы их расширяют.

Когда границ знаний достигают,
семь лет еще учатся, всё закрепляют.

Жетикти¹ – ступень знаний всех есть,
её достигшим, по пальцам счасть,

в области знаний, она последней стоит,
её достигший, силён, как гранит.

Среди людей ему равных нет,
познал Вселенной нашей секрет.

Не всем достигнуть, то суждено,
не всем постичь, знания те дано.

Тайна Вселенной так глубока,
хранится многие она века,

от человека стараются скрыть,
боятся всем людям её открыть.

¹ Жетикти – уровень совершенства.

В Суук-Тёре¹ так проходит ученье:
делится на три этапа всё обучение,

семь лет на каждый этап дано,
двадцать один год учиться всего.

Определите последний этап,
когда закончится, сделайте так:

точно день этот вы посчитайте,
не ошибаясь, дату узнайте.

Когда до конца всего обученья,
полгода останется, без сожаленья,

место учебы надо покинуть,
иначе может он совсем сгинуть.

Если не сделает он так, тогда
сына лишишься ты навсегда.

Не обратится к тебе, говоря,
как это было, не скажет: «Апа».² –

У человека – Бога творенье,
выше пупка одно есть сплетенье,

с большой пальц размечом оно,
«солнечным» – так называют его.

Связано с солнечным оно лучом,
душу тот луч согревает теплом.

¹ Суук-Тёр – название местности, где проводилось тайное обучение.

² Апа – мама.

Яркий огонь в груди пылает,
в сердце любовь он возрождает.

Если убрать из тела сплетенье,
огня лишится оно горенья,

утратит тот человек теплоту,
забудет мать, отца, землю свою.

Он будет пулей живой тогда,
лишь одной цели верен всегда.

Когда учёба к концу подходит,
с учеником вот что происходит:

живот вспоров, вырезают сплетенье
что у пупка, и своё назначенье

до конца жизни он выполняет,
кроме тех знаний, всё забывает.

Без теплоты душа замерзает,
кого в дороге своей встречает

всех убивает, человек он стрела,
стреляет метко очень всегда.

Запомни, что ты сделать должна:
не жди учебы срока конца,

а вызови за полгода его,
до окончания срока того.

В Чон-Бээджине не должен он
стать ханом, в этом есть свой резон.

Своему сыну всё расскажи,
исполнятся пусть твои мечты:

вернуться снова к людям своим.
Прощай, всегда рядом буду я с ним.

И если он попадёт в беду,
зной, ему я всегда я помогу»... –

Сливаясь с дымкой, он отдалился,
в лунном свете потом растворился.

Жизнь предо мною лишений полна,
пройти с достоинством её я должна.

Цель – к высокой вершине идти,
и перевал перед ней перейти.

Осуществлю отца я мечту,
и свои силы все приложу.

Смерти своей, совсем не боюсь,
выполню всё, что нужно, клянусь.

Если отец до родных не дойдёт,
и здесь покой свой последний найдёт,

родной земли ему горсть принесу,
и на могилу его положу.

Он так по ней всю жизнь тосковал,
увидеть вновь Отчизну мечтал.

Святыму Озеру клятву дала,
и попрощавшись, домой я пошла.

Всему свидетель ты, мой сынок,
хранила тайну весь этот срок.

С того момента, до сего дня,
весь клятвы груз взяла на себя.

О народе родном, Отчизне всегда
помнила, моя страдала душа.

Мой отец, мама, а также моя
мама приёмная Урюлайым никогда

не теряли надежду увидеть свою
Отчизну, в душе сохраняя мечту,

но, не достигнув заветной мечты,
все на чужбине в иной мир ушли.

Сын мой, сейчас, видно, время пришло
мечты исполнить и выполнить все,

перед родными, о чём я клялась,
вернись на Родину нашу за нас»...

(О продолжении истории Алтынай, где она рассказывает о рождении Алмамбета, вспоминает Айкёль Манас, находясь на Тал-Чоку...)

УЧЁБА АЛМАМБЕТА В КЁЙКАПЕ

...Печальным голосом это сказал
Алмамбет, долго потом молчал.

Так опечаленный он сидел,
ни на кого, задумавшись, не глядел.

В больших глазах его, слёзы стояли,
словно жемчужины они сверкали.

Он вскинул бровь, свой лик повернул,
на мою маму Батме¹ взглянул.

Медленно кумыс медовый в кесе
глотнул, задумался грустно вполне,

затих, на лик светлый мамы моей,
он, бросив взгляд, сказал затем ей,

продолжив дальше повествовать:
«В заботах, хлопотах каждая мать

живёт, ребёнку любовь отдавая,
с чем её можно сравнить? Не знаю.

¹ *Батма* – Батмазуура.

Измерить можно ли труд матерей,
тревоги все за своих детей?

Мать и отец, не жалея себя,
всё отдают своему дитя.

Так до последнего вздоха живут,
к цели намеченной вместе идут.

Перед родными свой долг исполняя,
чтобы сбылась мечта, страстно желая.

Теперь моя мама уже умерла.
Сдержала она слово? Скажи мне, апа.

Клятву, которую родным дала,
Святому Озеру, считаю я –

исполнила моя мама сполна.
Последние её были слова:

«Землю родную ты привези,
на могилу отцу моему положи!» –

...С этого момента буду я
вести рассказ свой лишь от себя.

* * *

Шесть лет исполнилось осенью той,
ждал того дня отец очень мой.

Два раза в год – осенью и весной,
возможность есть осуществить план свой.

Лишь на короткое время тогда,
«Кёйкан» откроет свои врата.

Отец готовился мой с весны,
чтоб на учёбу меня отвезти.

Он с нетерпеньем осени ждал,
осуществить то, о чём так мечтал.

Цель его – чтобы владельцем я стал
знаний, которыми не обладал

ни один смертный, чтоб властвовал я,
чтобы подняли до хана меня,

чтоб Чон-Бээджином управлял,
чтоб там никто головы не поднял.

Для исполненья заветной мечты,
не жалел средства и силы свои.

...В сторону Суук-Тёр двинулись мы,
были суровы, трудны эти дни.

Ехали семьдесят дней, и едва
прибыли в крепость монахов тогда,

что в Лхасе. Они нас бросают
в крепости на семь дней, отправляют

в горы затем, перевал чтоб пройти.
Семь дней пришлось нам до места идти.

Крепость стояла на вершине горы,
ламы монахи её стерегли.

Построена она из камня была,
многие шли, направляясь туда.

Лазутчики, чтоб до «Кёйкапа» дойти,
в одежду лам одевались они.

Их караул в виде дракона встречал,
в озере «Туздуу кёль»¹ он обитал.

С того дня, как «Кёйкап» существовал,
случайных людей дракон не пропускал.

Мимо того дива трудно пройти,
«Кёйкап» манил, словно в сети свои.

Много людей стремилось туда,
и не одна там погибла душа.

Чванливый хан с чином, полководец
гордый, жадный на злато торговец,

который мир весь объездил, мужи,
львами считали себя все они.

Ребёнка жизнь своего не щадя,
по принципу «будь, что будет», туда,

в Суук-Тёр едут к диву они,
и испытанья проходят свои.

Над озером, голову подняв, стоит
дракон, и за всеми сурово следит.

Одна голова огонь изрыгает,
и на пути её всё сгорает,

¹ Туздуу кёль – солёное озеро.

в уголь горящий, людей превращает,
если уйдёт кто, то дождь проливает

вместе со льдом вторая глава,
стужей и холодом дышит она.

Кто от огня, не сгорев, ушёл,
тот, замерзая во льду, смерть нашёл.

Сколько тысяч детей мечтали
учиться в месте тайном, не знали,

что гибель найдут они от огня,
замерзнут в холода на куче льда.

Ещё одна дракона глава
не оставляет от куч и следа,

вдыхая их глубоко в себя.
Лишь через все испытанья пройдя,

ребёнок сможет тогда получить,
возможность тайны Вселенной открыть.

... Для детей, чьи имена проявились
в книге «Бичик», и они, чтоб явились,

дверца есть – сбоку пещеры она,
через неё можно пройти всегда.

Чтоб через дверцу ребёнок прошёл,
выносит решение Лама Большой.

Первое испытанье пока
малыш проходит, монахи тогда

в Лхасе внешность, имя уточняют,
происхождение определяют,

записи в книге «Бичик» подтверждают,
тщательно очень всё проверяют.

На среднем пальце правой руки,
кольцо копдовское с печатью внутри.

Его Большой Лама сам надевал,
ребёнка без кольца Кёйкап не принимал.

На всю жизнь надето это кольцо,
снять невозможно с пальца его.

Лама, которому главный мама поручает
ребёнка, до тайных дверей его провожает,

вернувшись, потом он родным сообщает
об этом, родные домой уезжают.

С отцом у ворот я попрощался,
вошёл в них, а он снаружи остался.

Ребят набилось в крепости много,
троих отделив нас, очень сурово

с нами монахи теперь обращались,
вели нас куда-то, ни с кем в пути не встречались.

И той же ночью холодной, они
в Сук-Тёр тайно нас привезли.

... Последний мы перевал перешли,
расположившись затем спать легли.

Приснился мне удивительный сон,
остался в моей памяти он:

матушка моя стоит на горе,
я вижу слёзы её на лице,

ручьями вниз стекают они,
словно река несёт воды свои,

всё на своём пути сметали,
камни, песок они размывали.

И снова потоки этой воды,
стремились к вершине высокой горы.

Камни, которые воды те смыли,
дорогу массой своей перекрыли.

Взбирайся вверх, я к маме иду,
подняться на гору никак не могу,

и не могу я вернуться назад,
ведь на пути моём камни лежат.

Я, беспокоясь, так и стоял,
что же мне делать дальше, не знал.

Дервиш один босоногий тогда,
подняв с земли, погладил меня,

и тихим голосом грустно сказал:
«Мой милый, хочу сказать, что ты знал:

вечером завтра до места дойдёте,
и через двери в пещеру войдёте.

Когда вовнутрь пещеры войдёшь
ты через дверь, испытания найдёшь.

Встретит тебя темнота, и тогда
не смогут видеть твои глаза.

Будет там воздуха очень мало,
его для дыханья едва бы хватало.

Будешь дышать с трудом, и со лба
струёй польётся пот у тебя.

Назад захочешь вернуться, спеша,
но будет наружу дверь заперта.

Когда глаза уж привыкнут твои,
и в темноте будут видеть они,

тогда в пещере место найди,
оно одну тайну в себе хранит.

Стоя напротив себя, посмотри,
стенку ощупав, щель там найди,

изо всех сил на неё надави,
и дверь бесшумно тогда отвори.

Прольётся свет яркий за дверью той,
свои глаза, не забудь ты, закрой.

открой не сразу их и тогда,
не будет для твоих глаз вреда.

Когда построят вас, будь справа ты,
держись всегда правой лишь стороны,

и безошибочно выйдешь тогда,
не поглотит эта бездна тебя». –

Он на дорогу вывел меня,
туда, куда хотел идти я,

затем обернулся, прощаясь со мной,
и уходя, махнул мне рукой.

Я закричал ему вслед: «Атаке!»¹ –
Очень уж страшно во сне было мне.

В испуге очнулся от того сна,
его запомнил я навсегда.

На другой день долго мы шли,
в сумерки лишь до места дошли.

Достигли тайной пещеры, и там
открылись двери те тайные нам.

Потом всё было, как в этом сне,
о чём поведал тогда дервиш мне,

и выбрал правую сторону я.
Когда мне трудно было, всегда

во сне ко мне дервиш тот приходил,
о том, что будет, он говорил,

как поступить, объяснял он мне,
был со мной рядом всегда во сне.

¹ Атаке – ласковое обращение к отцу.

* * *

Из темноты, когда вышел я,
запела от радости душа моя.

В чудесном месте я очутился,
необычайный свет там светился,

скалы высокие вокруг стояли,
небо вершинами подпирали,

озеро посередине сверкало,
душу мою красотой волновало.

Радостно сердце билось в груди,
и я не знал, что ждёт впереди.

Тело безмолвие только пугало,
оно его ещё не сознавало.

Вдоль берегов озёрных, росли
деревца тонкие и камыши,

посередине дорога лежит,
на двое берег делит она. Словно спит

вокруг всё и не имеет души,
ветер не дует в этой тиши,

словно нет жизни в той красоте,
и нарисованы пейзажи все.

Я завороженный будто, стоял,
куда идти, совершенно не знал.

Услышал звук вдруг сзади себя,
и повернулся, назад глядя.

Си-Бай¹ шёл с кем-то прямо за мной,
на незнакомца направил я взгляд свой.

Были широкие плечи у него,
умные очи, бледное лицо,

в одежду чёрную был он одет.
В душе моей горел яркий свет,

сердце в груди радостно билось,
ярким огнём радость светилась.

Душу живую встретил здесь я,
от того радость на сердце была.

Согнув колени в поклоне свои,
главой коснулся чужой я земли.

Был незнакомец похож на портрет,
казалось, жизни в его лице нет.

Передвигалась фигура его,
а значит, все-таки был он живой.

Холодно он посмотрел на меня,
жестом руки, словно мне говоря:

«Иди сюда», – руку он протянул,
взгляд у него был холoden, хмур.

Я удивленно смотрел на него,
поднявшись, за руку взял его.

Вёл он меня, Си-Бай шёл позади,
так всю дорогу молча, мы шли.

¹ *Си-Бай* – имя ровесника Алмамбета, который впоследствии стал самым метким стрелком.

Та устрашающая тишина,
вскоре совсем исчезла она.

Когда камышовую тропу прошли,
дорогой прямой тогда мы пошли.

Траву ветерок нежно ласкал,
словно о чём-то он ей шептал.

Природа, словно опять ожила,
ласкала звуками слух вновь она.

У края дороги родник журчал,
водицы испить, будто он приглашал.

Жадно смотрел на неё я тогда,
мучила жажда сильно меня.

Пристально на незнакомца глядя
прямо в глаза, сказал ему я:

«Кто вы? Скажите! Ответьте же мне!
Куда мы идём? Остановимся где?

Жажда замучила, голоден я,
можно напиться мне из родника?» –

Мне показалось, что мягче он стал,
не сказав ни слова, за руку взял.

Когда вперёд пошёл он со мной,
сзади Си-Бай заревел как шальной:

«Ответь мне, что ты, глухонемой,
с чёрствой, твёрдой, как камень, душой?

Не торопись, быстро ты не иди,
дай же напиться мне этой воды.

Втроём в пещеру, вместе вошли,
так, почему сейчас врозвь идём мы?

На берегу озера Ли-Чан¹ отстал,
ослеп, совсем он беспомощным стал.

Быстро идёшь, вперёд лишь глядя,
и дела нет тебе до меня.

Не успевая, быстро иду,
тебя догнать никак не могу.

Его ты за руку ведёшь всегда,
так, почему не глядишь на меня?» –

«Меня напрасно ты не обвиняй,
не виноват я, поверь, и знай:

встретить другой должен был тогда вас,
если б достиг он в назначенный час

место «Безмолвное», тогда бы тебя
за руку вёл человек тот всегда.

И в том, что он за тобой не пришёл,
тебя не встретил там, не нашёл,

вины моей никакой нет, пойми,
хочешь, за мной тогда, молча, иди.

Если вернёшься к «Безмолвному» ты,
узнаешь все повороты судьбы.

¹ *Ли-Чан* – имя еще одного мальчика, который учился вместе с Алмамбетом.

И не делай одолжение же тем никогда,
что ты пришёл учиться сюда.

Немного ты, Алмамбет, потерпи,
сейчас за мною, молча, иди,

сможешь водицы скоро испить,
а так же голод свой утолить». –

Не говорили более мы,
только вперёд с ним далее шли.

Родник остался, журча позади,
исчезли жажда и муки мои.

Тот незнакомец вперёд меня вёл,
с мыслью: «Скорее б дойти», – я шёл.

Вокруг обычной природа была,
шёл, останавливаясь часто я,

и с любопытством на местность смотрел,
но вскоре взгляд впереди мой узрел

мрачную крепость среди крутых скал,
я, повернувшись, Си-Байя искал.

От нас отстал он и был далеко,
ему идти было так нелегко.

По сторонам торопливо глядя,
быстро слова свои говоря,

тот незнакомец склонился ко мне:
«Алмамбет, хочу сказать я тебе:

сейчас другой придёт за тобой,
и поведёт тебя за собой.

Молча за ним, спокойно иди,
на ночь предложит оставаться, скажи,

что ты согласен, но от еды
ты откажись и ему сообщи,

что аппетита нет у тебя,
словно испуган, веди ты себя.

На завтра всех вас построят в ряды,
в первом ряду встань ты, впереди.

«Повернись», – будет вам отдан приказ,
направо одни повернутся из вас,

другие налево в строю повернут,
направо ты поверни, не забудь.

Свет мой, послушай, что я говорю,
ещё раз об этом тебе повторю.

В строю направо ты поверни,
только тогда ещё встретимся мы»... –

В этот момент к нам Си-Бай подошёл,
он позади нас медленно шёл.

Знак незнакомец дал мне «молчи».
Скоро достигли крепости мы.

Крепость внутри поразила меня,
она снаружи другая была.

К склону горы дорожки вели,
тянулись тонкой нитью они.

Сверкала чёрной гладью скала,
и поражала величьем она.

У основанья этой скалы
двери были выдолблены.

Междур горой и крепостью той,
очаровав взгляд своей красотой,

находился искусственный водоём,
рыба резвясь, плавала в нём,

переливалась цветами она,
эта картина прекрасной была.

Горшки из камней цветных стояли,
узоры дивные их украшали,

цветы прекрасные в них росли,
запахом нежным пленили они.

Деревья разных видов стояли,
ветви свои, на ветру качали,

дивные птицы на них сидели,
они прекрасные песни пели,

переливались птиц голоса,
была мелодия дивная та.

Околдовал вид прекрасный меня,
слов не найду описать его я.

Слово «ажайып»¹ не понимал,
смысл его до сих пор я не знал.

Ту красоту нельзя описать,
слов нет, чтобы о ней рассказать.

Как незнакомец исчез и куда,
что с ним стало, не знал я тогда.

Что путь прошёл из последних я сил,
о том, что голоден, сыт ли – забыл.

Очаровала нас красота,
в наших сердцах она ожила.

В саду, у озера берега мы
стояли, пьяные от красоты.

Шорох услышали вдруг рядом мы,
вздрогнув, направили взоры свои

в сторону, человек там стоял,
вид необычный его, поражал.

Как незнакомец тот он был одет,
в одежде их отличия нет,

но внешность была другой у него –
глаза ввалились, белое лицо,

нависшие брови и острый взгляд,
ему, навряд ли, кто-то был бы рад.

Насквозь, казалось, он видит тебя,
и из-под ног уходит земля.

¹ Ажайып – дословный перевод означает несконченно красиво, нет подходящих слов описать это.

Опущены уголки его губ,
плавен в движениях он, не груб,

идёт, как женщина, семеня,
словно подкова его борода,

торчит, будто из чия она,
непривлекательной внешность была.

И кто бы ни посмотрел на него,
его передёрнуло бы всего.

Пристально он исподлобья смотрел,
голосом тонким, словно скрипел:

«В крепости этой дороги все,
будут закрыты скоро везде.

Следуйте, ханзаада¹, бек, за мной,
идите же по дороге вы той,

красного цвета, к горе что ведёт,
она у горы к двери приведёт».

По ярко-красной дороге мы шли,
к склону горы не скоро пришли.

На склон, забравшись, двери нашли,
и к ней все вместе мы подошли.

Бесшумно дверь отворилась, тогда
тот человек вошёл в дверь, семеня.

Сверкала ярко внутри гора,
белая-белая она была.

¹ Ханзаада – царевич.

Несколько помещений было внутри,
напоминали город они.

Для каждой профессии свой корпус был,
здесь ученик двадцать один год жил.

У входа, прямо возле двери,
находились в маленькой комнате мы.

Должны были ночь там одну провести,
чтобы потом уже дальше идти.

Семеро только ребят пришли
осенью той, до «Кёйкапа» дошли.

Из семи тысяч детей, только мы
цели достигли волей судьбы.

Друг друга по именам, не зовя,
люди в одежде чёрной тогда,

между собой тихо так говорили,
бесшумно двигались, словно парили.

В порядок заботливо нас привели:
омыли, в одежду одели они.

Одежда у всех однотипной была,
поставили нам условия тогда,

чтобы любую еду ели мы,
поставили яства перед нами они.

Но на еду не смотрел даже я,
пропал аппетит тогда у меня.

Лечь поскорее я захотел,
еду, что была предо мной, Си-Бай съел.

Мешки лишайником были полны,
близко друг к другу лежали они –

были кроватью для нас ночью той,
каждый нашёл лишь здесь ночлег свой.

Помню, когда я уже засыпал,
то запах дыма иной совсем стал.

Лишь только утром проснулся, когда
услышал: «Стройся», – приказ, этот я.

В тот день Си-Бай направо со мной,
повернул после команды той,

и вместе с ним потом мы ушли,
были совместны наши пути.

Что происходит, не знал ещё я,
не понимал, почему же тогда,

утром ребята бесчувственны были,
и так равнодушно на всё смотрели,

не сторонились друг друга они,
предположения не строя свои,

быстро команды все выполняли,
и недовольства не выражали,

без сожаленья расстались тогда,
ушли, друг на друга не глядя.

Что с нами в первую ночь случилось,
всё на ребятах потом отразилось –

яства и дым ароматный вскружил
головы и чувства их притупил.

Было утрачено чувство тоски,
чувство привязанности, и мы

первый шаг сделали в деле тогда.
Вот так гранит той науки «грызя»,

прожили двадцать один год, и там
мы научились многим вещам.

Первые семь лет нам знания давали
общие, навыки мы получали,

по специальностям определили
затем, и нас ещё им обучили.

После семи лет учёбы меня,
от Си-Бая убрали уже навсегда.

«Воин стрелок» – специальность его,
хорошо знает он дело своё,

из лука метко очень стреляет,
«стрелок повинующийся» – называют,

но ханом его не провозгласят,
народом не будет он управлять,

ему не позволят войско собрать,
чтоб этим войском потом управлять.

Монахам не нравился, видимо, он,
характером скверным был наделён.

Когда отделили его от меня,
стрельбу довёл он до мастерства.

Ему предстояло тайны познать, и
научиться в небе летать.¹

Особых способностей не имел,
достичь мастерства он очень хотел.

Старался в учёбе своей как мог,
званье получит он – «меткий стрелок».

Шесть лишних месяцев он учился,
казыналык² из него получился.

Моя специальность – войско своё
собрать, а затем возглавить его,

делать оружие, план уточнять,
крепость построить, её укреплять,

погоду, коль надо, ещё изменить,
внезапно напасть и врага истребить.

Четырнадцать лет знания получал,
Чи-Лу-Сена заклятья я изучал.

Те пятеро, которые сразу ушли,
в тот день повернулись налево они,

¹ Научиться летать – Си-Бай стал не только самым метким стрелком, но и научился применять приемы левитации.

² Казыналык – по завершении тайной учебы Си-Бай содержался исключительно на казённые средства. Он не работал, практически ничем не занимался, но в критический момент его использовали как живую пулю.

о них я тогда не знал ничего,
и никогда не встречал никого.

Причина была здесь только одна,
хранились границы частей¹ здесь всегда.

И даже монахи, не только мы,
виделись редко друг с другом они.

Тайны свои сохраняла всегда
эта учебная каждая часть – сполна.

По очереди, не встречаясь, выходят
монахи, и из одной части выводят

ребят на отдых, во вторник это бывает.
Специальность одну три человека изучают,

на всякий случай одного оставляют –
если кто-то из них потеряет

свой разум от страха – не выпускают,
он в крепости дни свои доживает.

Думаю, Ли-Чан не умер тогда,
хоть и не видел его никогда.

Ученье о ясновидении есть,
ему обучают слепых, слышал, здесь.

В книге «Бичик» имена появляются
до того, как ребёнок рождается.

По всей Вселенной учёные ходят,
слышал, они из слепых лишь выходят.

¹ Частей – учебные части.

Для данной науки дитя избирают,
в «Безмолвии» мальчика, когда встречают,

то светом Вселенной его ослепляют,
от всех отделив, затем обучают.

Туда невозможно другому войти,
секретные знания чтоб обрести.

Взамен слепоты, знанья в душу вливают,
сам Главный Лама её заполняет.

Он тайны Вселенной ему открывает,
со временем их ученик постигает.

Мне незнакомец, секрет рассказал,
когда в «Безмолвии» меня встречал.

Искусству военному он учил,
зnamенье во сне своём получил –

дервиш приснился ему и сказал,
чтобы он помошь мне оказал.

Из «Ажайыпа»¹ бежал когда я,
тогда погиб он, спасая меня.

Когда осталось уже мало дней,
до окончания учёбы моей,

то рассказал он всё о себе,
и почему пришёл он ко мне:

«Знаю, откуда я, где родной край,
знаю, что Родина моя – Алтай.

¹ Ажайып – общее название тайного учебного центра.

Когда-то один монах выкрад мэнэ,
с собой увёз затем навсегда.

Хана Шыгайя потомок я,
Шибээ, так называли меня.

Старались монахи ко мне применить
уловки, чтоб чувства мои истребить,

но не смогли в сердце память убить,
прошлое мне никогда не забыть.

Незаменимым считают меня,
потому знаю – я здесь навсегда.

Не суждено мне отсюда уйти,
Родину снова свою обрести.

Тайны Вселенной уже постиг я,
глубокие знания есть у меня.

Главный Лама, монахи его,
не выпускают они никого.

Знают, что пользу я им принесу,
знания большие в себе несу,

а потому охраняют меня,
и не уйти мне от них никогда.

Свет мой, родные по крови с тобой,
беги отсюда пока ты живой.

Всё остальное расскажет пусть мать,
время придёт, чтоб тебе всё узнать». –

...Была на небе полной луна,
весенний дождь лил как из ведра.

Двери в пещере открыться должны
на миг короткий, здесь очень важны
все вычисления, чтоб время узнать,
когда из крепости можно бежать.

Шибээ учёный бежать мне помог,
сделал для этого он всё, что мог.

Когда погоня за мной была,
очень помог мне Шибээ тогда.

Он своим телом двери закрыл,
и путь погоне тем перекрыл.

Шибээ учёный ради меня
отдал свою жизнь, не жалея себя.

После того, как вернулся домой,
от заклинаний, заученных мной,

помощь большая очень была,
ведь помогали они мне всегда.

В Тянь-Ян вернувшись, отцу сказал:
«Многие тайны Вселенной познал,

на шесть месяцев раньше ушёл,
иначе бы гибель свою там нашёл». –

Остался я на руднике золотом,
крепкую крепость построил потом,

каменный город тем укрепил.
Новый дворец царский соорудил,

старый дворец отца своего,
велел разрушить, лучше него

новый дворец красивый стоял,
и красотою своей блистал.

Матери моей построил я дом,
из драгоценного камня был он,

и белым-белым камень тот был,
комнаты в доме позолотил.

Ямы без зата свободны стояли,
камнем наполнив, с землей их сравняли.

На земле, где раньше ямы были,
плодоносящий сад посадили.

Всеми работами руководил,
и все границы я укрепил,

крепости ханства отца моего –
отремонтировал много всего.

...Сидел однажды вечером я,
была печальной дума моя.

погляз я в делах уже много лет –
был занят ремонтом, конца ему нет.

Не замечал очень долго я –
с годами жизнь проходит моя.

В одно мгновенье годы прошли,
птицей летели, словно они.

Пятнадцать лет прошло с того дня,
когда убежал из «Кёйкапа» я,

и столько лет ремонтировал всё
отца хозяйство, и поднял его.

Самозабвенно увлёкся тогда
стройкой, отец был рад за меня.

Сидел и думал о матушке я –
быстро стареет мама моя.

Не видел, чтоб с кем-нибудь говорила она,
чтоб мысли и чувства свои излила,

чтобы от радости вся засветилась,
не думал, что же с ней приключилось,

и почему нет радости в ней,
как у обычных, многих людей.

Ни разу об этом я не спросил,
хотя её очень сильно любил.

Так, погрузившись в мысли, сидел,
не видел, когда отец мой успел

близко совсем ко мне подойти,
он разговор со мной стал вести.

*(Рассказ Алмамбета о своём обучении в Кёйкапе
вспоминает Айкель Манас, находясь на Тал-Чоку...)*

ЖЕСТОКОЕ ЗАДАНИЕ АЗИЗ ХАНА

«Сын, что за мысли так гложут тебя?
Ты не заметил даже меня.

Уже давно к тебе я пришёл,
тебя задумчивым очень нашёл.

С тех пор, как пришла сюда мать твоя,
наладились сразу дела у меня.

Больше не верил своим родным я,
забрал брат родной рудник у меня,

сына –волчонка с собой прихватив,
на руднике всех рабов перебив,

словно врага своего разгромил,
Лоян-Ган мой рудник захватил.

И вместо слёз потекла кровь моя,
стал о ребёнке мечтать с того дня.

С самим Хэ-Ганом тягались она,
отвагу свою показала тогда.

Выстрелив метко, в корону попала,
и та с головы Хэ-Гана упала.

Родить батыра клялась она,
выбрала мужа себе сама.

Очень отважной и смелой была.
Почему выбрала все же меня?

Дочь полуухана единственная,
красивая очень и видная.

Не пожалел Творец ничего,
в гармонии ум и внешность её.

У этой матери и сын такой,
она хранитель и Ангел мой.

Хоть и живу с ней сорок лет я,
но поженились мы, словно вчера.

Ни разу слов не сказала она
тех, что обидели б очень меня.

Скверных поступков не совершила,
и душу мою не омрачала.

Я одно время, хочу, чтоб ты знал,
в обмане мать твою подозревал.

Теперь об этом очень жалею,
часто, поверь мне, сожалею...

В том, что замкнутой стала она,
я обвиняю только себя.

Ещё одна причина была
чтобы замкнуться, то – смерть отца.

Очень любила отца своего,
и очень дорог он был для неё.

До сих пор слёзы свои пьёт она,
печаль не сходит с её лица.

«Озёра, словно отец мне и мать», –
так говоря, едет их навещать

один раз в год, в одно время она
бывает там, потом её тоска

уходит так далеко – в никуда,
за собой, не оставив следа.

Умного сына мне родила,
как же могу бранить её я!

Мой жеребёнок, я старый уже,
но у меня есть силы вполне.

Думаю, что дорога моя,
к цели моей ведёт меня.

Многое видел в жизни своей,
пока дожил до этих я дней.

Время настало, когда моя
будет исполнена всё же мечта.

Вкус небольшой власти я познал,
но сорока ханами править мечтал.

Ловкий и хитрый брат мой Хэ-Ган,
правил сорока ханами сам.

Жестокие правила ввёл он свои,
не позволяя поднять головы.

Я без ребёнка до старости жил,
и столько слёз своих тайно пролил.

И у Хэ-Гана наследника нет,
хоть и прожил он уже много лет.

Счастье ребёнка иметь не познал,
его на власть он свою променял.

Вида не подавая, Хэ-Ган
хорошо очень относится к нам,

делает это он с целью одной,
и носит в сердце замысел свой.

Вдруг счастье кому-то из нас улыбнётся,
удача к нему лицом повернётся,

и будет ребёнок его рождён,
и будет над ханами властвовать он.

Из четверых нас, лишь только один
дитя мог родить и чтоб это был сын.

Конечно, правильно было бы то,
чтоб Хэ-Ган сына родил своего,

но если дитя иметь не суждено,
и счастье познать в жизни не дано,

то право на выбор имеет Хе-Ган –
замену себе назначит он сам.

Четверо было сыновей у отца:
Хэ-Ган, Хень-Ян, Лоянь-Ган, также я.

Враждуя с бурутами из-за земли,
с ними воюем на равных мы.

Тогда мне и братьям моим они,
дали имена ещё свои.

Хэ-Гана буруты так называют:
они Кары-Ханом¹ его величают,

знаю по нраву то имя ему.
Они Алооке² – Лойянь-Гана зовут,

но равнодушен к имени он,
оно для него, словно пустой звон.

Алую кровушку любит пролить,
может спокойно при этом он жить.

За то, что всё вокруг поджигает,
его Алооке и называют.

Сыну его Гай-Юань-Тхайю
ненависть шлют буруты свою,

и Конурбаем его называют,
свои проклятья ему посылают.

Стать старшим ханом Хэнь-Янь мечтает,
управлять ламами, манжу он желает,

Чет-Бээджином ещё управлять,
они Эсенканом³ его стали звать.

¹ *Кары-хан* – пожилой и мудрый правитель.

² *Алооке* – хан, жгучий как пламя огня.

³ *Эсенкан* – хан, отдающий предпочтение своему благополучию.

Карьерист хитрый и ловкий плут,
старшего брата не зря так зовут.

Имя значение имеет ещё,
здоровье, достаток означает оно.

Его сына храброго Бао-Хото,
враги Бёрукёзом¹ назвали давно.

Азизом меня называют ещё
смолоду, нравится имя мне то,

так же давно привык к нему я,
со змеем белым сравнили меня,

но с Шаймерденом² сравнил я себя.
Того, кто Азизом назвал меня,

от рабства жестокого освободил,
на девушке вскоре его я женил.

Восемнадцать, иль двадцать лет было мне,
считал себя выше других, в душе

младым и здоровым был я тогда,
цветущим, и все желанья всегда

мои исполнялись, а сердце моё
горело отважным и сильным огнём.

От цели поставленной не уклонялся,
держать своё слово всегда старался.

Мысли не приходили ко мне,
что станет роднёй человек этот мне.

¹ Бёрукёз – «Бёру» – волк, «кёз» – глаза, значит волчий глаз.

² Шаймерден – сила покровительствующая бесстрашным воинам, полководцам.

Дедом Алтынай по матери был
Нузуп Азизом меня он окрестил.

Переживаешь в душе, видно, ты,
напрасны, поверь, те страданья твои.

О том, что один, братьев нет – не грусти,
переживанья в душе раствори.

Желая власти, те братья всегда
могли стать врагами они для тебя.

Всегда ты надейся лишь на себя,
тогда цепа будет твоя голова,

к жизни такой привык уже ты.
Могут внезапно напасть враги,

близких не подозревая, родных,
не ожидая от братьев своих,

ты не заметишь, как попадёшь
в яму и выход, навряд ли найдёшь.

В жизнь принесут родные беду,
не пожалеют душу твою.

Живёшь беспечно и счастливо ты,
в небе летаешь в объятьях мечты,

пока родной брат тебя не предаст,
урок жестокий тебе он не даст.

Близкий твой родственник станет врагом,
пожар устроит в сердце твоём,

выколоть может глаза твои.
К встрече с врагом всегда готов ты,

знаешь, что ждать можно от него,
знаешь, несёт он тебе только зло.

О враге том, что рядом живёт,
о том, который тебе смерть несёт,

не знаешь ты о нём ничего,
а видишь брата в нём своего.

Сын мой единственный, тебя прошу,
брату-врагу отомсти моему.

Пятнадцать лет ремонтировал ты,
сил не жалея, владенья мои.

Исправил то, что мой брат натворил,
много истратил душевных ты сил.

Довольно! Хватит! Время пришло
ответить за сотворённое зло.

Должен отдать он то, что забрал,
что у меня когда-то украл.

Возраст Хе-Гана преклонный, и он
стар, забери у него златой трон,

и покажи, сынок, силу свою,
Хень-Яну, Лойянь-Гану я тем отомщу.

В книге «Бичик» есть имя твоё,
это оспорить не может никто.

Значит, хозяин престола ты,
знают, конечно, об этом они.

Благословенье пришёл дать своё
искренне, душой прими ты его:

пусть Шаймерден твой поможет тебе,
и отведёт от тебя беды все.

Он покровитель ведь воинов всех,
пусть принесёт тебе он успех,

счастье на крыльях летит к тебе пусть,
душу осветит, твой жизненный путь,

и долгой пусть будет жизнь твоя,
пусть течёт, словно в речке вода.

В сражении будь победителем ты,
всегда удачу народу неси!» –

* * *

Немногочисленным войско отца
было, его увеличил я.

В войско ребят боевых собрал,
те знанья, что получил, им отдал.

Секретам многим их обучил,
и тайны многие им открыл.

Одевшись в дервиша к врагу идти,
и сведения все о нём принести.

Я заклинанью их научил,
чтоб в час назначенный дождь вдруг полил,

и смысл бы он водой все следы,
чтобы не могли найти их враги.

Как воевать воинов обучил,
приёмам многим сраженья учил.

Если воины пешие в атаку пойдут,
врагу преградят сзади конники путь.

Врага бьёт мечами правое крыло,
из луков стреляет левое крыло.

Так воины многому научились,
духом и телом они закалились.

Знания воины получили,
и ремеслу войны обучились.

Разделил войско своё затем я,
оставив большую его часть тогда

в Тянь-Яне, сделав Мажита главой,
ему сказал я тогда наказ свой:

«Когда бы ни было, будь готов ты,
отдать защите все силы свои,

и отразить, знай, ты должен всегда,
удар жестокий злого врага.

Останешься в крепости ты главой,
направь все силы, характер весь свой

на то, чтоб воинов дальше учить,
навыки чтоб не смогли забыть,

им передышку ты не давай.
Береги ханство, его охраняй.

И отец с матерью уже мои
совсем состарились, ты посмотри

за ними, много лет отцу моему
всю жизнь лелеял свою он мечту.

Отцу помочь сейчас должен я,
чтобы исполнилось его мечта,

и в этой жизни, думаю, что
предназначенье это моё.

На Озёра Близнецы мама моя,
хотела поехать, собрался я

сопровождать в этот раз её,
но чтоб не обидеть отца своего,

должен в дорогу собраться я,
сейчас поэтому прошу тебя:

маму к Озёрам Близнецам отвези,
её в дороге ты сохрани.

Словно родители, ведь для неё
стали Озёра Близнецы давно.

Самое ценное в жизни её –
Озёра Близнецы, Урюпай её,

подруги те, с кем с детства росла,
остались там, где родная земля.

Духовные силы давали они,
и её душу всегда берегли.

Сильно соскучилась она, и ты
к озёрам сам её отвези.

Весть о родителях буду я ждать
пришли гонца, чтоб её передать.

Лойянь-Ган богатство когда-то забрал,
отца моего он тогда обокрал.

Об этом я Лойянь-Гану скажу,
чтоб всё он отдал отцу моему.

Не согласится же если со мной,
то, не жалея его, начну бой.

Своё уваженье Хень-Яну я
окажу, он ведь родной для меня.

Не посторонний мне дядя родной,
к хану Великому он со мной,

думаю, вместе поедет и сам
престол отдаст мне Великий Хе-Ган.

Когда не станет его на земле,
то золотой трон достанется мне.

Если согласен он будет со мной,
то без скандала отдаст престол свой.

Старыми стали братья отца,
недолго ждать своего им конца,

но пока жив хан Великий всегда,
держать совет с ним буду я.

Распоряжаться богатством казны,
и править мудро, советуясь с ним.

Если не справедлив будет там,
и против будет мне великий Хе-Ган,

тогда я трон золотой отберу,
и сразу власть в свои руки возьму.

Осуществлю отца я мечту,
и дам свободу власти ему.

Отобрал воинов сильных себе,
надо в дорогу теперь ехать мне,

и на рассвете поеду я,
тебе напомню, чтобы всегда –

ночью и днём врага береглись,
и за разведку дорог ты берись,

чтоб караул всегда твой стоял,
и обо всём, что творится, ты знал.

Ты друг единственный, очень родной,
выросли с детства вместе с тобой.

Будь же всегда ты жив и здоров,
верю, с тобой мы встретимся вновь.

Заместить хана Великого я
поехал, и это была цель моя». –

С другом Мажитом простился тогда,
и в трудный путь отправился я.

* * *

Ханский дворец был в «Кош салаа»¹
в ханстве монахов, поехав туда,

город увидели средь поля мы,
из камня чёрного возведены

стены его, вниз спускаются две
впадины и походят вполне

вершины – на пару пальцев они,
и чтобы к впадинам этим пройти,

через перевал высокий идти
надо, «Жоо ашпас»² перейти,

так его люди зовут неспроста,
чертополох растёт ниже хребта,

подобно воинам в ряд он стоит,
границы ханства того сторожит.

Обыкновенный чертополох
был для охраны совсем не плох.

Читая заклятье, монахи своё,
силой они наделяли его.

Для того, кто не знает секрет,
через границу прохода нет.

¹ Кош-Салаа – название местности, где дворец располагался.

² Жоо ашпас – «жоо» – враг, «ашпас» – не пройдёт, место, где враг не сможет пройти.

Ведь на растенья эти глядя,
воинов видят его глаза.

Боится дальше тогда он идти,
не смеет границу ту перейти.

Двадцать один год в «Кёйкапе» я,
учился, познав ту область тогда.

То знанье помочь мне принесло,
и перевал пройти помогло.

Как перейти «Жоо ашпос» перевал,
как разгадать его тайну, я знал.

Сорок заклятий я прочитал,
перевал этот расколдовал,

и потому беспрепятственно мы,
к крепости в сумерках подошли.

Крепости «Кош саала» достигли. Ещё
Нарбого стражи пленил одного,

тот сторож всё рассказал нам потом,
ведь не любил Гай-Юаня он:

«Не из народа нашего хан,
с ним трудно ладить всем очень нам.

Алооке хан с сыном пришёл,
из Андижана сбежав, здесь нашёл

он свой приют, и крепость та,
в которой жил, в негодность пришла.

Он в развалившейся крепости жил,
пока его сын маленьким был.

Крепость ремонтом ту обновлял,
сын постепенно его подрастил.

Эгоистичным и хитрым он был,
таким стал, когда ёщё маленький был..

Отца Лоянь-Гана не оставлял
в покое, и что хотел, получал.

«Смутьяном и кровожадному быть»,—
сказал сынчы, чтоб его оценить.

Сынчы оценку правильно дал —
рано наклонность он проявлял.

Он отвратительно жадным стал,
и кровожадно рудник отобрал

у брата младшего отца его,
родного дяди у своего.

Наследство Гуянь-Ган от отца получил,
в ханском роду самым младшим он был.

Никто факту этому не возражал,
хозяином рудника в Тянь-Яне стал.

Мальчишка, достигнув лет десяти,
осуществить решил планы свои.

Уговорил он отца своего,
чтобы направить в Тянь-Ян войско всё.

Гай-Юань-Тхай

Стяжатель-отец войско собрал,
рудник в Тянь-Яне он отобратил.

Однинадцати лет достигнув ёдва,
отнял он рудник у дяди, тогда.

Безжалостно в ханстве людей истребив,
останется Гуйянь всё же в живых.

Сбежит в Бээджин, спасаясь, он,
богатство, добытое таким путём,

радость и счастье им не принесло,
крылья подрезало вскоре оно.

Подобно львице дева была,
грозна, отважна, очень смела.

«Не отрекусь от клятвы!» – она
сказала, выстрелив в хана тогда.

Скатилась корона с главы его,
поверили ханы словам её,

Азизу батыра-льва она родила.
С рудника златого Гай-Юань уйдя,

о, горе, в наших краях они,
среди людей наших место нашли.

Хану Азизу Великий хан,
вернул рудник златой, на горе нам.

Гай-Юаня ханом сделал у нас,
и проклинает народ этот час.

Народ был вынужден главу свою
склонить, невозможно терпеть ту беду.

Времени много с тех пор прошло,
знает Гай-Юань о магии всё.

Сторожей ставить давно перестал,
на «Жоо ашпос» – тот перевал.

Магией местность всю окружил,
очень спокойно, поэтому жил.

«Не пройдёт в логово даже змей», – считал,
и потому ставить стражу не стал.

Всех, кто на страже стоит, сторожей,
ты, времени не теряя, убей,

и поскорее в город войди,
нашему хану главу отсеки.

Не сделает, поверь, тебе добра он,
время упустив, не пожалей потом!» –

«Если сейчас внезапно напасть,
и подготовиться хану не дать,

то, значит, слабость свою признать,
и это трусостью можно назвать.

Словно не видели тебя, иди,
что враг пришёл, хану ты сообщи.

Что предначертано Божьей рукой –
случится, это дано нам судьбой.

Скоро увидим, кому повезёт,
счастье кому свою чашу прольёт». –

И хотя времени много прошло,
как к Конурбаю стражник ушёл,

но в добулбас почему-то никто не забил,
к вратам приблизиться тогда я решил.

Стояла мёртвая тишина,
в ту пору ночь безлунной была,

не только шум голосов вокруг,
но даже шороха слабый звук,

не слышно было, вымерло всё.
Мы ждали долго, в надежде, что

услышим громкие голоса,
и постучали сильно в врата.

«Град это или кладбище то,
давно, как будто вымерло всё,

и, если есть здесь живая душа,
то пусть откликнется сейчас она.

Вы передайте о нас хану весть,
скажите, родич приехал, он здесь.

Ехали к вам мы издалека,
но перед нами закрыты врата.

И если слышите слова мои,
откройте сейчас врата эти вы.

Иначе, силу свою применить
придётся, врата те разрубить». –

И в тот же миг открылись врата,
не издавая шума, и я,

хоть силу всех заклятий и знал,
признаться, этого не ожидал.

На миг я опешил даже тогда,
вокруг всё та же была тишина.

Отряд небольшой с собою лишь взял,
остальным воинам ждать приказал.

Нарбото сделал в отряде я
в том небольшом, главным тогда.

Я в этот город решил войти,
чтоб не стояло на нашем пути.

Через ворота, как только прошли,
многих собак лай услышали мы.

От лая, словно взорвалась земля,
многоголосым был он тогда.

Перевернулся будто весь свет,
и от беды спасения нет.

Остановились сразу же мы,
едва дыханье перевели,

шагу вперёд ступить не могли,
воины остолбенели мои.

Как в случае с чертополохом, когда
силу заклятья узнал я тогда,

так и теперь, заклятье узнал,
что подняло шум этот, я знал.

Обычным было заклятье то,
Гай-Юаня маги создали его.

Я в свои руки горсть земли взял,
и заклинанье от чар прочитал,

зачем повернул на запад свой лик,
туда бросил землю, в тот же миг

всё сразу стихло, и тишина
повисла в воздухе. Слышу слова,

их мне знакомый голос сказал:
«Ты лев-батыр провидец, узнал

в тебе те качества, когда тебя
увидел первый раз, мысль моя

верной была, расскажу тебе я
почему молчал, пойми ты меня.

Скрыть невозможно от Гай-Юаня,
что наша встреча с тобой была.

Не от него принять гибель свою,
решил – её от тебя я приму.

Если мне веришь, возьми тогда
в войско своё, если нет, то моя

вот голова, пусть предатель найдёт
смерть, наказанье своё понесёт.

Не предавал свой народ сейчас я,
ведь всё равно мой народ и земля

будут твоими, в Чет-Бээджин
войдёшь, народ этот будет твоим.

Ханом здесь будешь, но я, пойми,
не предавал народ, земли свои.

Хана жестокого предал сейчас,
не пожалеет он также вас.

Он из-за трона отца своего
убил, свидетелем дела сего

был мой отец, Гай-Юань и его
тоже убил в довершение всего.

От хана так мой отец пострадал,
лет тридцать назад, он мне сказал:

«Сын мой единственный, хочу, чтоб ты знал,
никому тайну, чтоб не открывал.

Остался в мире бренном один
ты без опоры, единственный сын.

Как он отца убил, всё видел я,
не пожалеет теперь хан меня,

о Гай-Юане никому ты
горькую правду не говори.

Жизнь свою, душу свою сохрани,
и ради матери своей живи». –

Тайну отец эту мне рассказал,
Тхай той же ночью его жизнь прервал.

В небольшом доме напротив дворца,
в последний путь Тхай отправил отца.

Тайну скрывая, он говорил:
«За отцом буду смотреть я один,

парализованный, жалкий на вид,
он в этом доме больной лежит.

Тайну, охранник, ты береги,
от посторонних вход стереги.

Пусть не войдёт никто, кроме меня,
в дом этот, не то казню я тебя». –

Вот так уже тридцать лет я храню
тайну кровавую, с ней и живу.

Вынужден я эти годы так жить,
и за отца не могу отомстить.

Если бы он был один, то тогда
я отомстил бы хану сполна,

но шестьдесят аяров его,
всегда и всюду возле него,

нет никого здесь сильней, чем они,
с ними сравниться можешь лишь ты.

Думаешь, если он родственник твой,
то не вонзит в тебя кинжал свой?

Но ты не ведаешь даже сейчас,
что он готовит тебе в этот час.

В яму бездонную тебя толкнёт,
и с аярами он нападёт,

вместо того, чтобы спросить тебя,
как ты живёшь. И только тогда,

может, поверишь моим словам,
но улетит птица счастья, и вам

не одолеть уже злого врага,
и сожалеть ты будешь тогда,

что не хотел меня слушать, батыр,
и потому хана не победил.

Сейчас придёт Тхай жестокий сюда,
и не возьмёшь, если в войско меня,

лучше тогда от руки умереть
твоей, чем хана насилие терпеть». –

Брезжил рассвет уже, со стороны
крепости, тогда увидели мы:

впереди всех на чёрном коне
Гай-Юань ехал гордо в седле.

Обычай есть с давних времён
у нас, и говорит он о том,

что младший должен поклон отдать
согнув колени, и нарушать

этот обычай не стал тогда,
и поклонился, согнувшись, я.

Он на приветствия не отвечал,
а очень гневно вдруг закричал:

«Зачем в этот город приехал ты?
С какою целью? Мне объясни!

Ты стороной ханский род обходи,
ведь неизвестны корни твои.

Стервец безродный! И не мечтай,
что станешь ханом, поди, узнай,

как смог открыть ворота мои,
среди охранников, кто стерегли

их, я предателя скоро найду,
и обязательно его накажу.

У его матери живот вспорю,
голову его туда запихну.

За Гуйянь-Гана вышла тогда
обманом замуж матерь твоя.

Её не лучше, паршивец ты,
расставил сети чар здесь свои.

Как мать дьяволица – околдовал
мою охрану, с поста всех снял.

Знаешь порочную сущность ли ты матери своей? Это скажи.

Тогда послушай, узнаешь всё,
что мать твоя творила давно.

По берегам озёр часто она,
ночью ходила тёмной одна.

Распутной женщиной она была,
с ней гуляли калдаи¹ тогда.

С родинкой в глазу Шой-Бо, тогда он притворился, что был совсем ни при чём, но, именно от Шой-Бо она – мать твоя тебя родила!» –

Лились словно яд оскорбенья его, не мог я терпеть потока сего.

Вскочил в ярости на Сарала коня, и на Гай-Юаня набросился я.

Взмахнул своей пикой, но не попал, гнев, овладевший мной, мне помешал.

По позвоночнику удар скользнул, в ребро его ранил, пикой проткнув.

Из раны кровь алая потекла, под ним был умнейший конь Алгара,

шею хозяину подставил он, и ускакал раненный хан на нём.

¹ Калдаи – простонародье.

Тот, кого хан так злобно ругал,
кого он «предателем» называл,

подойдя ко мне, тот сторож сказал:
«Я говорю тебе, чтоб ты знал,

догнать Гай-Юаня надо тебе,
иначе, с Хэнь-Яном они вполне

сумеют дорогу тебе преградить,
напав, твоих воинов многих убить.

Если Тхай раньше доедет тебя,
батыров многих лишишься тогда.

Куда он поедет, знаю я,
взьми в своё войско ты меня.

Думаю, ведаешь, что есть скала,
Родиной стала кайберенов¹ она.

В Лхасе находится Ньенчен² гора,
редко ступала людей там нога,

и есть пещера в этой горе,
тайну большую скрывает вполне.

Какая тайна скрыта в ней?
Не разгадать её было мне.

Только поверхностно всё осмотрел,
в скале из трещины я узрел:

¹ Кайберен – общее название диких коз и архаров.

² Ньенчен гора – горный хребет, находящийся возле тибетской столицы – Лхасы.

течёт таинственное вещество,
аромат сильный имеет оно.

На землю капает быстро всегда,
и свойство этого вещества

знает лишь Гай-Юань, и место то
знают провидцы ещё его.

Людям надёжным секрет доверяют,
и место строго они охраняют.

Из вещества того, провидцы те
лекарство сделав, болезни все

лечат, и конь этот знает, куда
везти хозяина, его туда

он отвезёт. Средство то приложив,
повязку с ним на рану наложив,

Гай-Юань вылечится быстро, тогда
и к Хэнь-Яну поедет, и я

прошу, меня чтоб послушал сейчас
и выезжал скорей, в сей же час,

чтоб не успели собраться они,
первым внезапно на них напади». –

Приняли сторожа в войско своё,
проводником в дороге его

сделали, с восходом солнца мы,
собравшись в путь, вперёд пошли.

* * *

Очень старались мы первыми быть,
к Хэнь-Яну раньше Тхая прибыть,

но опоздали и он против нас
настроил Хэнь-Яна, и тот в сей же час

встретил нас, словно давно были мы
его заклятые, злые враги.

Не дав нам даже слова сказать,
воины его уничтожать

стали нас, начали они резню,
и показали жестокость свою.

Понял намеренья злого врага,
и месть проснулась во мне тогда.

Вспомнил о том, что отец говорил,
начал атаку, врага не щадил.

В город обратно я их погнал,
что двое сбежали, не сразу узнал.

Взяли с собой отряд небольшой,
к Хэ-Гану ехали близкой тропой.

«Гуйянья, сын безродный на нас
напал», – сказали они, в тот же час,

приехав к Великому хану, и он
поверил и очень был возмущён.

«К Великому хану вёз дары я,
хотел, как родного, чтоб встретил меня.

Кого я родственником считал,
тот, как врага меня принял.

Признаюсь, шёл к Тхаю я отомстить
за всё, от трона его отстранить.

Но, думал, Хень-Янь отнесётся ко мне
хорошо, чувства проявит вполне

он свои, родственники всё же мы,
не оправдал он надежды мои.

Чувство проснулось в сердце моём,
раньше не ведал даже о нём.

Как от озноба тело моё
дрожало, похолодело оно.

«Счастье, что одинок в жизни ты», –
сказал отец слова мне свои.

Может, в словах этих истина есть,
смысл глубокий присутствует здесь.

Так проливается кровь родных,
когда они убивают своих.

Лучше сражаться с заклятым врагом,
который к тебе стоит лицом,

и прямо смотрит в глаза твои,
что ожидать от него, знаешь ты.

Если не признает Великий хан родства,
и погубить захочет сейчас он меня,

тогда в этой жизни разделены,
это доказательство – чужие мы.

Что ж, заполню ордо, тогда
мёртвыми, кровь пролью сейчас я»... –

Задумавшись, в крепости стоял,
застыв, как камень, долго молчал.

Гонец приехал, посланный мной,
принёс весть о том, как прошёл бой.

«Плохую весть принёс тебе я,
мой Шер, нет смелости у меня,

не знаю, как всё тебе рассказать,
но должен ты обязательно знать.

Нарбото тебе старшим братом был,
и ты по-братски его любил.

Он войско в дороге всегда возглавлял,
в бою никогда он не отступал.

Сражаясь с Бао-Хото¹ – братом твоим,
вдвоём они жизни отдали свои.

положили в гроб арчовый тело его,
на скале как аманат² осталось оно.

И если цели поставленной мы
достигнем, то на обратном пути

арчовый гроб этот заберём,
в Тянь-Ян его с собой отвезём». –

¹ Бао-Хото – сын Хенъ-Яна (Эсенканы).

² Аманат – что-либо, отдаваемое или оставленное на временное хранение.

Знал, что Нарбого я жизнь не верну,
плакал, словно слезами его оживу.

Ах! Я не знал, что потери мои,
лишь начались, много их впереди.

О, мой Тенир! Своих близких терял!
Горечь утраты сполна я познал.

Они в холодную землю легли,
были о них только мысли мои.

В сердце моём они живы всегда,
не забываю о них никогда.

.... Схоронив воинов своих тогда,
в Чон-Бээджин повёл войско я.

Крепость виднелась сквозь дымку вдали,
решил, подумав, поедем к ней мы.

Крепость вокруг окружала стена,
была совсем неприступной она.

С сорока сторон в стене стояли
сорок ворот, воины охраняли

их, и на каждые врата они
поставили тысячу бойцов своих.

«Что ждёт меня впереди – златой трон?
Прославит на весь Китай меня он?

А может, смерть впереди ждёт меня,
сотрёт моё имя в мире она». –

Но не желаю иметь трон златой,
о нём мечтал всегда отец мой.

Я с детства помню – его мечта
управлять ханствами всегда была,

в Чон-Бээджине хозяином став,
златого трона, известность желал

иметь, и славу, и власть. О мой мир!
Нужна ли такая власть, Тенир?!

Ведь за неё льётся кровь без конца,
холодно сын убивает отца!

А если нет, то готов всё отдать,
только бы вкус власти этой познать.

Он состоянье своё не жалеет,
ни сил своих – всё отдаст, что имеет.

«Если не выживет, то пусть умрёт,
или же власть в свои руки возьмёт», –

так обо мне спокойно сказал
отец, когда в «Кёйкап» отправлял.

Убьёт родного, чтоб забрать трон,
а может, будет один всю жизнь он.

Случится одно из двух, отец знал,
глаза на это свои закрывал.

Обрёк на власть или смерть он меня,
чем лучше он Конурбая тогда!

Всё чётко ясно всегда говорил,
из беды выход всегда находил,

Мой Нарборо аба, честный во всём,
душой ты чистый, с ясным умом.

И вот для дела этого, я
сейчас принёс в жертву тебя.

Но далеко очень всё так зашло,
и уже многое произошло,

что отказаться я не могу,
куда послали, смело пойду.

Раз пулей не встретили они меня,
дары должен им принести теперь я.

Если Великий хан проявит свою
справедливость, тогда я ему

своё уважение окажу,
дела по нраву его поведу.

На всех обиду не буду держать,
чтоб хана Великого не огорчать.

Если покажет же хитрость свою,
злое намеренье, что же ему

не позавидуешь! Клянусь! Тогда
не пожалею я злого врага!...» –

*(Продолжение истории Алмамбета вспоминает
Айкель Манас, находясь на Тал-Чоку...).*

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

... Перед глазами город большой,
он простирался как раз предо мной.

На него смотрел холодно я,
была замёрзшей душа моя.

Много построек в граде большом,
но жителей больше в городе том.

Город кишит, буквально, людьми,
много их, как на болоте травы,

и истребляй их хоть сорок лет,
людям этим конца словно нет.

От копошащихся людей, меня
тошнило, трубу подзорную я

опустил, привлёк внимание моё
воин один, из Тень-Яня его

прислали, красивой одежда была
на нём, из складок на конце рукава

нить прочную, шёлковую размотал,
он письмо вынув, его мне подал.

Согнувшись, почтенье своё оказал,
ответ на письмо он вежливо ждал.

Нежнейшим шёлком ткань эта была,
написаны буквы на ней и слова.

Изображали животных они,
тайные знаки придумали мы.

Из каждого знака составлял я
слова, получив весть эту тогда:

«Желаю здравия тебе, друг мой,
шлёт тебе весть Мажит, привет свой.

Очень тоскую я по тебе.
Как ты живешь? Ответь, друг мой, мне.

Ради тебя мне жизни не жаль,
твоё заданье, которое дал

мне, уезжая, выполнил я,
перед тобой моя совесть чиста.

С Озёр Близнецовых недавно мы
вернулись, сделал, как просил ты.

Киндик эне с нами была,
благополучно вернулись тогда.

Домой приехав, мама твоя
вдруг заболела, долго она

уже болеет, причину я
её болезни не знаю пока.

Хуже становится ей с каждым днём,
что об отце не скажешь твоём.

И говорит народ твой о нём,
что молодеет он, мол, с каждым днём.

Причина есть молодеть у него,
давно успеха он ждёт твоего.

Ждёт весть хорошую он от тебя.
Так обстоят все наши дела.

Ты дай ответ, обо всём расскажи,
и всё подробно мне опиши.

Как мой отец, полон сил, невредим?
Разлука так тяжела сейчас с ним.

Ах, надо было бы дома его
оставить, ехать мне вместо него!

Дурной сон видел, боюсь за отца,
весть мне пришли о нём через гонца.

Мою печаль в сердце ты всегда знал,
мать потерял, когда был ещё мал.

Не познав сына заботы, она
так рано с земли бренной ушла.

Грудная болезнь причиной была
смерти её, жизнью рабской жила,

тяжёлую жизнь она прожила.
В чреве матери её нашла

болезнь, и до рожденья она,
уже была ею поражена.

Лишь милосердие Киндик эне
на свет родиться помогло мне.

За мной ухаживал бедный отец,
в жизни дальнейшей был он вдовец.

Жениться ещё раз он отказался,
с детства со мной всегда занимался.

Душу свою открывал часто мне,
растял как взрослого, равным себе.

Меня к груди прижав, когда лежал,
говоря, слёзы свои проливал:

«Сын мой, хочу, чтобы помнил ты,
чистого рода предки твои.

Хан Нарбoto твоим предком был,
он ханом сорока родов был.

А у младшего сына Нарбoto,
был младший сын – мой отец Калбoto.

Когда напали злые враги,
то взяли Калбoto в плен они.

Нузуп родословную знал Калбoto,
от смерти верной спас он его.

Было Калбoto лет семь-восемь тогда,
когда пленённая Зеби пришла.

От рабства затем их освободил
Нузуп, и на Зеби отца он женил.

Мама, когда родила меня,
они Нарбoto оба назвали меня,

и на двоих у них радость была,
оба любили меня всегда.

Не в этом бренном мире, другом,
если разделитесь, будет грехом.

Для Алмамбета будь старшим ты
братьем, он – младшим будет, свои

беды, печали вы разделите.
Рядом всегда в жизни этой идите!» –

Нас одинаково отец любил,
часто слова эти он говорил.

Ради тебя, не только себя –
в жертву готов принести был меня.

Если б на Родине родился я,
была бы другая участь моя,

сомнений не вызвало б ни у кого,
происхожденье тогда бы моё.

Из ханского рода чистого я,
пленником стал по воле врага.

Точно не знаю.... Но чувствовал ли –
по происхождению единые мы?

Грубого слова нам не сказал,
ты никогда нас не унижал.

Отец твой, напротив, тогда поступал,
сказать слово лишнего не позволял,

охрану поставил и лишний шаг
мы не могли к тебе сделать никак.

Он никого к тебе не подпускал,
анализировал, кто что сказал.

Работу тяжёлую нам выбирал,
«Идите подальше», – нас отправлял.

Большая часть тогда жизни моей,
на руднике прошла, не было в ней

радости, только работа была,
так изнурительна и тяжела.

Когда из «Кёйкапа» приехал ты,
то прекратились страданья мои.

Жизнь изменилась в корне у нас,
не расставались с тобой ни на час.

Ночью и днём был я рядом с тобой,
сняли охрану, которую твой

отец когда-то поставил, и мы
жили свободно, тревоги ушли.

В мгновенье ока всё время то,
так пролетело, отца своего

мечту исполнить решил потом,
твёрд был в решенье тогда своём.

В Чон-Бээджин поехал ты,
чтобы исполнить отца мечты.

Дома оставил тогда меня,
твоё заданье, чтоб выполнил я.

Не смог твоей просьбе я отказать,
не смог слова возраженья сказать.

С отцом простились, ведь отец мой,
тогда уехал вместе с тобой.

Тебе, Алмамбет, тревогу свою
поведаю, сон вешний свой расскажу.

С Озёр Близнецовых приехали мы,
ночью приснился сон, мысли мои

стали кружиться в моей голове,
и поселилась тревога в душе.

Поднялся на середину хребта,
взглядом окинул окрестности я.

Народ огромный. О, Боже мой!
Сзади остался, внезапно вой,

паника, слёзы среди людей,
не передать тревоги мне сей.

Среди паникующих людей я ходил,
своё внимание тогда обратил

на силуэт, ко мне двигался он,
огромный, размером был, как дом.

«Алмамбет, на силуэты смотри,
видишь, подходят уже к нам они?» –

эти слова тебе я сказал,
что дальше будет, никто не знал.

Временем тем, приблизились к нам
те силуэты. Босой по камням

дервиш один впереди шёл, и он
неподражаем был в танце своём,

в трансе кружился, тоскливо пел,
сказать он многое людям хотел.

Голос его всё вокруг заполнял,
и среди гор он громко звучал.

Всех, оглушая, словно река,
слышали мы его все слова.

То еле слышно слова звучали,
но смысл слов этих мы понимали:

«Ты человека, Тенир, сотворил!
Горячую кровь по жилам пустил.

Своим любимцем сделал его,
к себе приблизив, дал ему всё.

Его способностями наделил,
дал ему сверх меры так много сил.

Ты Всемогущ и Тебе равных нет.
Сила Велика! Ты яркий Свет!

И Ты ошибся, больше любя
людей, ошибка это Твоя!

Ангелам своим людей предпочёл,
так для людей врага ты нашёл.

Ангел, зачатый Твой от огня,
до сего дня свою злобу храня,

мерзкие творит свои он дела,
и отдаляет людей от Тебя.

Язык змеиный людям даёт,
льстивые речи на ухо поёт,

ненависть сеет он между людьми,
строит коварные планы свои.

Он разрушает целое вмиг,
и изменяет Земли нашей лик.

Света конец устроив, людей
в войско собрав, ради пошлых идей,

он восстаёт всегда против тебя,
много веков и до этого дня.

Чудесные свойства, украв твои,
семена сеет дьявол свои.

Когда наполнен весь лик Земли
силою черной, Землю спасти

Светлые Силы спешат, Чистота,
но не хватает Сил Светлых когда,

тогда сила чёрная быстро растёт,
над ней управу никто не найдёт.

И переполнена скверной она –
матушка наша, родная Земля.

Люди теряют Свет, счастья своё,
когда перешли грань дозволенного,

и, не прощая, свой гнев изливают,
карь с Небес они получают.

И утопает в воде земля,
всех пожирает, как пламя, чума,

от желчи чёрная земля взрываются,
люди в ужасе, бегством спасаются.

Но виноватый в бедах народ,
место своё в земле лишь найдёт.

Грешных людей много есть на Земле,
но в мире есть и условия те:

если на светлую душу одну
больше, чем грешных, то она –

одна душа, её свет, чистота,
Землю спасает нашу всегда.

В Свет, Чистоту свято верую я,
помыслы мои, дорога моя,

только лишь к Свету ведут меня,
Я Ангел Света – в Свете всегда.

Вместе с лучами полной луны,
в противостояньи звёзд и Земли,

на Землю-матушку спускаюсь я,
определенна задача моя.

Весь пик Земли нашей я обхожу,
и островок, душу Света ищу.

Тот человек гармонично живёт,
в сердце своём благодарность несёт.

Слышу, когда благодарность его,
тело блаженствует тогда моё,

и сердце радость Света поёт,
нежность, тепло оно людям несёт.

Если в печали живёт душа,
встретив её, помогаю тогда

горе, беду от неё отвести,
радость и Свет той душе обрести.

Спустился на Землю на этот раз,
услышав с Озёр Близнецов Пери глас.

В Озёрах Святых Пери купаются,
развятся, смеются – так развлекаются.

Одна мечта в сердцах Пери была,
спустился исполнить мечту эту я.

Слышали горький плач девы они,
чиста душой, она мысли свои,

свои мечты Родине посвящала,
народ родной увидеть мечтала.

Увидев невинного слёзы дитя,
пролили свои слёзы Пери тогда.

При болезни глаз средство помогает,
его из жемчуга изготавляют.

Девушки Пери в водах плывут,
жемчуг в озёрах они создают.

Их сердца тронула девы мольба,
слёзы свои завернув в жемчуга,

переживали они вместе с ней,
молясь о том, чтобы мечта жизни всей

её сбылась. Девы чистой мольбы
не тронуть сердце моё не могли.

«Желанья страстные, людей мечты,
должен исполнить, Ангел Мой, ты». –

Милость такую Тенир мой Сам дал,
людям помочь Ангелам завещал.

Девушку ту решил наградить,
богатыря дать возможность родить.

Награду – льва-сына, я ей послал,
и этим милость свою оказал.

Теперь во Вселенную отправляюсь я.
О, Кёк-Тенир! Прости ты меня!

Прости, Вселенная! Я ухожу,
и оставляю кровинку свою!

В мире том бренном сын мой остался». –
Сквозь синеву его голос раздался,

дервиш горный хребет перешёл,
за ним караван небольшой шёл,

сразу за дервишем следовал он.
Белый верблюд шёл выночный, на нём

толстый ковёр с позолотой лежал,
шёлковый, нежный шатёр там стоял.

В голубоватом этом шатре
сидела светлая байбиче¹,

на шёлковом поясе руки держа,
слезами лицо омывала она.

Слёзы ручьями с очей текли,
рыданья, не сдерживая свои,

и, содрогаясь всем телом, скорбя,
плакала очень горько она.

Наружу вырвалось горе её,
затмило оно для неё сейчас всё.

«Миленький мой, как нам жить без тебя?
Пусть мои правнуки увидят меня,

плач материнский услышат они,
горе, печаль пусть увидят мои.

¹ Байбиче – женщина преклонного возраста.

Караван чёрный, возглавив, я
в горе иду, сейчас скорбя.

Бабушка по отцу я твоя,
камень разрушит печаль моя.

Мы во Вселенной уже перешли
в мир иной, правильно всё – ты пойми.

Тяжко смотреть на народ наш родной,
он испытал унижение с лихвой.

Мать, потерявшая своё дитя,
очень скорбит и страдает она.

Ты был свидетелем горя её,
всё видел сам, не прощай ничего!¹

Семь твоих предков – отцов твоих,
ханского рода, народ любил их.

Землю они от врага защищали,
и воедино народ собирали.

Кулан хана известного, я
дочерью его любимой была.

Нарбото, желанному моему,
женой, половинкой стала ему.

О, правнук, караван траурный я,
сопровождаю, плача, скорбя.

Бабушка Апар это твоя,
многие люди знали меня». –

¹ *Не прощай ничего* – приснившаяся байбиче Мажиту напоминает о мести врагам, чтобы он никого не простил.

Впереди бабушка рыдая, идёт,
и поминальную песню поёт.

Караван траурный сзади неё
следует, слёзы залили лицо

моё, когда лишь услышал я,
как плачет бабушка горько моя.

Воин с фигурой очень большой,
верблюда чёрного вёл за собой.

На нем табыт¹ траурный стоит,
на лице воина ярость кипит.

В воинском снаряжении он,
едет на рыжем коне своём.

Когда поравнялся воин со мной,
остановился, подав голос свой:

«О, жеребёнок мой, ты скажи,
узнал ли того, кто в гробу лежит?

Тело безжизненно у него,
ведь огонь жизни погас его.

Он на земле далёкой, чужой
убит врагом, исполняя долг свой.

Это мой ястреб серый лежит,
отец Нарбого твой, вечным сном спит!

Я Какшаал хребет перешёл
и к своему народу ушёл.

¹ Табыт – гроб.

Вы с Алмамбетом вместе должны
меня догнать, поспешите же вы.

Я хан – Нарбото, твой предок я,
Родина ждёт, не задерживайся!» –

Верблюда чёрного воин ведёт,
грозно глядит, караван тот идёт,

затем он мимо проходит меня...
Я расскажу конец этого сна,

когда мы встретимся снова с тобой,
когда долг исполнив, приедешь домой». –

* * *

И хоть письмо прочитал уже я,
не мог оторвать от него глаза.

Письмо то в руках своих держал,
рассказ, который Мажит написал,

и говорил, что это лишь сон,
но на знаменье похожий был он,

предупрежденьем его посчитал,
касался меня он? Я это не знал.

И почему хан – предок его,
сказал Мажиту, чтоб вместе со мной

на землю родную он пошёл,
и там народ свой родной нашел?

Рассказ, почему не продолжил он,
не рассказал до конца этот сон?

Или здесь тайна сокрытая есть,
нельзя пока огласить эту весть?

Из родных мест, от друга письмо
мне беспокойство одно принесло.

Были тревожными мысли мои,
в голове, словно кружились они.

В Тянь-Ян вернуться скорей решил,
в бою с Хэнь-Яном так много сил

было затрачено – лишился я
воинов многих в битве тогда.

Стало маленьким войско моё,
большую часть, решил я, его

правильно будет отправить домой.
План, чтобы осуществить этот свой,

телохранителя Гай-Юаня я
велел в отряде найти, он сюда

дорогу нам показал, я слова
сказал ему, глядя прямо в глаза:

«Если мне предан ты всей душой,
то согласишься тогда со мной,

и, не задумавшись, выполнишь всё,
выслушай сейчас заданье моё.

Ты в разговоре как-то сказал,
что тайный путь в Тянь-Ян узнал.

Если в Тянь-Ян отправлю тебя,
то ты поехал бы сейчас туда?

Если ты держишь слово своё,
выполнни тогда заданье моё.

Войско возглавив, езжай домой,
на скале табыт Нарбото, он аба мой,

на чёрного верблюда его погрузи,
чтоб попрощались с ним – повези.

Его душа очень мне дорога,
дороже собственной души она.

Не позволяй, чтоб над телом его
враги глушились, птицы, зверьё.

Бойцы Гай-Юаня потоком идут,
войско, увидев твоё, нападут.

Остерегайся злого врага,
чтоб не случилось с вами беда.

Войско тебе доверяю своё,
ты без потерь сохрани его всё.

Воинов мимо врага проведи,
беды, несчастья от них отведи.

Перед тобой не останусь в долгу,
и, когда нужно, всегда помогу,

просьбу твою я исполню всегда,
пусть даже глядя смерти в глаза». –

Глядя в глаза мои, охранник подал
обе руки и слова мне сказал:

«Это не просьба, батыр, твоя,
это звучит, как приказ для меня.

Не беспокойся, заданье твоё,
я заверяю, выполню всё.

Ты не тревожься о войске своём,
буду заботиться я о нём.

Поверь мне, что помыслы мои,
как молоко они – очень чисты.

В дорогу свою собирайся и ты,
цели своей, чтобы достигнуть, иди!» –

В тот же день, войско в Тянь-Ян пошло,
это была большая часть его.

Воины уезжали мои,
не отрывая глаза свои,

я долгим взглядом их провожал,
пока не скрылись они, стоял.

Коня Сарала повернул своего,
в Бээджин поехал, войти, чтоб в него.

Как Великий хан всё же встретит меня?
К нему приехав, увижу всё я.

И если время смерти пришло,
то не смогу скрыться я от неё.

Если Великое ханство судьбой
мне предназначено – это крест мой,

то кто же сможет забрать у меня
ханский престол? Это участь моя.

К ханским воротам Бээджина тогда,
с отрядом направился маленьkim я.

Когда к воротам подъехали мы,
то перед нами открылись они.

Воины в крепость нас пропускали,
по сторонам разойдясь, стояли

плотной стеной, словно были они,
сквозь коридор этот ехали мы.

Подобно стеблю цветка средь травы,
посередине проехали мы.

К ханскому дворцу подъехал я,
Великий хан стоял напротив меня.

С достоинством с коня Сарала
сошёл я у самых дверей, не спеша,

мрачно и холодно глядя, склонив
голову, душу свою, не раскрыв,

согнув в поклоне колени я.
Знал, что для хана дороже меня

младшие братья родные его,
ближе, дороже они для него.

Мысли мои хитрец Хэ-Ган прочитал,
и мой вид ему, словно сказал:

«То, что посеешь, то пожнёшь ты». –
Поэтому раскрыв объятья свои,

ко мне, улыбаясь, навстречу спешил,
но лёд в моей душе не растопил.

Голову склонил безмолвно свою,
руку протянул затем ему,

посмотрел внимательно очень я,
в хитрые, умные его глаза.

На плечо руку мне положив,
голову свою немного склонив,

и, посмотрев в мои глаза,
медленно сказал свои он слова:

«Свет мой, холодное сердце твоё,
разочаровался в дядях ты, но,

кажется, глядя сейчас на тебя,
что ты обижен и на меня.

Злобу в своей душе не храни,
не забывай, родные ведь мы.

Давай с тобой мы поговорим,
и, помирившись, друг друга простим.

Во дворец ханский войдём когда,
наш разговор продолжим тогда.

За едой, может, наши слова
будут теплей и оттают сердца». –

На плече правом руку держа,
вперёд пройти приглашает меня.

Так вместе с ним мы порог перешли,
его слова в сердце отклик нашли,

теплела, отаяв, моя душа,
повисли в воздухе злые слова,

остались невысказанными они.
Я погрузился в думы свои.

Не отрывает Хэ-Ган своих глаз,
и на меня он смотрит сейчас.

Снова и снова анализирует мои слова,
мыслей полна хана глава:

«Гай-Юань-Тхаю будет так трудно сейчас,
хитрая баба, в положенный час

как обещала она тогда,
сына – батыра-льва родила.

Если бы Хэнь-Янь против него
всех не настроил, расстроив его,

не говорил бы злые слова,
то не сидел бы мрачный тогда

тот кёкжал, он слов никогда
зря не бросал, а держал их всегда.

Как жаль! Язык смог бы я найти с ним,
будь чистокровный, китайский он сын.

По материнской линии он,
в нечистокровном роде рождён,

из тех бурутов, что из низов.
Если услышит крови той зов,

и верх возьмёт над ним она,
не пожалеет меня он тогда.

А так – спокойный, с широким чепом,
и заклинаньями владеет он.

Красноречивый этот батыр,
полон отваги, мужества, сил.

Состраился я, нет дитя своего
у меня, и престол заберут всё равно.

Если Гай-Юань к власти придёт,
сразу же голову мне он снесёт,

этим дорогу откроет себе:
Чет-Бээджин, манжу, Ламы – все

в подчинении Хэнь-Яна они,
но он недоволен богатством своим.

Смотри-ка, поддавшись Гай-Юаню он,
наследника-сына лишился потом.

В сырой земле Бао-Хото лежит,
и вечным сном сын Хень-Яна спит.

Единственный сын, дела отца
он бы продолжил, но не судьба.

Сильное горе к Хэнь-Яну пришло,
своим огнём охватило его.

В горе пока находится он,
претендовать не будет на трон.

Мой трон оспаривать может один
юноша мрачный, пришёл он за ним.

«Чей же трон этот, если не мой?» –
В душе вынашивает он план свой,

как это сделать, уверен во всём,
думает, что прав он в деле своём.

Сам предложу ему трон отдать свой,
только не ссорится пусть он со мной». –

И повернув ко мне лицо,
Великий хан молвил слово своё:

«Свет мой, до сих пор холоден ты,
своих родных ещё не простил.

Мрачный, обиженный, молча сидишь
и ничего мне не говоришь.

И на вопросы, что задал тебе,
не дал ответы сейчас свой ты мне.

Не разделял никогда народ свой,
родственник это или чужой.

Я справедливость очень ценю,
много лет власть в руках держу.

Людей на народности я не делю,
им благосклонность свою дарю.

Не нарушая согласия я,
спор разрешу справедливо всегда.

Не принимал сторону я родных
в споре, заботясь только о них.

Людям другим никогда не грубил,
о том, что чужие они мне, не говорил.

Зло сотворил если родственник мой,
то пусть несёт наказанье, крест свой.

Таким решенье будет моё:
голову снять, не жалея его,

отдам приказ, чтобы за воровство,
за клевету, вор ответил за всё.

Тело на части велю расчленить,
маслом кипящим затем облить.

Народ предавших, изменников я
не пожалею их никогда,

в живых не оставляю ни одного.
Бабе, родившей сына того,

живот безжалостно я вспорю,
к мукам тяжёлым приговорю,

голову сына, затем отсеку,
в её живот засунуть велю.

Ведь дисциплина всем людям нужна,
словно железо должна быть она.

Грань, что дозволено, не позволял
перейти, народ в «тисках» свой держал.

Если оплошность вдруг произошла,
то исправлял её сразу всегда,

и в равновесии так всё держа,
правил народом с умом долго я.

Кары ханом зовут с молодых лет меня,
золотой престол будет пусть для тебя.

Коль собрался ты править с умом,
вот народ твой, позаботься о нём.

Завтра же братьев своих позову,
святым местам поклониться пойду.

Душу очистив свою от греха,
я отрекусь от власти тогда.

Надев корону на твою главу,
на златой трон тебя посажу,

который мне перешёл от отца.
Когда вернусь со святых мест, тогда

я о решенье своём сообщу
народу, той для него проведу.

Свет мой, пока не вернёмся мы,
займись охотой, отдохай ты.

Ловчую птицу с собой, псов возьми,
и за добычей их отпусти.

Так, развлекаясь, ты отдохни,
и возвращенья нашего жди.

* * *

Тайну открою тебе сейчас я,
не открывал никому, никогда.

...Был молодым, возвращался тогда
с дальней охоты я, как всегда.

Но дождь застал нас на нашем пути,
 дальше решили мы не идти.

Остановились в пещере одной,
 организовали в ней ночлег свой.

Положил голову на землю я,
 но беспокоило что-то меня,

и нарушало тогда мой покой,
 что-то лежало под головой.

Камень на ощупь нашёл в темноте,
круглый, холодный и гладкий вполне.

Наружу выбросить его хотел,
руку подняв, сделать то не успел.

Стало в пещере этой светло,
свет голубой осветил всю её.

Легкое дуновенье тогда,
рука почувствовала моя.

Камень, который в руке я держал,
необычайный тот свет излучал.

На его поверхности увидел я –
написаны странные письмена.

Хоть прилагал я все силы свои,
чтобы прочитаны были они,

но прочитать их не смог тогда я,
и неразгадана тайна была.

Той ночью так я и не уснул,
до утра глаз своих не сомкнул.

Никому камень тот не показал,
никто о находке моей не узнал.

И, не вставая сейчас с места ты,
внимательно на гору ту посмотри.

Крепость из камня рубина стоит,
в ней этот камень дивный лежит.

Никто не знает, кроме меня,
где спрятал камень тогда этот я.

Крепость построил ту для него,
укрыл надежно в ней я его.

Искал ответ на свой вопрос я,
людей расспрашивал многих тогда.

Я о пещере потом всё узнал,
в которой камень дивный лежал.

Что это за камень – я понял потом.
Жайчи¹ индийские в месте том,

в этой пещере они собирались,
Великой Силе там поклонялись.

Если надписи на камне том,
прочитать, то тогда можно потом

погоду с помощью их менять,
но я тайну камня не смог разгадать.

Много лет спрятанный камень лежал,
многим провидцам его показал,

никто не смог тайну камня открыть,
кто его видел, велел тех убить.

Знал – все они смогли прочитать
запись и тайну смогли разгадать.

Все они камень хотели иметь,
мечтали о том, чтобы им завладеть.

¹ Жайчи – заклинатель погоды, человек способный изменять погоду: вызывать и останавливать ливень, бурю.

Те, кто о камне дивном мечтал,
в сырой земле теперь лежал». –

… В крепость ночью меня он повёл,
в тесное помещенье завёл.

Из тайника в стене, не спеша,
медленно вынул шкатулку тогда,

и осторожно вытащил он
из пазухи ключ на шнуре золотом.

Шкатулку бережно в руках держа,
ключом открывал он, не спеша.

Повернул медленно семь раз ключом,
потом направо им повернул он,

крышка шкатулки беззвучно открылась,
коробка одна в ней находилась.

Таинственный камень в коробке лежал,
сияние дивное он излучал.

«Мыслей плохих у меня к тебе нет,
открыл потому тебе свой секрет.

Сделай попытку расшифровать
запись на камне, должен всё знать,

двацать один год ведь ты изучал
тайны Вселенной, и многое познал.

Там же, где ты, учился и я,
длилась лишь семь лет учёба моя.

Я ради ханства – цели своей,
бросил учёбу свою поскорей.

Отец среди братьев меня выделял,
«Первенец мой», – так меня называл,

престол в наследство мне передал.
Предков обычай я выполнял,

хана Великого долг исполнял,
врагу объятья я не раскрывал,

на поле брани его побеждал,
чужому народу взять верх не давал.

Не дав упасть тени на трон, живу,
нас победить не даю я врагу.

Хочу показать отношенье моё,
расположенье к тебе своё,

в моё отсутствие делай ты всё,
что пожелает сердце твоё.

Ханским дворцом моим обладай,
садись на трон, только лишь пожелай.

Если тоскливо будет тебе
и одиноко твоей душе,

то утешенье своё здесь найди,
вниманье на камень ты обрати». –

В правую руку взял камень я,
в левую – положил, не спеша.

«Тарс-тарс», – снаружи послышалось вдруг,
раздался громкий и частый звук.

Обратно переложил его
в правую руку, умолкло всё,

звуки мгновенно стихли тогда.
Камень на место поставил я,

к хану лицо своё повернул,
прямо в глаза его взглянул:

«Знаешь секрет камня лучше меня,
и испытанье придумал зря.

Кроме того, хорошо знаешь ты,
оспорить трон сил не хватит твоих.

Видел на камне ты: моя звезда
страх на твою звезду навела.

Нет смысла во власти твоей для меня,
для своего доказал лишь отца,

что если захочет, на смерть пойду
ради него я престол отберу.

И если б сам ты престол не отдал,
силой его у тебя б я забрал,

но осознал, в чём ошибка моя,
родные ведь оба вы для меня.

Зачем отец пожелал ханский трон,
если на нём брат сидит? Знал то он.

Когда от чистого сердца тебе
отдать свой трон захочется мне,

только тогда я сяду на трон,
наших отцов наследие он.

Если не дашь трон, не буду я
зло держать, что же, уеду тогда

в Тянь-Ян, на свой рудник золотой.
Святым местам поклонись, успокой

ты своё сердце, и только потом,
прямо скажи о решенье своём». –

* * *

Семь дней прошло, как Великий хан
ушёл, поклониться святым местам.

Я отчего-то всю ночь не спал,
и на рассвете лишь задремал.

Спокойно, сладко заснул тогда,
во сне увидел дервиша я.

Когда в «Кёйкапе» учился, ко мне
tot старец – дервиш являлся во сне.

Затем всё реже мне снился он,
во сне не видел его потом.

И вот сейчас между явью и сном
почувствовал я, как тоскует он.

Хэ-Ган
(Великий хан)

Его тоска по мне давней была,
голос знакомый сказал мне слова:

«Чтоб в мире бренном увидеть тебя,
прошёл путь длинный для этого я.

К тебе сейчас пришёл издалека,
защищал много лет, Свет мой, тебя.

Знай же, зачем в этот мир пришёл ты:
осуществить своей мамы мечты.

Рождён для этого только лишь был,
и пришёл в бренный этот ты мир.

Всё остальное мама твоя
тебе расскажет, послушай меня

очень внимательно, последний раз
дам я тебе совет свой сейчас.

Без доспехов, оружия ты
в ханский дворец не заходи,

и не прельщайся троном златым,
смерть ты свою найдёшь вместе с ним!

Не гнил и оставался прочным ковёр,
даже если в воде сорок лет лежал он.

Сказочно красивый ковёр на вид,
такой от порога до трона лежит,

яма под ним очень уж глубока,
жестокую смерть принесёт она.

Если не веришь мне, то посмотри,
порог осторожно перешагни,

и край ковра с правой стороны
подняв, увидишь под ним яму ты.

Стал во главе братьев старик Хэ-Ган,
начали то, что присуще врагам.

Они решили тебя погубить,
и твою кровь хотят здесь пролить.

Когда вернутся с Великой Горы,
Туда ходили за тем, чтобы смогли

они вопрос для них главный решить,—
как поскорее тебя им убить.

Но не напрасны волненья мои,
времени мало, скорей уходи.

Был под крылом моим птенчиком ты,
стальные крыльышки были малы.

В муках, страданьях подрастал,
и устрашающим соколом стал.

Волка способен ты победить,
взглядом целое войско убить.

Чёрные силы если тебя
обступят, то дашь отпор им всегда,

Владыка силы мужества ты,
неистощимы силы твои.

Пусть же Тенир поможет в беде,
помощь свою пошлёт Он тебе!

Противостоянья время пришло
планет, пришёл я к тебе для того,

чтоб попрощаться, сынок, с тобой,
и завершить путь здесь этот свой.

Уйду теперь во Вселенную я,
одна останется кровинка моя

здесь на земле, но в Вечности мы
встретимся, осуществляются мечты». —

Грустным, задумчивым было его,
ко мне повёрнутое лицо,

и было слезами омыто оно,
тепло излучали очи его.

Но вдруг от меня он удалился,
и, словно в мареве растворился.

Горела грудь от боли моя,
словно, огнём горела душа.

Что это сон, иль явь то была?
Не смог тогда различить это я.

Глаза свои осторожно открыл,
и телом медленно пошевелил.

Оборвалась в душе, словно нить,
тело и сердце мои стали ныть.

В этот момент почувствовал я,
что потерял важное для себя,

нежное, хрупкое что-то моё,
не по моей воле сейчас ушло.

Подошёл стражник-воин спеша,
и поприветствовал он меня.

Учтиво голову свою склонил,
согнул колени, затем объяснил

цель прихода ко мне рассказал,
о том, что было ночью, сказал.

Воины Хэ-Гана ночь ту провели
без сна, готовились очень они

к чему-то и только ушли отдыхать,
об этом разведчик спешил передать:

«К чему так готовились очень они,
я сообщу в донесеньях своих.

То ли то к худу, то ли к добру,
пусть будут готовы бойцы ко всему». –

Совпадли воина-стража слова,
со сном, который был знак для меня.

«Воины пусть соберутся мои,
вооружены пусть будут они». –

такой приказ бойцам я отдал,
мысленно тогда себе сказал:

«Будь же, что будет», – потом пошёл я
в сторону ханского дворца.

Но караула не было в нём,
не охранялся никем ханский трон.

И это масло в огонь подлило,
усилив лишь подозренье моё.

Входить во дворец почему-то я
не очень хотел, пересилив себя

медленно перешагнул порог,
лежал ковёр у моих ног,

он восхищал своей красотой,
соткан из шёлка, был золотой,

и от порога до трона лежал,
ханский дворец тот ковёр украшал.

Был очарован его красотой,
хотел шагнуть, вздрогнул, вспомнив сон свой.

Правый угол ковра я поднял,
ямы огромной пасть увидал.

Вниз опустил, затем край ковра,
двинулся к выходу, не спеша.

У входа рабыня ко мне подошла,
в низком поклоне согнулась она,

рядом стояла и очень низко,
подобострастно кланялась быстро.

Фигура закутана была её
в одежду, закрыто даже лицо.

Словно о помощи меня прося,
руку свою протянула, спеша.

«Кто же так сильно вас напугал?» –
как только это я ей сказал,

из своего рукава она
письмо достала и мне отдала.

Взяв письмо, быстро его развернул,
мельком на почерк только взглянул –

понял от кого это письмо,
мама моя написала его.

В своём письме просила она,
чтобы вернулся скорей домой я.

Рабыня, которая передала
письмо мне, кланялась низко она,

и, незамеченной стражей, прошла,
то Урюлайым эне моя была.

Был поглощён письмом тогда я,
Хэ-Гана сторож возле меня

вонзил нож острый в сердце эне,
она успела «Беги!» – крикнуть мне.

Из её раны страж вынул кинжал,
и, обращаясь к кому-то, сказал:

«Что за служанка сюда вошла?
Как во дворец она ханский прошла?

Тело нечистой возьмите сейчас,
дворовым псам отдайте в сей час». –

Визгливым голосом он приказал,
на окровавленный, смотря кинжал,

я, растерявшись, не понимал,
что же случилось. Шатаясь, стоял

страж, опьянённый кровью, тогда
разрубил надвое варвара я.

Моя родная Киндик эне,
слёзы печали в моей душе.

От стражи тебя защитить я не смог,
от смерти страшной не уберёг!

Потом.... Большую резню учинил,
во дворце спящих всех я убил.

Воинов всех уничтожил тогда,
не пожалел даже слуг хана я.

Крепость разрушил также его,
хан из рубина построил её.

Сундучок с камнем с собою взял,
еще жайчи сорок прутьев забрал,

из чёрной ивы были они,
собрал всех бойцов, и уехали мы.

* * *

Во дворец сразу позолоченный я
к маме поехал, очень спеша.

Тело моей Урюлайым эне
привез на своём Сарала – коне.

Нарбого, дервиша, Киндик эне –
всех потерял в однотасье, и мне

было печально, сердце тоской,
словно железной сжато рукой.

С горькими мыслями ехал тогда,
дорога очень долгой была.

Разочаровали родные меня,
и возвратившись домой, теперь я

решил: «Отвезу в Чет-Бээджин отца,
дам ему всё, о чём грезил всегда.

На золотой посажу его трон,
исполню то, о чём мечтал он». –

Без задних мыслей, с чистой душой,
я возвращался в ханство, домой.

.... О чём поведала мама моя,
не дыша, слушал я до утра.

Матушке сон свой затем рассказал,
с детства покоя он мне не давал.

О том, что дервиш приснился мне,
в моём последнем, чудесном сне,

*Лойянъ-Ган
(Азиз-Хан)*

что навсегда он простился со мной.
я рассказал маме этот сон свой.

Чуть в нерешительности постоял,
затем вопрос маме свой я задал:

«Улан, которого видела ты
на Близнецах Озёрах, скажи,

и дервиш, которого видел я во сне,
то один Ангел? Поведай ты мне.

Он наяву являлся к тебе,
ко мне всегда приходил во сне.

В разных обличьях он приходил,
был Ангел это все же один?

Во время тогоол, пожалев тебя,
он не ушёл¹, подарив меня.

Во сне он ко мне всегда приходил,
от многих бед меня оградил.

Голубем был на Озёрах Святых,
Это отец мой? Мама, скажи». –

Слезами горькими мама моя.
плакала, ждал ответ её я,

и как отец мой тогда зашёл
не видел, тихо он подошёл.

Раздался вдруг резкий звук и я
увидел, обернувшись, отца.

¹ *Он не ушёл* – этот Ангел добровольно отказался жить среди ангелов, остался на земле, чтобы помочь Алтынай и Алмамбету.

Недалеко от меня он стоял,
и дикой злобою весь пылал.

Как скорпион к броску был готов,
к его глазам прилила кровь.

Торчали редкие усы его,
был безбородым лик у него.

Ярость, что страх наводит всегда,
увидел в лице его я тогда.

В руках его меч булатный блеснул,
но почему-то он им не взмахнул.

(Не могу найти слова для выражения того, насколько тяжело записать следующие строки на бумаге. Несколько дней мучилась, думая о том, что может не стоит их писать. А если не напишу, читатель тогда не сможет понять, почему Алмамбет Ата убил Азиз хана. Но после того, как написала, решила, что просто передам агаю эти строки – жуткое страдание для меня. Через несколько дней я, отвернувшись к стене, бросила листок, который держала в руке, туда, где стоял агай. И хоть я понимала, что поступила очень грубо, но ничего другого придумать не смогла. Надеюсь, что люди старшие и младшие, прочитавшие эти строки, поймут правильно и простят меня за то, что я их записала):¹

¹ В 1996 году, когда писалась эта книга Бюю Мариям Муса кызы готовые рукописи всегда отдавала Шакину Эсенгулову, тот в свою очередь печатал на машинке. Здесь как раз рассказывает-ся о том, как трудно было ей отдать рукопись Ш. Эсенгулову. Причина этого кроется в следующих строках.

От гнева узкие его глаза,
вдруг округлились, из скверного рта
полились грязные очень слова:
«Падшая женщина, чувствовал я
всю твою хитрость, простил тебя,
ведь девой чистой тогда была.

Чрево твоё излучало тепло,
и сообщало, словно оно,
что в нём живёт уже дитя.
Скольких женщин имел тогда я,
но, ни одна из них для меня
ребёнка так и не родила.

Шлюха китайская мать твоя,
родит что сына, клятву дала,
отважной женщина эта была,
в корону хана стреляла она,
и победила не только меня,
но Улуу хана¹. Она приняла
от дервиша семя жизни в себя,
и незаконно тебя родила.

Чтоб сохранить жизнь только твою,
чары использовала, хитрость свою,
и, ослепив любовью глаза,
чарами усыпила меня.

¹ Улуу хан – император, букв. «великий хан».

Шестьдесят лет ей стало уже,
как дева юная, отдавшись мне,

звук издаёт сладострастный она
в любовных играх, когда плоть моя

страстно входит в лоно её,
оно целует плоть, как дитё.

Чрево такое, как у неё,
редко встречается, может оно

богатыря, льва, царя родить,
который сможет всех победить.

Её набухшие груди всегда,
касаясь моей груди, меня

так возбуждали и снова я
в неё входил, от страсти горя,

и, словно рыбка она подо мной
вся извивалась, сливаясь со мной.

Мраморно-белое тело её,
огнём горело страсти оно.

Околдовала её страсть меня,
ко всем подряд ревновал её я.

И возбуждало меня всегда
тело горячее её, когда

плоть мою лоно её целовало,
в полёте страсти, душа улетала.

Блаженством этим я только жил,
без него серым мир вокруг был,

и, занимаясь любовью с ней,
как свинец, таял я в страстном огне.

Блаженство то, что к ней испытал,
я никогда, никому б не отдал.

Ни с кем делиться с ней не хотел,
берёг я в сердце то, что имел.

Представить в мыслях даже не мог,
чтоб изменила она мне, чтоб смог

её мужчина коснуться другой.
Не открывал никому секрет свой,

ведь это наша тайна была,
и в моём сердце она жила.

Сейчас услышал я, что она,
от дервиша незаконно тебя

подлеца родила, и от всех
она скрывала тот страшный грех.

И, словно соль на рану мою
насыпала, в огне я горю.

Падшая женщина, чрево твоё
я разрублю, плоть сына твоего

от его тела я отделяю,
и в твоё чрево сейчас воткну!» –

Потом взмахнув своим острым мечом,
рассёк им одежду мамины он.

Мама закрыла руками лицо,
враз обнажилось все тело её...

Бросившись, меч его вытащил я
и обагрил его кровью отца.....

.... Только подумаю, вспомню о том,
жалею, что поступил так с отцом.

Если бы злобно он не говорил,
я никогда бы так не поступил,

и не обидел б его никогда.
Жаль! Сделал бы всё о чём просит меня!

Светлую душу матушки он,
сажей покрыв, облил грязью потом.

Ничего сделать не смог я тогда,
не вынес яда его языка.

Доброе имя её оскорблял,
честь и достоинство унижал.

Не смог всё вынести это, и я
своему гневу поддался тогда!

Выйдя наружу, устроил резню,
вылив свой гнев и горечь свою.

Я уничтожил тогда во дворце
телохранителей, воинов всех,

тех, кто служил Азизу с душой,
вылил на них свою горечь, гнев свой.

Никто из дворца не вышел из них,
я никого не оставил в живых.

Когда я вернулся к маме моей,
одежда воинская была на ней.

Мужественно, не боясь, не дрожа,
а очень смело держалась она,

и, повернувшись ко мне лицом,
свои слова сказала потом:

«Мой жеребёнок, как мало у нас
времени, тебе скажу я сейчас

слова, не успела которые я
тебе сказать: к Озёрам когда

Святым в последний раз пошла,
знак получила Свыше тогда.

Встретилась с дервишем, в образе он
этом был, встретилась с твоим отцом.

На Озёрах Святых та встреча была,
окутала озеро дымка тогда.

Голос сквозь дымку услышала я,
сказал, прощаясь, он мне слова:

«Алтынай, всё Алмамбету скажи,
близок тот день, когда уйдёшь ты

вновь во Вселенную. Враждует народ,
зло сотворил он, будет много невзгод,

ведь загрязнил он землю свою,
вокруг себя, порождая тьму,

чёрные силы туман сотворили,
на землю нашу его напустили.

Тайну Вселенной чтобы познать –
ключ, что скрывает её, надо знать.

Людей, которые могут ключом
тайну открыть Вселенной потом, –

их стало больше. Время идёт,
когда на землю радость придёт,

скоро очистится наша земля,
пусть же останутся семена,

те, что посеют Свет, Чистоту,
Добро, Целомудрие, Красоту.

Алмамбет – семя Чистоты и Добра,
его в мире бренном оставляю я,

чуть раньше тебя уйду и тогда,
ждать буду и потом встречу тебя». –

Мой жеребёнок, сказала я всё,
что рассказать хотела. Ещё

скажу, чтоб вместе с Мажитом вы,
вернулись к народу, на земли свои.

Пока враги войско своё соберут,
в Каменный Город сражаться придут,

надо скорее из града уехать,
и на родную землю поехать.

Если поехать мне с вами судьба,
найду свой покой на Отчизне тогда.

А если начертано Свыше судьбой,
остаться навеки в стране чужой,

не буду роптать на свою судьбу,
пусть на чужбине покой свой найду». –

Договорить не успела она,
послышался голос Мажита, слова

свои быстро очень он говорил,
и видно было, как он спешил:

«Алмамбет, к граду враги подошли,
словно туман стелящийся они.

Каменный Город враги окружили,
ты поскорей выходи, брат родимый.

Не посторонние, родные твои,
для тебя стали врагами они.

Внешнюю крепость разрушили, и
заполонили вокруг всё враги». –

Матушка, это услышав, моя,
поднялась с места сразу она.

В лице изменившись, сказала слова:
«Мой жеребёнок, ты для меня

Кулатору кобылицу скажи, чтоб привели,
и, накрыв её попоной, оседлать вели.

В руки свои оружье возьму,
и вместе с вами в бой я пойду.

Цель у нас сейчас только одна –
на Родину нам возвратиться пора!» –

Моя матушка мне помогла
врага узнать, безжалостно я

жестокую устроил резню,
и не давал пощады врагу.

Двадцать один год в «Кёйкапе» я
получал знания, понял тогда –

польза от них огромной была.
Количество моего врага

было таким, что если б бойцы
взяли по камню в руки свои,

затем бы, те камни сложили тогда
из них получилась большая стена.

Против них было оружье моё –
использовал я заклинанье одно.

Огромное войско вмиг истребил,
мороз трескучий на них напустил,

холодно стало, словно зимой,
снег вызвал, он пошёл плотной стеной.

Снегом дороги я все завалил,
войску огромному путь преградил.

Стали монахи заклятье читать,
чтоб заклинанье то расколдовать.

Только препятствовать я им не стал,
с ними вместе заклятье читал,

чтобы мой заговор сняли они,
расколдовать его бы смогли.

Властвуя хладом, стояла зима,
вдруг превратилась в лето она.

От зноя снег таял быстро, вода
потоком бурным с гор потекла.

Падали камни, обвалы пошли,
всё на пути сметали они.

От селя нахлынувшего, дома
разрушились многие тогда.

Когда «конец света» устроил врагу,
его острый меч повернул к нему,

тогда я обратно врага погнал,
и он пощады моей не знал.

В крепости той, что стоит на холме,
были посажены чинары две.

Повернул к двум чинарам коня,
беду предчувствуя, ехал к ним я.

О! Мой Тенир! Вспоминаю когда,
то холдеет всё тело, душа,

и во рту сохнет, словно в жару,
когда напиться воды не могу.

На земле мама лежала моя,
груди отрезаны, в крови вся,

связаны руки, ноги её.
Я навсегда запомнил всё то,

перед глазами образ стоит
мамы страдающей, душа болит.

Крик оглушительный свой, помню я,
в моих ушах стоит он всегда.

Он мог бы землю всю разорвать,
эхом в сердце звучит он опять.

Стражи, когда обступили меня,
резню учинил жестокую я.

Превратил в кашу я их тела,
смешана с слизью кровь их текла.

Кого-то ударил, схватив, о скалу,
не мог сдержать ярость тогда я свою.

Монахов вокруг своей мамы убил,
от пут её сразу же освободил.

Поднял свою матушку на руки я,
к чинарам пошёл, была там вода,

на землю холодную положил,
водой лицо светлое освежил.

Вздрогнув ресницами, тихо она,
сказала последние свои слова:

«Жаль! Не увидела Родину я,
иди скорей в родные края,

о них мечтали родные мои,
землицы родимой горсть привези.

Желанную землю Отчизны ты,
на наши могилы потом положи!» –

Большие, чёрные её глаза,
туманом словно покрылись, она

слабо последний раз вздохнула,
шею лебяжью свою повернула

вправо, поникла её голова,
свет излучив, вытянулась она.

Оборвалось сразу сердце моё,
взревел, приникнув к груди её.

Кто-то, рыдая, гладил меня,
и я услышал, сквозь плач, слова:

«Мой брат молочный, я рядом всегда,
с тобой одна кровь у нас и душа.

Сделать не можем мы ничего,
не оживим её всё равно.

Ты поднимись, мечту мамы твоей
исполним, ехать нам надо скорей

на Родину, мамы твоей душа,
от тела, родного нам, отошла.

Выроем ей могилу здесь мы,
и землю мягкую постелив,

пока не вернёмся, пусть мама твоя,
как аманат будет сохранена.

Пусть тень чинар защитит от забот
бренного мира, пусть отдохнёт». –

За руку Мажит поднял меня,
говорил плача, он эти слова.

Воинов мало осталось моих,
тех, кто остался ещё в живых.

Из разных сторон собирались они,
и те, кто выжил, ко мне все пришли.

На золотом руднике рабы,
объединились, бой дали они,

сражаясь бесстрашно против врага.
Один, из прибывших людей тогда

горько, сквозь слёзы, слова сказал:
«Алмамбет, помочь я не оказал,

в нужный момент был далеко,
не знал, что здесь произошло.

Как ястреб парящий, мама твоя,
за врагом смело погналась она,

метнула, прицелившись, своё копьё,
попала врагу в левый бок, в ребро.

Женщина ведь, не хватило ей сил,
коротким удар поэтому был.

Рану свою Конурбай крепко сжал,
конь Алгара его быстро скакал.

За Алгарой Кулатору конь мчит,
его, догоняя, птицей летит.

Метнуть решила, поправив копьё,
но пуля сзади настигла её.

Попала в руки монахов она,
и ими была окружена.

Но очень скоро сюда ты пришёл,
истерзанную свою маму нашёл». –

Лишь говорить он закончил слова,
ко мне тот страж¹ близко подойдя,

бросил свой взгляд на землю, туда,
где похоронена мама была.

За руку взяв осторожно меня,
он произнёс мне такие слова:

«С землёй могилу мамы сравняв,
дёрном, покрыв её, утрамбовав,

¹ Страж – охранник Конурбая.

плотно посадим здесь деревца,
пусть вечным сном спит мирно она.

Пусть не глумятся над телом враги,
разрыть могилу ведь могут они.

Не потревожит её пусть враг твой,
пусть обретёт она вечный покой.

Лишь только закончим дела эти мы,
в края уезжай родные свои.

Эсенкан с войском огромным сюда
вернётся, и победит он тогда.

Это древнейший, сильный народ,
поднявшись разом, он скоро придёт.

Хозяина спас его конь Алгара,
живой Конурбай остался пока.

В пещеру его Алгара отвезёт,
и там излеченье своё он найдёт.

Монахи лекарством обмажут всего,
и вылечат очень быстро его.

В пещере лекарство капает то,
здравье поправит Конурбай своё.

Дорога в низине к бурутам ведёт,
он её знает и вокруг пройдёт,

чтобы затем её перекрыть,
ждать тебя будет, чтоб не пропустить.

Алмамбет, хорошо если бы ты,
раньше него смог дорогу пройти.

Кто человечность ценит твою,
кто тебе дарит верность свою,

мужество, благородство твоё
ценят, они и сердце своё

тебе отдают, верно служа,
и защищать тебя будут всегда.

Дорогу врагам твоим преградим,
догнать тебя мы им не дадим.

Это возвращенье, не бегство твоё,
а возвращение на Родину то.

Ты на родные земли иди,
жизнь и здоровье свои сохрани.

Войско собрав, с местью приди,
и, отомстив, врага победи.

Тебе дорогу я покажу,
как до Отчизны дойти расскажу.

Только с Мажитом одним уходи,
рабов оставь, с собой не уводи.

Но не послушаешь если меня,
от обещаний тогда своих я

отрекусь, у нас одна с тобой
дорога мести, ты веры другой,

и хоть по крови чужие мы,
но отомстить Конурбаю, как ты

намерен, но не предам веру я,
минахов кровь родная моя.

Крепко здесь дружбу нашу хранил,
был всегда другом верным твоим,

но перевал перейдёшь ты когда,
станешь чужим и врагом для меня». –

* * *

Землю, где маму мою погребли,
сказав: «Аманат», покинули мы.

На земле той деревца посадили,
крепкую крепость из них сотворили.

Клятву дали: «Приедем сюда!» –
Рабов не взяли из рудника.

Секретам воинов я обучал,
знания многие им давал.

Воинов горстка осталась моих,
души своей не чаял я в них.

Данную клятву, они сдержали,
смерти в глаза глядя, воевали.

Путь собирались врагу преградить,
чтобы меня от него защитить.

Рана на сердце глубокой была,
огнём горела, болела она.

Алмамбет

Трудно расстался с бойцами я,
стали друзьями они для меня.

Остались дорогу врагу преградить,
погоню за мной, чтобы остановить.

Собравшись, решил поехать я,
туда, где была родная земля.

....Дорога тайной, военной была,
неведома для народа она.

Страж тот с Мажитом путь возглавлял.
Когда на высокий взошли перевал,

то погрузилось уж солнце в гнездо,
лучом последним ласкало оно.

На закат солнца тот сторож, глядя,
заклятье читал Чи-Лу-Сена тогда.

Дорогу дальнейшую нам показал,
решив назад вернуться, сказал:

«Алмамбет, солнце жизни моей,
давно зашло уже, ты мне поверь.

Ты же закат увидел сейчас,
это плохая примета у нас.

Пик этот, цель, к которой идёшь,
ты к ней стремишься, но только взойдёшь

на ту вершину, как солнце твоё
сразу зайдёт, отдав своё тепло.

Это тепло – благодать будет та,
что впереди ожидает тебя.

Сегодня пятнадцатый день и луна
полнна, на небе сияет она.

Это души твоей чистота,
от тёмной ночи спасает тебя.

Достигнув цели своей, сразу ты
закатишься, но дела все твои,

имя останутся после тебя,
ярко сияя, как эта луна!

Друг мой, прощай! На холме стоим мы,
свидетель он, что дни дружбы прошли». –

Последние эти слова он сказал,
потом всем видом своим показал,
что стал теперь уже нашим врагом,
не оборачиваясь, ушёл он.

Произнесённые стражем слова,
в мысли мои погрузили меня.

Отчизна моя, родная земля!
Идём к тебе, чтоб увидеть тебя....

(Завершение истории Алмамбета вспоминает
Айкель Манас, находясь на Тал-Чоку...)

Конец раздела дастана первой книги.

РАЗДЕЛ МЕДИТАЦИЙ

(Вторая часть)

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

Когда писала эти строки, снаружи послышался топот коней и было землетрясение.

Посмотрела на часы – без пяти пять. Я не спала уже больше суток, закончив писать, прямо в одежде, заснула там, где сидела. Когда я проснулась, был уже двенадцатый час, попила чай и как только взяла в руки тетрадь, ещё раз вздрогнула земля. Когда пришедшие лечиться девушки сказали, что эпицентр землетрясения находился в Кызарте¹, я очень удивилась, так как я знала, что кабыр² Жайсан Ата находился там. Я подумала, что, наверно, когда пришло в движение дух отца нашего Жайсан Ата, то и земля пришла в движение.

Из-за того, что вчера ночью Нуршоола долго не спускался и появился лишь ближе к рассвету, времени было мало, и Жайсан Ата очень быстро удалился. Сегодня вечером я тоже должна была выйти медитировать. Дома не было условий, чтобы помыться, тогда я пошла к Шакин агаю, чтобы сделать это и выйти на медитацию. Вошла вместе с агаем в их дом. Как только открылась дверь, удалил резкий запах бозо³ в нос. Я сразу повернулась назад, прямо через Шортон направилась в сторону гор, но перед медитацией я должна была при-

¹ Кызарт – местность, перевал в Джумгальском районе.

² Кабыр – прах.

³ Бозо – национальный напиток кыргызов.

нять омовение. Услышав журчание воды в арыке обрадовалась. Когда я зачерпнула воду рукой и приблизила к лицу, почувствовала резкий неприятный запах нечистот. «О, Тенир, как же теперь быть?» – взмолилась я и побежала к каналу. Вода в канале ещё была, спешно разделась и бросилась в ледяную воду. Как только оделась, спустился Нуршоола. Забыв о своей обиде и о том, что замёрзла, всё внимание обратила на строгий голос Жайсан Ата, находящегося внутри Нуршоола.

После этой медитации была получена информация, которая записана на 101–115 страницах дастана.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

Голос умолк, я застыла, не понимая, что случилось. Объятый голубым светом, Жайсан Ата приблизился, послышался его тихий голос:

*Свет мой, домой сейчас вернись ты,
младенцу обряд «дем салуу»¹ проведи,
затем, не сворачивая иди
быстро на место нашей встречи приди.*

Голубой свет удалился, кругом стало темно. Посмотрела по сторонам, оказалось, что я стояла на склоне горы напротив ЛСП². Вспомнила, приехавшую из Мин-Куша³ женщину с маленькой девочкой. Я должна была прочитать обряд «дем салуу» этой девочке, когда небо будет полно звёзд. Увидев мерцающие над собой звёзды, поспешила домой.

Было довольно холодно, после моего дневного купания в канале перед медитацией, мокрые волосы на висках смёрзлись. И хотя на висках висели льдинки, но из-за быстрой ходьбы, лоб вспотел. В таком виде я вошла в дом. После завершения обряда «дем салуу» маленькой девочке, у которой были припадки, поспешила выйти из дома. Когда дошла до моста на канале, спустился Нуршоола. Послышался голос Жайсан Ата:

Во время этой медитации были записаны строки на 116–130 страницах дастана.

¹ Дем салуу – зناхарский обряд «вливания энергии».

² ЛСП – лечебно-санитарный пункт.

³ Мин-Куш – местность, поселок городского типа в Джумгальском районе.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

Мглисто-голубой Нуршоола утончался, голос отца умолк, не сказав ни одного слова, не относящегося к дастану. Жайсан Ата, строгий на вид, удалился.

Безлюдное поле. Некоторое время я стояла в растерянности. Душа болела, мне захотелось разорвать на части тетрадь, в которую я заносила знаки. Чем я провинилась? Да, в прошлый раз, не в силах отказать Бегайым, я не сразу пошла на медитацию и в этом виновата, но ведь он мог учесть, что я одна из кёрпенде¹ и потому поступила по-человечески! Положив свою камчу, которую я взяла вместо камчи Бююайша апа в свою синюю сумку, пришла в надежде, что Жайсан Ата благословит его, но Ата удалился, ничего не сказав. Омывая лицо горькими слезами обиды, шла в село прямо, через Шортон.

09.11.1995 г. 17-й лунный день. 295° 23' 20" 16°

Пока прошла неделя, это время было равнозначно веку, душа моя была не спокойна. Груз быта изо дня в день становился тяжелее. До сегодняшнего вечера было тяжело всю неделю. Как только наступили сумерки, взяла свою синюю сумку и направилась в сторону гор. Когда по склону Седеп-Ётёка приблизилась к Кара-Дёбё, уже была полночь. Села за камнем и зажгла свечи. От ярко загоревшегося пламени свечи, кругом всё было объято оранжево-красным светом. Не было даже лёгкого

¹ Кёрпенде – то же, самое, что «пенде», обычный мирской – человек, недальновидный, приземлённый, жадный. Кёр – букв. слепой.

ветерка. С оранжевым светом свечи смешался голубовато-зелёный свет Нуршоола и затем, после того, как показался силуэт Жайсан Ата, послышался его голос:

*Свет мой, ты долго меня ждала,
так ли стремилась к встрече, как я?*

*Переживал я много в те дни,
сердцем почумял печали твои.*

*Вытири с лица же слёзы свои,
Свет мой, ко мне ближе ты подойди.*

*Увижу ль я тебя снова такой,
какой была ты раньше, постой,*

*не думай попусту, в мыслях скорбя,
хочу настойчивой видеть тебя.*

*Печали выбросить ты поспеши,
благословляю тебя от души.*

*Сумку, которую взяла ты с собой,
поставь на землю и её открай.*

Жайсан Ата замолчал. О, мой Тенир, ведь именно этого я ждала столько времени! Посмотрела по сторонам, кажется, это вершина довольно высокой горы. Жайсан Ата сидит на круглом холмике, а я сижу чуть ниже на ровной земле. Открыла свою сумку, вынула завёрнутые в платок кнут и чётки.

*Пусть долгой будет дорога твоя,
рука целителя пусть не устанет,
дух светлых сил, любя,
пусть покровителями твоими станут.*

*И освещённый Нуршоола,
в свете его, будет твой путь,
владыкой же твоей камчы
дух Тигра Белого будет путь.*

*И пусть народ мой живёт хорошо
под покровительством предков духов,
благословенье даю своё,
душою чистой молю я Бога,*

*пусть всё исполнится, Создатель мой.
А впереди препятствий так много,
слёзы не лей и с поднятой главой
иди ты вперёд, своей дорогой.*

*Свою ты душу сумей сохранить,
пусть даже кнут негодая ударит,
ведь чувства их глухи и слепы,
и пусть печаль твоё сердце оставит.*

*Не покажи им слёзы свои,
«Пусть будет так», – скажи очень твёрдо,
больную душу жалей и люби,
не отвернись от неё ты гордо.*

*Людей цени, что к тебе пришли,
и нужное от болезни средство
ты неустанно с ними ищи –
лекарство с хворью всегда идут вместе.*

*Если судьба к тебе вдруг приведёт
с неизлечимой болезнью больного,
пусть утешенье в тебе он найдёт,
не открывай ему правды. И снова*

*будь ты тверда, не давая понять –
как тяжела и горька его ноша,
участь его, помогая принять,
грусть не показывай, слёзы, что душат.*

*Внешне спокойствие ты сохрани,
радостно смеяся, задорно, прекрасно.
Свет мой, Создатель тайну хранит,
что предначертано, будет однажды.*

*Если не полная чаша судьбы,
и каплей одной до верха наполнится –
поставит точку душа на пути,
и в мире этом твоя жизнь закончится.*

*Этот мир бренный наш, словно стрела,
и ничего в жизни бренной не вечно,
есть в твоей жизни цель лишь одна,
счастье твоё от того бесконечно.*

Жайсан Ата замолчал. Воспользовавшись этим, я сказала: «Простите мои многочисленные ошибки, которые я допустила из-за того, что пенде». Потом попросила его рассказать о годе рождения нашего Айкель Ата, я об этом уже очень давно хотела знать, сказав Жайсан Ата, что и время рождения, и время ухода из бренного мира, тоже нужные сведения для потомков, спросила: «Не могли бы Вы рассказать, если можно?»

*Поговорить с тобою, мечтая,
пришёл, на все вопросы отвечу.
Вспоминания боль причиняют,
радости мало в прошедшей встрече.*

*Свет мой, ты сердце своё не терзай,
не буду больше тебя укорять,
радости в сердце своём не теряй,
тайну свою я хочу рассказать.*

*Из мира бренного раньше ушёл,
исполнилось мне пятьдесят четыре,
славил Манаса, словом учил,
пел о бойцах, что врага победили.*

*Но яд мне дал один кёрпенде,
завистлив был, и душа стремилась
только к земному благу его,
во мраке тьмы она находилась.*

*Ты вспомни место, где первый раз
с тобою встретились, помни его,
на месте том мои мощи лежат,
и это знать не должен никто.*

*Не открывайся душам чужим,
не посвящай ты их в мою тайну,
ходить туда будут часто они,
сделав мазар¹, мне это печально.*

*Свечи скрутив², лишь одна приходи
по четвергам помянуть всех должна,
Айкёль перед тем, как из мира уйти,
к пятидесяти пяти годам сделал шаг.*

¹ *Мазар* – святое место, часто, могила.

² *Свечи скрутив* – вокруг стебелька чия оборачивают вату пропитанную в растительном масле.

*Было тогда полных мне сорок два,
Айкель на двенадцать лет был старше,
когда родился Манас – отец твой,
я расскажу об этом дальше.*

*Манаса рожденья год сообщу:
то год был шестьсот семидесятый,
а месяц август, еще уточню:
по новому стилю сказал я дату.*

*Из пуповины кровь пролилась
на Алтай горный, долго люди просили,
ждали они, Высшей Силе молясь,
чтоб откровенье зайып¹ получила.*

*Женщина, что родила Манаса,
Чайырды имя было её,
и доказательств найти можно массу
в дастане, поведаю скоро его.*

*Только последний вопрос твой остался:
«Силы совсем истощились мои,
полученные знаки на буквы похожи,
расшифровывать помогите мне их». –*

*Мой, Свет на вопрос, не дающий покоя,
дал бы ответ его, объяснив,
ответить сейчас никак не могу я,
измеренье другое всё объяснит.*

*Ты в полнолунье узнаешь в тиши,
через звёзды, луч «Детство», что светит,
Чи-Лу-Сена заклинанье из Чжуд-Ши,
«Вайдурья» книга на всё ответит.*

¹ Зайып – женщина.

Голос стал неслышим. Закрывавший нас голубовато-зелёный Нуршоола рассеялся, оказалось, что я стою на склоне горы. У меня поднялось настроение от данных сегодня сведений Жайсан Ата, и вообще, от его тёплого отношения. Я даже не заметила, как добралась до села.

30.11.1995 г. 10-й лунный день. 8° 15' 15" 308° 20'

Делаю эти записи при лунном свете в обычном состоянии. Не могу указать точное время, кажется, 19 ч. 03 мин. В небесах светосмещение. Самая яркая первая звезда Большой Медведицы отделилась от других звёзд и, будто камень, начала падать вниз.

Она кружилась, сверкая лучами, и всё быстрее спускалась к ущелью Чет-Кууганды.

Теперь она делала яркие зигзаги, летая между Кымыз-Ачыбас и Баймат.¹ У меня закружила голова, кажется, будто и я двигаюсь с места на место, не касаясь земли.

Звезда сделала несколько зигзагообразных полётов и начала быстро подниматься в небо.

Приблизившись на своё место – ярко осветилась, сделала круг и встала на место. Поверит ли кто в моё виденье?

Я не смогла прочесть, вернее, расшифровать ни единого слова из начертанных этой звездой движений. Не в состоянии понять смысл этого чудного явления, может быть, есть ответ на это со стороны учёных? Может, получу ответ, войдя в транс? Но сейчас я делаю эту запись в обычном

¹ Кымыз-Ачыбас, Баймат – пастбища близ села Чак.

состоянии, хочу сохранить её в этом виде, мне кажется, что карандаш мой не пишет.

Эту запись я переписала после возвращения домой в 23 ч. 51 мин. К сожалению, записи, сделанные в горах, почти не получились, т.к. карандаш промёрз.

(Запись оригинала – в тетради, где астрозаписи)

Эти слова я переписала, придя, домой. Я вышла из дома чуть раньше встречи с Жайсан Ата. Сразу вслед за удивительным явлением природы, спустился Нуршоола, я увидела силуэт Жайсан Ата. Всё ещё находясь под влиянием того необычного состояния, задала отцу вопрос: «В своём ли я уме, или ...? Действительно ли я увидела, как эта звезда падала вниз и кружилась туда-сюда на самом деле или это мне показалось?»

Жайсан Ата улыбнулся, словно смотрел на неразумное дитя, послышался его приятный бархатный голос:

*Свет мой, ты словно ребёнок большой,
понять не хочешь явленье душой.*

*Если в сердце чувство вдруг льётся,
и в разноцветье лучами прольётся,*

*то в настроении прекрасном душа,
словно летает в небе она,*

*если ж закрыта от чудо луча,
то настроение плохое тогда.*

*Если ты мысли, характер меняешь,
то на природу очень влияешь.*

*Радость прольёшь, и природа паскает,
и, словно душу твою обнимает.*

*Если печали коснулась тень,
то станет пасмурным сразу же день.*

*Свет мой, заметь, что с природой свободно,
теперь сливаться ты стала способна.*

*Девы-лучи долю ту подарили,
тебя способностью той одарили.*

*Крепко держи же подарок ты свой,
бери в дорогу всегда с собой.*

*Не уставай, не слабей от невзгод,
не возвращайся, иди лишь вперёд,*

*двигайся дальше широким путём,
он освещён ведь белым лучом.*

*Ну а теперь ближе ты подойди,
о Свете Белом сейчас расскажи.*

Жайсан Ата замолчал, словно ожидая ответа. Я поделилась с ним, своей радостью сказав, что аким¹ нашего района Аманалиев Эркибек правильно понял моё положение, и поддержал от чистой души, не только в проблемах каждого дня быта, но даже купил мне двухкомнатную квартиру. Я сказала это с огромной радостью! Потом, мысленно сообщила ему о том, что в записях, иногда делаю ошибки, исправляю. Правильно ли это? Голос Ата продолжил:

¹ Аким – глава района.

*Белый Свет безграничен, его не ценя,
несовершенным считаете зря.*

*Полдня лишь жизни вашей земной,
как тысячелетие жизни иной.*

*Вам наш Создатель Землю вручил,
Светом любви всех вас осветил.*

*На Земле каждый лишь временный гость,
а во Вселенной так темна ночь.*

*Неоценимый света поток,
Бог нам даёт только часть, лишь исток,*

*Жизни мгновенья так дороги,
словно цветок тот весенний взрасти,*

*и обретая свободу души,
ты урожай свой собрать поспеши.*

*Все ли понятны мысли мои?
Всё ты обдумала. Так ли? Скажи?*

*Нравишься мне ты чертой своей –
чувствуешь души многих людей.*

*Жадность к богатству не знает душа,
светом сверкает твоя чистота.*

*Свой угол желала – его получи,
не заблудись на светлом пути,*

*и пусть событий пройдёт череда,
ты оставайся такой всегда.*

*Свет мой, заметила ты очень правильно,
ошибка вкрапилась в твоё восприятие.*

*Не огорчайся, что если опять
многие вещи пришлось исправлять.*

*Путь наш лежит сейчас в глубину.
повествованье рассказа начну.*

*Мысли ты наши все запиши,
в тетрадь свою потом занеси.*

Довольно долго мы беззвучно продолжали путь, потом пошли до холмистой местности и остановились. Разные люди, сидевшие на каждом холме, сказывали «Великий Поход».

В бескрайнем мутном сером поле идёт кровавая битва. Горы и поля полны трупов людей и лошадей. Помню, как меня тошило от жуткого отвратительного запаха крови и нечистот.

Запомнившийся, очень грустный голос Жайсан Ата...

С помощью данной медитации получена строка дас-тана на 131–153 страницах.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

...Затем голос Жайсан Ата отдалялся и не стало слышно мне его. Кругом полная тишина. Голубовато-зелёный Нуршоола рассеялся, стало темным-темно. Глаза привыкали к темноте довольно долго, а потом увидела, что стою на берегу канала. Прижав к телу свою сумку, пошла домой.

07.12.1995 г. 16-й лунный день. 360° 0°

Этот день я ждала, как и всегда с беспокойством. Я вышла из дома с этим чувством, ставшим из-за проблем быта в последнее время привычкой. Когда вышла в поле, спустился Нуршоола. Послышался знакомый бархатный голос Жайсан Ата:

*Облака клубятся в небе, затем тают,
так и мысли все твои покоя не знают.*

*Неужели груз тяжёл, что вручил тебе я?
В сердце ты своём теперь не держи обиды.*

*Словно бурная река, жизнь течёт земная,
ты не поверни назад, где пройти, не зная.*

*Чтоб на берег перейти другой спокойно,
и потоком бы реки быть не унесённой,*

*переправу, не ленясь, ты ищи достойно.
Если на сердце печаль, от речей так больно,*

*речь обидная, когда душу охлаждает,
искру сердца, потушив, слёзы застилают,*

*с честью выдержи тогда испытанье ты,
и всегда, чтоб цель достигнуть, лишь вперёд иди.*

*Дене-доса своего ты оставь бездушным,¹
хоть и холодно ему вдаль идти нам нужно.*

*Путь далёк. Сколько веков позади оставил
жан-дос твой со мной теперь этот путь проходит.*

*Множество цветов росло в той долине прежде,
дичь в лесу велась, и птиц было много певчих.*

*Речка бурная текла с шумом посередине
той долины, и её пополам делила.*

*И за время, что еда в казане б сварилась,
я до места доезжал, что во сне не снилось.*

*Горы очень высоки, ледником покрыты,
будто покрывалом белым все они укрыты.*

*А вверху над головой небо сине-сине,
нет ни облачка на нём, как оно красиво!*

*Словно жемчуг белый, вниз склоны украшая,
чистый, падает родник, серебром сверкая.*

*И мелодия его чудная журчала,
то грустя, а то, смеясь, весело звучала,*

*тысяча оттенков в ней. Поднимался в горы
там кислицу собирал на пологом склоне,*

¹ Бездушным – во время медитаций жан-дос и дене-дос у Бюю Мариям друг от друга не отделялись, но иногда ей приходилось оставлять дене-дос на том месте, где она входила в состояние транса, только с жан-досом выполняла ту или иную задачу, затем по возвращении из медитации её жан-дос с дене-дос соединялся.

*и улара¹ – птицы свист слушал я, бывало,
благодать лилась с небес, сердце наполняла.*

*Высоко моя душа в небеса взлетала,
радость, счастье и покой она обретала.*

*И потом, набравшись сил, вниз опять спускался,
будто заново родясь, домой возвращался.*

*Чтоб увидела и ты, землю, что прекрасна,
я привёл тебя сюда, видно не напрасно.*

*Землю эту, где ходил, чтобы полюбила,
красотой Великая Сила всех нас озарила.*

*Ослепительно прекрасна наша вся земля,
человечеству, всем людям в дар дана она.*

*Как прекрасна жизнь на Свете, я не мог ценить,
и мгновения её, не умел любить.*

*Гостем я пришёл на землю, то не знал тогда,
жалъ, что красоту земную скрыла пелена.*

*Вижу сквозь туман, как будто, эту красоту,
и привёл тебя специально я на землю ту,*

*чтобы поняла душою: надо Свет ценить,
жизнь дана тебе, должна ты её полюбить.*

*Впереди дела, заботы, тягостные дни,
будь готова ко всему ты, волю укрепи.*

¹ Улар – горная индейка.

*Не давай пустым терзаньям себя одолеть,
и душе от ран и муки не давай болеть.*

*Пустякам, что сердце ранят, знай – им грош цена,
выше этого ты будь, я прошу тебя.*

*Что обещано пред Богом с тобой доведём
до конца, и огонь в сердце своём пронесём*

*Я сейчас с тобой прощаюсь, встретиться должна
с Девою-Лучом, иди к ней, ждёт тебя она.*

*Как душа младенца, Дева-Луч чиста
с «Балалык» звезды, и тайна её глубока.*

*«Вайдурья» – это загадка, тайна велика,
охраняемая так крепко многие века.*

*Приоткроет лишь часть тайны Дева-Луч тебе,
выполнни её условия, не перечь судьбе.*

*Все вселенские законы честно выполняй,
и в указанное время знания применяй.*

*О том времени Луч-Дева сама известит,
то о чём расскажет, помни, надо к ней спешить.*

Голубовато-зелёный, мглистый Нуршоола стал удаляться. Жайсан Ата стал невидим. Из луча, переливающегося несколькими разными цветами, показалась женщина с огромными глазами, которые как-то не соответствовали её очень тонкому стану.

Покрытая светом разноцветных лучей, издавая очень звонкий, словно у избалованного ребёнка, голос, стоявшая, раскачиваясь, довольно высоко

от меня, женщина начала передавать сведения. Наш разговор длился долго, в это время измерения быстро менялись. Я поняла, что эта встреча состоялась для передачи некоторых сведений из труда «Вайдурья-онбо», состоящего из 1283 страниц и не имеющего ключа расшифровки.

Оказывается, я не имею права даже говорить о полученных сведениях, не то, чтобы обнародовать их.

Наверно, я была вся поглощена столь интересной вещью и задержалась, потому что, когда я пришла в себя от сильной боли в руке, я оказалась стоявшей в неизвестном месте между двумя, пахнущими спиртным, людьми. Один из них скрутил мне руку, а второй, улыбаясь, смотрел прищуренными глазами. Всё тело моё вздрогнуло, пришла в себя и сказала: «Вам что нужно, хорошие мои? У меня кроме тетради и ручки ничего нет, а они вам не нужны». Когда тот, который скрутил мою руку, сказал очень жуткие слова, я рассердилась. Помню, как не в силах владеть собой, дала ему пощёчину и оттолкнула. Потом почувствовала, словно повисла в безвоздушном пространстве. Те двое поднялись над землёй, повисли в воздухе, потом с грохотом свалились на землю. Не могу сказать, сколько времени я была в том безвоздушном пространстве, мгновение ... или минуты? Когда пришла в себя, оказалась стоявшей на мосту реки Жумгал и смотревшей на воду. Мне хотелось в тот миг проститься с этим Белым Светом, казалось, полным грязи...

Вспомнив о своих детях, которые были в моём временном жилище, очень уставшая, крепко прижав к себе сумку, пошла, опустив голову. Когда приблизилась к месту проживания, повернула в сторону котельной и вдруг увидела себя повешенной на голой ветви дерева. Меня потянуло в ту сторо-

ну, но мягкая рука тихонько подтолкнула за плечо и повернула во двор дома. Повинуясь, вошла во двор, ворота которого сами открылись. Выпрямившись, открыла дверь комнаты, в которой спали мои дети. Увидев, как они спят беззаботно легла в одежду на своё место за занавеской и долго плакала.

В тот день не хотела видеть ни одного человека, когда пришёл агай, не стала с ним говорить. С тех пор, до сегодняшнего – двадцать восьмого декабря, не смотрела на рукопись. За это время переехала в купленную Эркинбеком двухкомнатную квартиру на нижнем этаже подъезда агая.

Жившая в г. Рыбачье и, приезжавшая ко мне лечиться, Гульмира приехала с мужем Калматом. Вдвоём они помогли мне переехать. Гульмира сказала: «Эже, пусть вам станет легче, мы увезём Нургулю с семьёй и устроим её на работу», – и увезли с собой. Счастливая от радости и благодарности Эркинбеку за то, что он купил мне квартиру, я ждала этого дня с нетерпением.

Когда вышла из дома, и довольно далеко удалилась, Нуршоола не спустился как всегда низко. Через цвета, меняющего оттенки, Жайсан Ата начал передавать информацию. Я спешно заносила знаки в тетрадь. Связь кончилась, не оставалось ничего кроме, как идти домой. Зима Жумгала в силе, сейчас такое время, что плевок замерзает, ещё не упав на землю. Руки – ноги замёрзли от долгой ходьбы, неуклюже пришла домой. Свет погас на нашей улице, сняв маасы¹, в тёмном доме, на ощупь села на стул. В тот момент явственно послышались звуки нескольких подъехавших к дому машин. Вышедшие из них люди, стали освещать в сторону хол-

¹ Маасы – сапожки из мягкой кожи.

мов, откуда я только что пришла. К тому времени уже загорелся свет, и я посмотрела на знаки в тетради. В тетради почти, что не было занесённых знаков, совсем чуть-чуть, а еще увидела запись: 3 ч. 46 мин. Я удивляюсь, ведь связь кончилась около двенадцати часов ночи, а это что за знак? Посмотрела на часы – три часа пятьдесят одна минута утра. «С тех пор, как я пришла, прошло всего каких-нибудь десять минут, значит, я наверно, должна была в это время добраться до дома», – подумала я и села расшифровывать знаки.

28.12.1995 г. 8-й лунный день. 360° 0°

*Свет мой, для нашей беседы времени мало,
сегодня по следу идёт враг наш яро.*

*Он звёздные сроки небес применяет,
и тайной группой врага управляет.*

*Что ждёшь нашей встречи, об этом я знаю,
но быть осторожной тебе пожелаю.*

*Один раз лишь в месяц с тобою встречаюсь,
в четверг, в полнолуние тебя ожидаюсь.*

*Дойти до тебя мне сейчас невозможно,
в другом измерении я и это так сложно.*

*К тебе я спешу со своим намереньем,
другое использовал я измеренье,*

*и выиграл время, чтоб только опять,
живой и здоровой ты вернулась назад.*

43° 3' 46"

Расшифровав эти слова Жайсан Ата, состоящие из нескольких строк, неудовлетворённая, ещё два-три раза просмотрела знаки. Только тогда когда убедилась в том, что других записей нет, обратила внимание на смысл расшифрованных слов. Когда я начала понимать их значение, те остановившиеся машины завели двигатели и уехали. Лишь только после этого я предположила, что если бы кто-то следил за мной, то, наверно, из этих машин. Оказывается, Жайсан Ата предупредил, чтобы я добралась домой до 3 ч. 46 мин. После того, как опасность миновала, по телу побежали мурашки, и я по-настоящему испугалась.

04.01.1996 г.

15-й лунный день

0°

С тех пор, как в прошлый раз не смогла встретиться с Жайсан Ата и получила информацию через цвета света, с нетерпением ждала наступления сегодняшнего дня. Во время шама зажгла свечи и собралась выйти, но вошёл агай и сказал, что состояние его матери, уже много времени болевшей и лежавшей в постели, ухудшается. Дала агаю книгу «Коран», сказав: «Пока придёт мулла, положите под её подушку, на меня не обижайтесь, я уже ухожу», – вышла в путь.

Когда прошла довольно долго по холмистой невысокой горе, спустился Нуршоола. Я последовала за Жайсан Ата, объятым густым голубовато-зелёным Нуршоола. Не знаю, что хотел сказать мне Жайсан Ата, но у меня есть, что сказать отцу. Аким района Аманалиев Эркинбек купил мне двухкомнатную квартиру в нижнем этаже дома Шакин агая. Это я хотела сказать и в прошлый раз, но не смогла – мы не встретились. А ещё Шакин агай

попросил художника по имени Рысбек нарисовать портрет Жайсан Ата по моему описанию. И хоть он был не очень-то похож на себя на этом портрете, но всё равно, какое-то сходство есть. Я, занятая этими мыслями, не заметила, как добралась до привычного места. Когда послышался приятный бархатный голос Жайсан Ата, я увидела, что мы стоим на холме, на котором мы всегда сидели.

*Свет мой, об этом времени я знал,
не раз о нём предупреждал.*

*Звезда его напротив твоей,
враждебна она, осознай то скорей.*

*С тобой мы встречаемся в месяц лишь раз,
знают об этом и ведают час.*

*Не обратив на мои опасенья
своё внимание, в душе нет смиренья.*

*Сердце твоё обида терзает,
душа моя покоя не знает.*

*Переживаю всегда за тебя,
по острому лезвию ходишь ножа.*

*То, что живёшь на Белом Свете
дорого мне, постарайся и впредь ты*

*быть осторожнее, в будущем знай –
точно ты дело своё начинай.*

*Не уходи далеко так от дома,
мною теперь ты будешь ведома.*

*Время, всегда уточнив, выходи,
когда мой Нуршоола спустится, подожди,*

*и, проводив до места, потом
я подожду, пока ты войдёшь в дом.*

*Когда увижу, что ты добралась
без приключений, не как в прошлый раз,*

*буду спокоен до следующей встречи,
что добралась ты живой, безувечья.*

*В прошлый раз Нур эже¹ твоя,
с тобой беседу вела, не спеша.*

*Вовремя ты не успела уйти,
и хулиганы застали в пути.*

*«На помощь!» – Нуркызы сообщила мне,
но поздно узнал о твоей я беде.*

*Пришёл, так спешил, но все ж опоздал,
отчаянный лик твой о многом сказал.*

*Почувствовал сердцем обиду твою,
как будто живое оно и в аду,*

*никого видеть ты не желала,
обида и боль душу всю раздирала.*

*Издалека за тобой наблюдал,
добраться до дома тебе помогал.*

¹ *Нур эже* – обитательница одной из планет или одна из девяти Лучей-Дев, которые впервые с Бюю Мариям встретились во время медитации от 10 сентября 1995 года.

*Обиду, что жжёт, разум пусть охладит,
в сердце печаль пусть любовь победит.*

*Другой ведь возможности я не имел,
стоял и молился, помочь так хотел.*

*На теле твоём остались следы,
обида из сердца не может уйти.*

*Пусть этот день в былое уйдёт,
покой пусть душа твоя обретёт.*

*Моим намереньям чистым ты,
не запирай в душе двери свои.*

*Мысли светлы мои, как молоко,
сердце от боли страдает моё.*

*Наверняка хулиганы опять,
не раз ещё путь тебе преградят.*

*Будь осторожна, прошу я тебя,
хранит Великая Сила тогда,*

*когда в гармонии с нею живёшь,
любовь и радость в сердце несёшь.*

Когда Жайсан Ата сказал эти слова, вспомнилась прошлая обида, и моя душа заныла. Казалось, что я никогда не смогу простить Шакин агая за причинённую обиду. С горькими слезами, рыдая от обиды, рассказала, а агай безучастно и холодно сказал: «Ну, что из-за этого так переживаете? От слёз нет пользы, лучше дали бы знать милиции». О, мой Тенир, ведь и так полно слухов обо мне в народе, они идут от тех, кому нечего делать!

Или агай желает, чтобы обо мне говорили злорадствуя: «Так и надо женщине, ушедшей из дома, в пожилом возрасте!» Так я не хочу видеть его с тех пор. Жайсан Ата наверно понял, прочитав мои мысли, и продолжил слова свои:

*Горькую свою обиду умей позабыть,
надо отношение к Шакину изменить.*

*Чувствами владей своими, твёрдой будь в пути,
чистоту седьмого чувства свято сохрани.*

*Лишь мгновенье посмотрела на лицо его,
по очам определила – в сердце глубоко*

*давняя сидит обида и в душе печаль,
но не видно, за тебя он чтоб переживал.*

*Если выпустишь ты птицу, дав ей улететь,
оборвав верёвку, в небо сможет та взлететь.*

*Не разрушится стихов ли крепости стена?
Ведь трудов затратил много, чтоб была она.*

*Об одном переживаю и печалюсь я,
крепость чтоб стихов осталась нерушимая.*

*Не держи печаль ты в сердце на мои слова,
а исправь свой недостаток, изменив себя.*

Жайсан Ата ненадолго остановился, словно ожидая ответа. «Да, чтобы не разрушилась крепость, построенная из стихов, я обещаю, что готова забыть свои обиды, простить Шакин агая», – подумала я. Ата дальше продолжил свои слова:

*Когда образ мой художник станет рисовать,
тогда трудностей, невзгод ему не миновать.*

*Оба вы переживали, думая о том,
как приму портрет и будет мил ли сердцу он.*

*Ты внимательно на образ снова посмотри,
и рисунок с моим лицом ты ещё сравни.*

*Рисовала ведь при свете лунном мой портрет,
будет ли при ясном свете он хорош иль нет?*

В тетрадь, в которую заносила Вселенские буквы (знаки), я занесла образ Жайсан Ата, потому что Жайсан Ата сам попросил, говоря: «Посмотри и сравни его с тем, который рисует Рысбек. Сильтэт, зарисованный при свете луны, каким он покажется при дневном свете?» – эта мысль беспокоит сейчас не только отца, но и меня. Я думаю, вот бы нашёлся человек, который не только нарисовал бы образ этого драгоценного человека, но даже сделал бы из камня его скульптуру.

*Придёт время, когда будет памятник,
воздвигнут мне,
но достаточно сегодня образа пока вполне.*

*Если многие беды тот художник испытал,
чтобы радость мне доставить, мой портрет
нарисовал,*

*то Тенир вознагражденье даст ему вдвойне,
за труды, за испытанья, за невзгоды все.*

*Поздравляю с переездом, Свет мой,
в новый дом,
узел в жизни развязался, ты забудь о нём.*

*А теперь, служа народу, воплоти мечты,
неустанно ты работай, и пожнёшь плоды.*

*Голос Жайсан Ата снова стал не слышен. На
своём месте, на холмике долго, молча, смотрел по
сторонам, потом, жестикулируя рукой, продолжил:*

*Ты взгляни по сторонам, всё ль тебе знакомо?
В памяти восстанови все события снова,*

*Свет мой, путь наш покажу я тебе сначала,
весь с начала до конца, место то узнала?*

*Здесь когда-то, в первый раз встретились
с тобою,
слёзы скорби из очей пролились рекою.*

*На торчащий камень ты взгляни внимательно.
и запомни всё вокруг очень основательно.*

*Пригодятся все приметы, когда днём, при свете
постараешься найти снова место это.*

*Если в том, что найдёшь место,
ты сейчас уверена,
то тогда рассказ продолжу тебе непременно я.*

*Ты садись теперь, спокойно дальше запиши
все события дастана, только не спеши.*

*После этой медитации записаны строки дастана
на 155-168 страницах.*

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

01.02.1996 г.

13-й лунный день.

0°

С тех пор, как выходила медитировать в прошлый раз, прошло около месяца. Так как Жайсан Ата сказал: «Встречайся лишь во время полнолуния», ждала полнолуния. Но сегодняшняя наша встреча пришлась на тринадцатый лунный день. До вечера я сомневалась, думала, выйти мне на встречу или ждать полнолуния. Как бы там ни было, ведь сегодня четверг. Приготовила жареные лепёшки, зажгла свечи, прочитала молитву, посвящённую Жайсан Ата, и вышла на улицу. Был уже одиннадцатый час ночи, небо ясное, тепло. Чувства не подчинялись моей воле, мне захотелось идти по склону, и я пошла по арыку, вырытому посередине болота Шортона, разделяя его ровно на две части, в сторону канала. Обрадовалась, словно ребёнок тому, что первая оставила следы на снегу на поверхности, затянутого льдом, арыка и даже про себя засмеялась.

Небо безоблачно, звёзды на небе особенно сверкали, словно они были готовы упасть на землю. Восхищаясь природой, не заметила, как дошла до поворота арыка, где он соединялся с другой частью арыка.

Когда резко повернулась, увидев игравшего на льду пяти-шестилетнего ребёнка, не испугалась и

даже не удивилась. В белоснежном комбинезоне младенец с необычно огромными приятными глазами, разложив на льду старую папку из дермантина, сидел, играя треугольными кусочками льда, складывая их. Мне очень захотелось обнять его, меня охватила нежность, я наклонилась к малышу и взяла его за руку, он широко улыбнулся и протянул мне нечто, в другой руке было что-то вроде букета – белые птичьи перья с высохшими ветками камыша, полыни, шыбака.¹ На сердце стало ещё теплее, я подняла этого очень приятного, светлого малыша с земли, прижала к груди, и тогда я поняла, что ребёнок совсем не имел веса. Он улыбаётся мне своей замечательной улыбкой и его огромные глаза смотрят на меня, а всё его тело, кроме лица, совершенно неподвижно. Наверно, я не смогу объяснить своё то состояние. Точно знаю, что испугалась, но мне показалось, что у меня в животе, около пупка как будто что-то перевернулось. Опустила ребёнка на землю, и сказала ему: «Ты – Маленький Принц Сент-Экзюпери?» Он, как и прежде, молча, взглянул с улыбкой. Я ходила взад-вперед, взяв за руку малыша. Воткнула перья, данные ребёнком, на обочину арыка в снег и подумала: «Если завтра найду перья, значит, я и вправду встречалась с этим замечательным улыбающимся малышом».

Не помню, как и когда отделилась от малыша. Запомнилось то, что какой-то тёмный красно-коричневый луч спустился и я, обнятая тем лучом, двинулась куда-то.

От звуков надоедливой бренчащей музыки меня стоячило, потом было такое чувство, словно я падала в тёмную бездну. Когда открыла глаза, увидела, что лежу на земле, Жайсан Ата стоит рассерженный и расстроенный. Не понимая, что случи-

¹ Шыбак – разновидность полыни.

лось, посмотрела по сторонам. Место было незнакомое, но самое интересное – это отсутствие снега. Думая, что это за местность, повернулась к Жайсан Ата. Когда увидела необычно большие, лучистые и умные, не свойственные ребёнку, глаза, выражавшие огромную радость, того малыша, всё стало для меня неважным, душа моя успокоилась. Послышался сердитый голос Жайсан Ата:

*Свет мой, вслушайся в слова те, что тебе сказал,
правила не нарушать старайся, предупреждал:*

*чтоб не выходила прежде, чем спустится
Нуршоола,
терпеливо жди, встречи час наш придёт когда.*

*Знаю, ждёшь, переживаешь ты всегда, меня
ищешь, если опоздал я, долгий путь пройдя.*

*Знай же, что к тебе иду я ни через дни, года,
а пройти мне надо время – многие века.*

*Как спешит скорей несчастье, чтобы сети свить,
и само придёт, стараясь путь твой преградить.*

*Задержись я на мгновенье, луч тебя б забрал,
много сил потратить нужно, чтобы устоять.*

*То враждебный луч, он может принести беду,
месяцы противостояния звёзд скоро пройдут.*

*Ты не выходи из дома, Свет мой, жди меня,
выйди когда, след увидишь своего Нуршоола.*

Когда Жайсан Ата через некоторое время продолжил, его голос стал приятнее, чем вначале, даже немного спокойнее:

*Не могла в клубке ты мыслей конец отыскать,
необдуманные вопросы не могла их мне
задать.*

*Зарыдать была готова, слёз глаза полны,
бледный лик и сердце гложат обиды твои.*

*А сегодня почему-то светится твоё лицо,
сердце радостью объято, и горит огнём оно.*

*Как стройны, светлы и ясны мысли
все сейчас твои,
задаёшь вопросы чётко, ты осознанно свои.*

*Поняла – заботы мира бренного вполне пусты,
выдержать борьбу готова и вперёд только идти.*

*Восемь месяцев недаром долгие тебя учили,
результат этой учебы радостный я получил.*

*Редко встретится душа, что к знаниям идёт, ища,
ты чувствительной душой, сердцем
их восприняла,*

*и зерно, что я посеял, наконец-то проросло,
с радостью жду урожая, что родится от него.*

Не понимая эти слова Жайсан Ата, я уставилась на него. Об урожае, какого семени идёт речь? Какой положительный результат мы втроём должны получить, и какой вывод из него получится? И вообще, я не понимаю, какое знание я получаю, что вообще делаю. Если до встречи с Жайсан Ата я выходила на медитацию, чтобы узнать, как, сколь-

ко, в каком количестве использовать, какие лекарственные растения для какого-то больного, то сейчас выхожу медитировать для получения дастана Жайсан Ата. А полученные строки стихов воспринимаю, как лекарство для использования против болезни Шакин агая. Я не дастанчы и не писатель. Те строки, которые я считаю рецептами, для Шакин агая – дастан. Если Жайсан Ата получит пользу от дастана, а Шакин агай, излечится от болезни своей, то значит ли это, что я, как целитель, получу от этого пользу или...?

Жайсан Ата продолжал отвечать на мои рассеянные мысли, как учитель, недовольный своим нерадивым учеником:

Свет мой, можешь ты представить лучника-стрельца сейчас, как он целится, стреляет в цель, невидимую для глаз.

Если лучник тот не будет крепко лук со стрелой держать, то тогда, навряд ли сможет точно он в мишень попасть.

Ценности ведь не имеет та стрела, если одна, ей без лука, ты поверь, – грош цена.

Так же без стрелы и луку – ценным вряд ли ему быть, только вместе эти вещи могут пользу сослужить.

Если рядом ещё будет тот стрелок, что их возьмёт, вот тогда в согласии с ними чудо и произойдёт.

*Смысл слов моих понятен? Правильно ли поняла?
Составляем мы все трое целое, в том ценность
вся.*

*И поэтому обоим я скажу свои слова,
вы примите их душой, ведь для вас вся речь моя.*

*Никого из вас любовью я своей не обделю,
каждого, вы мне поверьте, одинаково люблю.*

*Если точно в цель свою мы хотим попасть,
то тогда лишь вместе сможем отвести напасть.*

*Когда в душах зла не будет, мести, то тогда
всепрощением, любовью будем побеждать
всегда.*

*Пусть не будет в ваших душах никаких преград,
поддержите вы друг друга, добрым будет
взгляд.*

*Доведём мы это дело с вами до конца,
и порадуем Тенира – нашего Отца.*

*Свет мой, а теперь послушай дальше мой рассказ,
и внимай моим словам ты, продолжаю сказ.*

*Я спохватилась, так как совсем забыла о том,
что хотела рассказать Жайсан Ата. «Тот парень, художник,
по имени Рысбек, принёс один из нарисованных им портретов. В основном схож с Вами, он
очень старался, когда рисовал», – сказала я спешно.*

*Говоришь, нарисовал художник образ мой,
и упорство он вложил и мастерство
в труд свой.*

*Что закончил он портрет мой, ты
мне говоришь,
так похож я на рисунке, что не отключишь.*

*Просиши, чтоб благословенье Ырысбеку дал,
вот такие твои мысли сейчас прочитал.*

*Я своё благословенье от души даю,
благодарность за творенье ему говорю:*

*«Мой образ на белом холсте написал,
достоин благословенья кайыпа¹ ты стал». –*

*Придёт время, и оценят Ырысбека труд,
похвалу и восхищенье ему воздадут.*

*Свет мой, уходи сейчас, ведь так устала ты,
незнакомый луч истратил силы все твои.*

*Если выйдешь ровно в полночь ты
из дома своего,
на пути тебя я встречу, огражу от зла всего.*

*Льющийся голубовато-зелёный густой Нур-
шоола удалился, Жайсан Ата стал невидим.*

*Оглянулась по сторонам и приблизительно оп-
ределила, где стою. Оказалось, что я стою в саду
на этом берегу канала. Рядом был и тот малыш.
Очень обрадовалась. Сейчас, если бы этот Малень-
кий Принц пошёл со мной в мой дом, что за чудо
тогда будет! И когда под впечатлением этой мыс-
ли я протянула к малышу руку, он от меня удалил-
ся, как радуга после дождя, а потом стал невидим.*

¹ Кайып – обитатель невидимого нам мира, посредник между Вечным и Временным мирами.

Я долго ещё стояла на месте без движения, смотря на вершину горы. Уже скоро должен наступить рассвет, на большой дороге видны силуэты нескольких человек. Пошла домой, оглядываясь всё время, в надежде – не покажется ли тот малыш снова. Пришла домой и после того, как, сняв верхнюю одежду, немного согрелась, вспомнила о буке с перьями, данным тем малышом, и снова по краю арыка пошла на то место, где была ночью. Увидев рядом со вчерашними своими следами калош, малосенькие следы обуви ребёнка на снегу, я убедилась, что этот случай, в происхождении которого я до сих пор сомневалась, в действительности был. Ещё одно доказательство этому – птицы перья всё ещё стояли воткнутыми в снег. Я стояла, восхищённо смотря на блестящие, точно хрусталь от лучей восходящего солнца, обломки льдинок, лежащие на поверхности папки. Так постояв довольно долго, взяла перья и пришла домой. Когда агай пришёл на перевязку, рассказала ему случай, произошедший ночью. Заметив по его глазам, что он не очень-то и верит, я сказала: «Агай, пойдёмте со мной вместе, и посмотрите наши с тем малышом следы». Мы пошли до поворота, по краю арыка по следами моих калош. Когда агай увидел следы ребёнка, мной оставленные знаки на снегу, искренне был удивлён и повторял: «О Боже, удивительно!» А потом, как всегда задал множество вопросов, начал уточнять каждое моё слово и исследовать. Например: «Что это за знак, написанный на снегу?» Я сказала, что могу сказать лишь о том, что это знаки ночного времени, градусы переходного измерения, что не имею права говорить ничего, кроме этого. А агай говорил, что я ничего не

должна скрывать, что это всё – достояние науки. Я знала, что не смогу ни убедить, и ни объяснить, ни одному из моих нынешних современников, чувствующих себя Тениром, не признавая Тенира в том, что я не только открывать, но даже постучаться не могу в дверь Вселенной, которую нельзя открывать. Поэтому, когда агай спрашивает о вещах, которые нельзя говорить, избавляюсь от него ответом: «Ну, разве могу я говорить о том, чего не знаю?»

В этот день вновь приготовилась встретиться с Жайсан Ата. В одиннадцать часов ночи вышла из дома. Была полночь, о которой говорил Жайсан Ата, Нуршоола спустился, когда я ещё не очень далеко удалилась от села, послышался знакомый голос Жайсан Ата:

*Свет мой, вижу – спокойна сейчас ты,
далеки от забот земных мысли твои,*

*переполнена радостью душа твоя,
свои ручки к тебе протянуло дитя.*

*Белоснежный, как снег, чистый, словно вода,
тот ребёнок играл, радость в этом была.*

*«Принц мой Маленький», – со словами к нему
бросилась, и у радости сердце было в плену.*

*Я совсем забыл, что детей любишь ты,
и сдержать к ним не можешь чувства свои,*

*но когда-то тебя предупреждал уже я –
ошибаться отец может твой иногда.*

*Повстречались мы с тобою волею судьбы,
в тот момент, когда просила у Тенира ты,*

*чтобы родилось у кого-то малое дитя,
этой просьбой покорила ты тогда меня.*

*И потом грустила долго, слёзы ты лила,
чтобы радость в твоём сердце чаще бы была,*

*так хотел, когда увидел, как малыш к тебе
побежал, раскрыв объятья, радостный, вполне.*

*Думал, будет он опорой, как гора большой,
охранит тебя, пока не спустится*

Нуршоола твой.

*Знал, ничто не остановит, всё равно б пошла
тогда,
малыша послал на помощь, чтобы
задержал тебя.*

*Если б задержать немного малышу бы удалось,
Нуршоола успел спуститься, ничего бы
не стряслось.*

*С чистым помыслом и сердцем сделал это я,
но не ведал, что случиться может и беда.*

*Малыша той тёмной ночью встретила, и ты
бросилась, раскрыв объятья, свои страхи
победив.*

*И не вздрогнув, приласкала ты его тогда,
о беде предупредить он не смог тебя.*

*А когда ты задала ему вопрос свой,
не заметила, как луч спустился рядом злой.*

*Из клещей созвездья «Рака» лился его свет,
был иным он измереньем послан, в том секрет.*

*Вас обоих этот страшный луч хотел с собой
забрать,
чёрным ядом опоить, и я не смог бы
вас догнать.*

*Даже вспомнить страшно и сейчас
об этом мне,
слава Богу, что успел освободить я вас вполне.*

*Чёрные силы хотели забрать Нуршоола твой,
для того, чтобы расправиться потом со мной,*

*но успел я твою душу спасти, отстоять.
Работу ты начни, чтобы всё расшифровать.*

*Но имей в виду, что будет сложен этот труд,
Свет мой, ты потом всё вспомни, это
не забудь.*

*Потому расшифровать всё будет нелегко,
что была ты в измерении чужом, так далеко.*

*И восполнив лишь энергию свою, только тогда,
сможешь ты работать хорошо, но, а пока,*

*маловато будет записей ещё твоих,
ты не бойся, и напрасно слёз не лей своих.*

*Очередь пришла дастан мне продолжить свой,
и пойти на поле боя кровавое с тобой.*

Перемещаюсь позади Жайсан Ата, объятым густым Нуршоола. Наверно, прошло довольно много времени, показался Тал-Чоку. Манас Ата смотрит в бинокль, прислонившись к чёрному камню в каменной крепости. Я его видела более отчётливо, чем раньше. Первое, что бросалось на глаза – то, что он смотрится выше ростом, чем даже очень высокий человек, хотя из крепости он был виден только выше пояса. Непонятно какого цвета его большие глаза под густыми бровями, то ли от того, что слёзы мешали, то ли я не осмеливалась взглянуть прямо, но видела их нечётко. Прямой нос, высокие брови, длинные, мускулистые скулы, очень симпатичный рот, несмотря на то, что верхняя губа чуть толще нижней, густая борода. Я решила, что облик Манас Ата не такой, как у нынешних его потомков, а схож с древними греками, изображения которых мы видели на картинках. Особенно величественно смотрелись его очень широкие плечи. Вокруг, как видела и раньше – многочисленные трупы, мерзкий запах крови и нечистот, дастанчи, сидящие на разных местах и поющие «Чон-Казат»¹, и воины. От шума их битвы на копьях и мечах, криков, голоса дастанчи слышны обрывками. Среди стольких голосов, в этом хаосе, слышен знакомый мне бархатный печальный голос Жайсан Ата...

После этой медитации записаны строки дастана на 119-236 страницах.

¹ Чон Казат – великое сражение, кульминация дастана «Айкёль Манас».

ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА

29.02.1996 г. 12-й лунный день. 15° 1' 01"

Хотя сегодня двадцать девятое февраля, двенадцатый лунный день, рискнула и вышла на улицу, чтобы встретиться с Жайсан Ата. Морозсильный. Быстро пошла, удаляясь из села, и дошла до склона. Добравшись до известного места, зажгла свечи. Когда свечи уже догорали, спустился Нуршоола и послышался голос Жайсан Ата:

*Свет мой, не заболела ли ты?
Так похудела, ты мне скажи,*

*что приключилось? Тропою пошла
новой, дорогу иную нашла.*

*Выбрала путь, камениста тропа,
не побоялась идти ты сюда.*

*Ну, а теперь будь смелее, рискни,
не сомневаясь, вперёд лишь иди.*

*Акчабаки так смело плывут,
против потока бывает их путь,*

*их не пугают волны большие,
края неведомые, иные,*

*не утомляясь, так долго плывут,
и, наслаждаясь, движеньем живут.*

*Когда в тишине звук резкий раздастся
в воде, этого они очень боятся.*

*Если твоя жизнь проходит в тиши,
то ты хорошего лучше не жди.*

*Пусть ветер воет, буран заметёт,
если к тебе беда вдруг придёт,*

*встретить её ты достойно должна,
и отразить, быть готовой всегда.*

*Когда возникают споры, то ты
тогда льёшь горькие слёзы свои.*

*Свет мой, но именно только тогда,
помни о клятве и будь ты тверда.*

*Не забывай Мадемила скалу¹,
не загубила чуть жизнь там свою,*

*думал в ту ночь, что ты не дойдёшь,
и, повернув назад, домой пойдёшь.*

*Я не спустился той ночью к тебе,
наперекор пошла своей судьбе.*

*Шла ты упрямо на встречу со мной,
холмы оставив, поля за собой,*

*забравшись на гору, под ливнем стояла,
крепко к груди своей сумку прижала.*

¹ Скала Мадемила – 2 ноября (1995 г.) Бюю Мариям бросилась со скалы Мадемила, но к счастью ее спас тогда Жайсан Ата и именно в этот день начал сказывать дастан.

*Верность решила свою доказать,
трудно тебя тогда было узнать.*

*До нитки промокла под дождём ты,
по твоему лицу лились ручьи,*

*и различить было трудно тогда –
что это – слёзы или вода?*

*Не в силах видеть страданья твои,
приложил я все усилия свои.*

*Пред тобой белый Нуршоола опустил,
и это безумие остановил.*

*Молча, слушал твои я слова,
плача, ты говорила тогда.*

*Душой тебя пытался понять,
анализировать, рассуждать.*

*Итог, всех событий подведя,
своё решение я принял тогда.*

*Ты плохо слушала мои слова,
с большой обидой их приняла,*

*как будто в чём-то тебя винил,
и понял я, что не так поступил.*

*Когда обида утихла твоя,
и ты услышала снова меня,*

*в чём суть всего, тебе объяснив,
и клятвы свои тогда утвердив,*

*дела дальнейшие мы уточнили,
рукопожатием их закрепили.*

*Затем работу решили начать,
песню-дастан стали мы продолжать.*

*Много воды с тех пор утекло,
событий в жизни произошло,*

*и изменившись, ты много познала,
меня, обрадовав, путь продолжала.*

*Сама тропу свою проложила,
любовь и силы свои вложила.*

*Ты не сворачивай, дальше иди,
не возвращайся, назад не смотри.*

*Ты изменения цвета пойми,
закономерность в этом найди.*

*Запомни, откуда я спустился,
точку, где Нуршоола светился.*

*Когда же нить, не рвясь, будет виться,
тогда успеха можно добиться,*

*в слова все буквы правильно лягут,
и предложения они составят.*

*Не торопясь тебе надо писать,
чтоб точно буквы расшифровать.*

*Я не забыл обещанье своё,
«Принца» привёл к тебе твоего.*

*Ты настроенье своё подними,
забыв заботы, в Свете pari.*

Я, не заметила рядом с Жайсан Ата, объятого густым, голубоватым Нуршоола, Маленького Принца. Лишь когда он сказал: «Привёл и Маленького Принца твоего», – увидела объятого лучом ребенка и распростёрла свои объятья. Он тоже, сверкая как всегда, особенно большими глазами, молча обнял меня. Не помню, сколько мы так стояли. Услышала бархатный голос Жайсан Ата и мы, обьятые Нуршоола, переместились.

*Рожденье Жайсана, страстно желая,
с надеждой этот момент ожидая,*

*предпринимая все меры, живёшь,
свои печали забыв, очень ждёшь,*

*того, что Тамара¹ Жайсана родит,
мечтаешь, и в сердце радость горит.*

*О детях своих совсем ты забыла,
сыты они иль голодные были.*

*Больному ищешь всегда исцеленье,
молишь Создателя ты о прощении,*

*матери просишь бездетной дитя,
обо всех помнишь, забывая себя.*

*В жизни своей, если будешь тверда,
не поддаваться лишеньям всегда,*

*от сердца чистого будешь просить,
всегда Создателя будешь молить,*

¹ Тамара – одна из женщин, лечившихся в то время у Бюю Мариям.

*поймёшь тогда, что просьба твоя,
принята будет Богом всегда,*

*счастье к тебе прольётся лучом,
и засияет в сердце огнём.*

*Перенесёмся мы в Тал-Чоку,
речь о дастане я поведу.*

*Через века и сквозь годы пройдём,
прошлое наше увидим, поймём.*

*Во время этой медитации получена информация
дастана, которая помещена на 237–266 страницах.*

ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА

01.03.1996 г. 13-й лунный день. 66° 04' 24"

Я должна была продолжить медитировать прошлой ночью. Как обычно вышла, когда небо было полно звёзд, и пошла вверх, в сторону гор. Душа моя была неспокойна от груза жизненных проблем. Месяц март, время начала нового восточного года, наверно, уже третий год приходит с грузом проблем. Наверно, я поддалась и втянулась в водоворот этих проблем быта, и не заметила, как спустился мой Нуршоола. Услышав бархатный голос Жайсан Ата, повернулась лицом к свету.

*Гложет печаль сейчас душу твою,
ждёшь неустанно, когда я приду,*

*и оттого, что заждалась меня,
мысль подкралась к тебе одна.*

*Что за мысли в твоей голове?
Покоя они не дают тебе.*

*Мой Нуршоола не заметила ты,
я разгадаю все мысли твои:*

*«Три года в хлопотах провела,
делала разные дома дела». –*

*Мне так понятны мысли твои,
по дому делаешь дела свои.*

*Сделать уборку ты поспеши,
вытряхни, выбей и подмети,*

*чтоб не осталось пыли нигде,
вымой углы ты в доме везде.*

*Приглашать люди будут тебя,
разные ты увидишь дома.*

*В доме хорошем, плохое есть,
хоть и добра трудно в нём счастье.*

*В плохом же доме, заметь всегда,
хотя бы малую долю добра.*

*Думаешь, я Шарыпкула слова
вновь повторяю их все для тебя?*

*Знай, слово умное ведь никогда
не потускнеет, оно, как звезда.*

*Даже, если его повторять,
тысячу раз опять и опять,*

*передаёт оно опыт времён,
мудрость находится предков в нём.*

*Так что, подумав сама, ты пойми,
кто, повторяя кого, говорит.*

*На протяжении года твой дом,
пылью и хламом загружен был он.*

*От паутины и пыли его
освободи, и от хлама всего.*

*Пусть засверкает он весь чистотой,
передохни, обретая покой.*

*В душе тревоги ты раствори,
знаешь, насколько они все пусты,*

*и пусть грядущий твой новый год
счастье, радость тебе принесёт.*

*Ты о печалах своих расскажи,
поведай думы сейчас все свои.*

*Пусть всё плохое останется здесь,
несчастье, печали – негатив весь.*

Голос Жайсан Ата умолк ненадолго. Какую из обид успею рассказать, накопившихся в моей душе? Даже Шакин агай, видящий и знающий, отчего душа моя страдает, делает вид, что не видит. А если заведу о том речь, агаю это не нравится и он резко перебивает меня словами: «Вы должны быть выше обывателя, ведь Ата же говорит вам это», – и начинает, учить меня уму-разуму. А Жайсан Ата со словами:

*«Свою обиду в душе растопи,
исправь отношения скорее свои,*

*ты чувство седьмое не загрязняй,
и управлять чувствами не давай.*

*Ими сама управлять научись,
да, нелегко, но старайся, держись». –*

пресекает мою речь. Я знаю, что и живому и мёртвому не нравится, что я хочу излить душу, поэтому обида меня переполнила, я сама с собой борюсь. Прочитав мои мысли, Жайсан Ата продолжил:

*Всегда вспоминаю твои слова:
«Живому, мёртвому не нравлюсь я». —*

*Когда изранена твоя душа,
мир тесным становится для меня.*

*Расскажешь ли ты печали свои
или нет, знаю мысли твои.*

*Присущ тебе нрав детский, и, как дитя,
ты тороплива и можешь сполна*

*свою обиду в сердце впустить,
и трудно тебе её отпустить.*

*Синего моря любимица ты,
но и отсюда проблемы твои,*

*эта черта изводит тебя,
и не по нраву тебе она.*

*Своего «Принца» приласкай ты,
обиду в душе своей раствори.*

*Если погаснет в сердце огонь,
то возгорится, навряд ли он вновь.*

*Больных согревала своим огнём,
они благодарны были потом,*

*благословляли тебя много раз,
я, приходя в назначенный час,*

*отогревал свою душу всегда,
ты отдавала частицу тепла.*

*Мысли печальные твои ушли?
Ты о печали своей расскажи.*

*Если тоску и печаль изольёшь,
то утешенье в душе ты найдёшь.*

*Тебе я ещё раз повторю:
освободи сейчас душу свою,*

*пусть здесь останутся слёзы твои,
тоску и печали свои раствори.*

*Всё вместе: боль и счастья полёт,
грядущий год тебе принесёт.*

*Будут споры, разочарованья,
в душе на радость упованье.*

*В тебя верю, моя Акчабак,
не попадись же ты впросак.*

*Сильной и радостной будь ты всегда,
выдержи всё, что тебе даст судьба.*

*На Тал-Чоку с тобою пойдём,
отправимся в путь сейчас вдвоём,*

*и ты без устали всё запиши,
продолжим песню-дастан теперь мы.*

P.S. Переписывая эти строки, я вновь пережила ту ночь. В последнее время мне не по плечу тяготы мирские. Кажется, остыла я от всего мирского. Только в разговоре вокруг Вас я оживаю, Жайсан Ата. Почему-то захотелось оставить эти строки.

(После расшифровки этих строк седьмого марта записала в тетрадь и текст на русском языке из пяти предложений).

07.03.1996 г. 00-23.

01.03.1996 г. 13-й лунный день. 360° 00° 03"

*«На берегу двух Близнецов Озёр,
где лучей света касается взор,*

*детство и молодость прошли мои,
в прошлом остались прекрасные дни». –*

*Свет мой, эти слова Алтынай
ко всем троим, относятся, знай.*

*Все трое выросли на той земле,
в той благодати и в чистоте.*

*Кто эти трое? Сейчас отгадай,
или потом от меня всё узнай.*

*«Как же я не угадаю, кто эти трое, угадаю! Они –
три героя, чьи детство, молодость, да и, вообще
жизнь полностью прошли в страданиях», – подумала я. Обрадованный моей мыслью Жайсан Ата продолжил свои слова:*

*Верно, сказала ты, правда твоя,
всех троих эта вскормила земля.*

*Соорундук отец, дочь Алтынай,
внук Алмамбет, с детства жили там, знай.*

*Значит, продолжу я свой дастан,
слушай, что скажет Алтынай нам.*

*С помощью этой медитации получены строки дас-
тана на 267–300 страницах.*

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ГЛАВА

28.03.1996г. 11-й лунный день. 335° 22' 200"

Сегодня четверг, как всегда приготовила еду, посвятив её Жайсан Ата, зажгла свечи. Когда звёзд стало много, вышла и направилась к горе. Наверно, я вышла чуть раньше, желая поскорее встретиться с Жайсан Ата. Долго шла. Когда начала подниматься на склон «Кара бийик», спустился Нууршоола и послышался голос Жайсан Ата:

*Свет мой, в последнее время с тобой,
ходим на встречу всегда в разнобой.*

*Стал лишь чуть-чуть опаздывать я,
раньше приходишь и ждёшь ты меня.*

*И нет терпенья подчас у тебя,
по горам ходишь и ищешь меня.*

*«Будь же что будет, уж, если дано,
то всё увижу, что мне суждено», —*

*так говоришь всегда ты себе,
как хорошо, что известно всё мне.*

*Предупреждал я тебя много раз,
не принимаешь душой мой наказ.*

*Так же, как ты на встречу спешу,
быстро прийти к тебе не могу.*

*Пойдём же, милая, дальше сейчас,
Кёк-Булун¹ достигнем как раз.*

*Сердце твоё печали полно,
не отдыхал я тоже давно.*

*Кёк-Булун чудная местность, она,
словно девица лицом хороша.*

*Сил набирался я здесь всегда,
когда душа в печали была.*

*Да и сейчас в Кёк-Булун прихожу,
здесь радость сердца всегда нахожу.*

*С тобой мы пришли второй раз сюда,
время придёт, и поймешь всё тогда.*

*Свет мой, ценю я старанья твои,
пишешь внимательно все строчки ты.*

*Знаешь, как светом теперь управлять,
сама слова стала все составлять,*

*и от фальшивых лучей отличи,
ты настоящие света лучи.*

*Только тогда сможешь текст написать,
и без препятствий расшифровать.*

¹ Кёк-Булун – местность удивительной красоты, где часто бывал сам Жайсан Умет уулу будучи живым и куда Бюбю Мариям имела доступ будучи в состоянии медитации.

Жайсан Ата замолчал, словно ожидая моего ответа. Какую из своих проблем сказать ему? Самая большая из них – то, что снова усилилась болезнь Шакин агая. Съездил в город на конкурс и вернулся с усиленной болезнью, мышцы на его бедре, торчащие из его раны, словно собравшиеся змеи, вздулись, а большая опухоль тёмно-синего цвета величиной с пиалу, блестит. Болезнь эта его уйдёт или ...? Послышался голос Жайсан Ата, прочитавшего мою мысль:

*Знаю, сказать хочешь многое мне,
твои слова известны вполне.*

*«Какие нужно слова мне сказать», –
думал, как лучше их подобрать.*

*Твои мученья сейчас вижу я,
что так волнует сильно тебя,
то Шарыпкула болезнь опять,
вновь обострилась, вернувшись назад.*

*В сердце твоём, думал, ветер холодный
сможет огонь потушить благородный,
но разгорелся он только сильней,
и не страшны ему беды потерь.*

*Свет мой, ему и буран ни по чём.
О, мой Создатель! Пусть в сердце огнём*

*пламя горит, ты его сохрани,
и им болезни все раствори.*

*Закоченевшую душу спасёт
только огонь, он беду отведёт.*

*Это запомни, и суть знай огня,
пусть он горит в твоём сердце всегда.*

*Если душа льдом покроется вновь,
то отогрей, посыпая любовь.*

*И от болезни спасенье придёт –
в душе Шарыпкул чистоту пусть найдёт.*

*Мудрость и свет в душе лишь живут,
они лучами от сердца идут.*

*Пусть не завидует, вынесет тот
труд этот, кто в сердце радость несёт.*

*Душа заискрится светом любви,
огонь запылает в его груди,*

*не сойдёт с чистого если пути,
тогда его радость ждёт впереди.*

*В Святую Ночь тогда попадёт,
счастье, удачу там он найдёт,*

*увидит день, когда его труды
принесут светлые свои плоды.*

*Скоро, поверь мне, время придёт,
оно спокойствие всем принесёт,*

*и успокоятся, кто говорил
много плохого, тем злобу творил.*

*Мы отвлеклись, Свет мой, с тобой,
ты возвратишься обратно со мной*

*в прошлое время, ну, а пока,
запомни, встреча возможна тогда,*

*когда в четверг на небе луна
полной будет в ту ночь она.*

*И соблюдая условия ты,
только тогда лишь на встречу иди.*

*О прошлом свой продолжу рассказ,
ты посмотри те события сейчас.*

Очень печальный голос Жайсан Ата в сопровождении комзуза повествует о матери Алтынай и её сыне Алмамбете. Видны волны шумящего Эгиз-Кёля,¹ дворцы Великого ханства В какой-то момент, словно буря, развеяла эти виды. Правая сторона моей головы заныла от боли, в глазах сверкнули искры, стало невозможно определить, где я нахожусь. Прямо передо мной огонь с алым пламенем бьётся вверх, словно вода водопада, он хоть и похож на огонь, но от него веет ледяным холодом. Внутри шумящего огня-воды среди раков, скорпионов и ядовитых червей, появилась очень красивая девушка со строгими глазами. Губы девушки задвигались, и я начала получать информацию посредством разноцветных лучей. Большинство лучей были тёмных и мутных цветов. Живот похолодел, тело моё начало дрожать, как

¹ Эгиз-Кёль – озеро. букв. «Озера-близнецы».

*только я почувствовала, что меня как будто за-
вораживает какая-то очень большая сила, я вспом-
нила мантру из «Вайдурья -онбо» и спешно начала
её говорить.*

*Тот холод с красным пламенем стал отдалять-
ся, лучи, передававшие информацию, погасли, я
пришла в себя. Жайсан Ата не видно. Через невы-
сокие холмы побежала в сторону села внизу. Рас-
шифровала информацию, данную этой девушкой
из холодного пламени, вся она оказались заклина-
ниями для причинения зла и вреда. Кажется, по-
шла на встречу с Жайсан Ата в неподходящее вре-
мя, и из-за этого мучилась сама и его замучила.
Оказывается Жайсан Ата, зная, что так может
случиться, отвёл меня в Кёк-Булун и позаботился,
чтоб я накопила энергию. Та девушка оказалась
лучом планеты Марс. Голова, болевшая при встре-
че с той девушкой, начала болеть ещё сильнее, ле-
вая рука и нога ныли, чувство такое, словно их
нет, пришлось лечь в постель.*

*Около недели лежала в постели. В положен-
ный день кое-как встала и сожгла те заклинания.
Выполнив всё, что надо делать в таких случаях,
здоровье моё стало улучшаться, и я приступила к
расшифровке сказанных Жайсан Ата слов, ещё до
встречи с той девушкой.*

28.03.1996 г. 11-й лунный день 21° 01' 24"

*Вон там, в тумане вершина горы,
едва виднеется она вдали.*

*Мы от неё сейчас далеко,
повествованье продолжу своё.*

*Всё близко к сердцу не принимай,
и не волнуйся, запоминай.*

*Если ключ в этот раз ты найдёшь,
и письмена без ошибки прочтёшь,*

*значит, прошедший год тогда не зря,
в трудах, заботах ты прожила,*

*без сожаленья вспомни о нём,
плоды труда увидим потом.*

*Очень стараешься так ты всегда,
чтобы обрадовать, знаю, меня.*

*Если итог встречи всей подведёшь,
решенье верное всегда найдёшь,*

*по-настоящему сможешь тогда,
сердце порадовать певца-отца.*

*После этой медитации записаны строки дастана
на 301–331 страницах.*

ПЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

02.05.1996 г. 14-й лунный день. 360° 00' 02''

Сегодня после полуночи должна была выйти на медитацию. После того случая здоровье не приходит в норму. Весь день шёл дождь, пошла по жуткой грязи в сторону гор. Обратила внимание на луну, движущуюся в небе, с грозными облаками. Вскоре спустился Нуршоола, послышался голос Жайсан Ата:

***Свет мой, здорова ли ты? Мне скажи,
что так тревожит тебя, расскажи.***

***Ты слабая очень, дай руку свою,
вместе пойдём с тобой на Тал-Чоку,***

***потом продолжу я свой рассказ,
много хотела сказать мне сейчас.***

***Знаю, ждать встречи тебе нелегко,
но если дождь барабанит в окно,***

***ветер бушует, ветер ревёт,
по небу грозные тучи несёт,***

***сквозь облака не видно луну,
выполнни ты тогда просьбу мою:***

*со мной на встречу не надо идти,
из дома в ненастье не выходи.*

*Всегда об этом тебе говорил,
меня послушать тебя я просил.*

*Но ты не слышишь, словно меня,
много хлопот потому у тебя.*

*Нравится мне стремленье твоё,
радостно бьётся сердце моё.*

*Что ты сегодня придёшь, знал ведь я.
оползни, сели не могут тебя*

*остановить, небо хмуровое тоже
для встреч чинить препятствий не может.*

*Сейчас стоишь, опечалена ты,
тело разбито и силы твои*

*тебя оставили, тому виной
девушка с Марса¹, она нрав свой*

*вспыльчивый, злой тебе показала,
душу врасплох твою застала,*

*и, искушая душу, смогла
всё настроение испортить тогда.*

*Тело, замёрзшее, твоё лежало,
много мучений ты испытала.*

*До сих пор душу печалит тоска,
в хлопотах жизнь протекает твоя.*

¹ Девушка с Марса – обитательница планеты Марс, носительница его энергии, одна из девяти Лучей-Дев.

*В тот день на помощь не смог я прийти,
и облегченье тебе принести.*

*Из созвездия «Детства» луч-девы тебя
спас, не успела бы если б она,*

*тогда бы тёмные силы сполна,
смогли б уничтожить они тебя.*

*Луч же исправил ошибку твою,
но, Акчабак, тебе я скажу:*

*в тело твоё болезнь вошла,
и будет долго мучить тебя.*

*С девой злой случайно встретились вы,
но её злоба осталась в крови.*

*Свет мой, смотри, мы на место пришли,
не раз с тобой здесь беседы вели.*

*При наших встречах, ведёшь себя,
как «Маленький Принц», словно дитя.*

*Мечтала ты, чтоб тебя приласкал,
но делал вид я, что не замечал*

*порывов нежных твоей души,
о чём мечтала ты часто в тиши.*

*Огонь Творца в твоём сердце горит,
он чудеса способен творить,*

*Свет мой, он жизнь вдыхает в меня,
благодарю за это тебя.*

*И всякий раз, приближаясь к тебе,
я часть огня забираю себе.*

*Я потому расстоянье держу,
тепло огня забирать не хочу.*

*Свет мой, не станет ведь легче тебе,
если тепло огня уйдёт ко мне.*

*Сегодня надо тебя приласкать,
чтоб настроенье твоё приподнять,*

*сможешь болезнь тогда победить,
свои проблемы быстрее решить.*

*Пришёл исполнить просьбу твою,
отдай сейчас мне нежность свою,*

*как «Принц» свою любовь отдавал,
когда тебе помочь он желал.*

*Ты хочешь радовать сердце моё,
ценю, поверь, желанье твоё.*

*значит, ты уважаешь отца
своего, ценишь Жайсана – певца.*

*Твоё упорство силы даёт,
всегда идёшь ты только вперёд.*

*Все беспокойства, хлопоты ты,
в жизни своей сейчас победи.*

*К тебе успех тогда лишь придёт,
когда спокойствие сердце найдёт.*

*При расшифровке дастана строк,
ты размотай знаков клубок,*

*не применяй больше цвета лучей,
к тропинке лишь подошла своей.*

*Свою дорогу смело ищи,
по ней ступая, твёрдо иди.*

*Я, слушая внимательно рассказ Жайсан Ата,
не заметила, как мы оказались в тёмной-тёмной без-
дне. Глухая тишина. Даже неизвестно, где Жайсан
Ата, который был впереди меня. Когда показалось,
что не хватает воздуха, сердце забилось сильнее,
и я испугалась – послышался спокойный голос Жай-
сан Ата:*

*Знай, во Вселенной Света цена,
значима очень и велика.*

*Но забываешь об этом всегда,
напоминаю опять тебе я.*

*Во тьме, что в сердце твоём поселилась,
печаль и горечь в нём появилась,*

*светлые чувства, казалось, ушли,
и растворились во тьме все они.*

*Чувствуешь ценность Света теперь?
Важен для всех он очень, поверь.*

*Ты не пугайся, мне говоря:
«Не вижу», – выслушай дальше меня.*

*Место таинственное покажу,
о нём подробно тебе расскажу.*

*Дверью Кёйкапа его называют,
редко возможность такая бывает,*

*чтоб можно было его показать,
надо условия все соблюдать.*

*Оно откроется только тогда,
когда будет полной на небе луна,*

*когда бушует вокруг непогода,
будет сырой и дождливой погода.*

*В месте магическом обучают,
тайны Вселенной там открывают.*

*Можешь дотронуться ты до него,
тебе открою секрет я его.*

*Свет мой, запомни, если идти
на север, сможешь тогда ты найти*

*гору высокую «Арка-Тоо»,
и попрёк вершины её,*

*там «Улуу Муз Тоо» стоит,
лёд на вершине её вечность спит.*

*Внизу расположена гора,
«Кёк-Шили» названа так она.*

*За нею «Пустыня Аберден» легла,
оврагами многими она полна.*

*Самой природой была создана
крепость, от глаза скрыта она.*

*«Шайтан кёль» в середине лежит,
воды солёные его, и шумит*

*воет днём, ночью ветер, буран,
холодно и неприветливо там.*

*«Суук-Тёр» – горы те называют,
здесь постоянно ветер гуляет.*

*Многие тайны Вселенной скрыты,
в том месте, но эти двери закрыты.*

*Здесь Алмамбет знания получил,
и для себя тайны эти открыл.*

*Чтобы в двери войти, надо знать
условия и их все соблюдать:*

*дождливой ночью, при полной луне,
двери откроются лишь в тишине*

*на миг короткий, но редко бывало,
чтобы условия все совпадали.*

*Привёл тебя сюда я специально,
решил открыть ещё одну тайну.*

*Но находится здесь долго нельзя,
предупреждаю об этом тебя.*

*Как в сказке: «Если пойти туда,
остаться там можно навсегда!» –*

*Ты задыхаешься в этой тиши,
вернуться срочно назад поспеши,*

*если закроются чудо-врата,
останешься там навеки тогда.*

*Кажется, мы вышли наружу, хоть и была очень
пасмурная погода, кое-где отражался свет луны.
Жайсан Ата перемещался впереди. Наверно, мы при-
шли в то место, куда всегда приходили. Жайсан
Ата занял место на холмике, потом продолжил свою
речь:*

*На своё место, назад мы пришли,
садись, мой Свет, отдохни же в тиши.*

*Тебя немного я утомил,
ты наберись сейчас ещё сил.*

*К темноте привыкли очи твои,
на камень-кремень тот посмотри.*

*От камня, который белеет вдали,
кусок отколов, люди наши могли*

*огонь разжечь в своём очаге,
чтоб приготовить пищу себе.*

*Вверх от того камня ты посмотри,
видишь теперь силуэт, там вдали?*

*Он на кровавый майдан¹, что внизу
смотрит, направив свою трубу.*

*Очи огнём его, словно горят,
за всем внимательно они следят.*

¹ Майдан – площадь, поле, где идёт битва.

*Огромный и спокойный на вид,
не выдавая чувств, он стоит.*

*Боли терзают тело его,
рана гноится уже у него.*

*Он недоступен сейчас для врага,
как перевал, как большая гора.*

*На Тал-Чоку стоит предок Манас,
он за сраженьем следит в этот час.*

*Кровавой битве сравнения нет,
гибнут батыры, померкнул свет.*

*Мысленно битвой он управляет,
душа его покоя не знает.*

*Разум его за сраженьем следит,
в сердце речь Алмамбета звучит.*

Я чувствовала, словно силуэт нашего отца Ай-кёля, смотрящего вниз с Тал-Чоку в подзорную трубу, провожал меня до моего дома, потому что образ нашего отца всё время был у меня перед глазами, я даже не почувствовала, как добралась до дома. Придя, взяла тетрадь, чтобы расшифровать информацию, но оказалось, что лист белый – на нём не записано ни одного знака. Очень беспокоилась, еле вытерпела до наступления вечера. Когда показалась луна, вышла, чтобы прямо пойти через канал. Шакин агай говорил, что сделал мост через канал. Когда я ступила на тот мост, спустился Нуршоола и послышался голос Жайсан Ата:

*Свет мой, на ивовый мост посмотри,
его коснулись ноги твои.*

*На трёх опорах из древа стоит,
свет излучает, словно горит.*

*Руками, сделанный мост, восхитил,
я на него твой Нуршоола опустил.*

*Свет мой, запомнила слова мой?
Всю суть вещей отражают они.*

*О стреле, луке тебе рассказал,
о человеке, который стрелял.*

*Заметь, там было ведь число три,
здесь повторилось оно, посмотри.*

*На трёх опорах мост сделал он,
радостно думать мне о том.*

*Чему я рад сейчас, поняла?
Ты мою просьбу не приняла,*

*лишние хлопоты, создав себе,
по полям бродишь одна ты во тьме.*

*Если бы дома меня ты ждала,
свечи священные ещё бы зажгла,*

*домой к тебе пришёл бы тогда,
в душе светилась бы радость моя.*

*Если б я считала, что мне тяжело по ночам
ходить в поле, чтобы получить это неоценимое*

благо, данное Тениром, то это было бы кощунством. Когда я иду в ожидании встречи с отцом нашим Жайсан Ата, то чувствую себя особо счастливым человеком из всех людей. В знак уважения живого духа Жайсан Ата, Шакин агай организовал специально в одной комнате театра кабинет, посвящённый ему. Я вспомнила это и представила. Немного помолчав, наш отец продолжил:

*Стоит напротив моя свеча,
вечным огнём сверкает она,*

*свет излучает в жизни своей,
пара моя¹, радость моих очей.*

*Переживаешь сейчас за него,
как раньше, из-за болезни его.*

*О нём лишь хорошее мне рассказала,
в нём недостатки не замечала,*

*и твой рассказ понравился мне,
тобой доволен сейчас я вполне.*

*В комнате, выделенной для меня,
портрет повесил мой, и тогда*

*высек Озер-Близнецов дивный вид,
расположила, где портрет мой висит.*

*Шарыпкул, слово тебе своё шлю,
от всей души тебя благодарю.*

¹ Пара моя – так ласково обращался Жайсан Ата к Бюю Мариям и Шарыпкулу, сравнивая их с парой похожих светильников, дающих ему свет и тепло.

*Ты молодец, теперь имя моё,
произносить чаще стал, чем своё.*

*Благодаря тебе, знают меня,
останусь в душах людей навсегда.*

*Если сейчас это время пришло,
и нужно всё, что ты делаешь, то*

*смело вперёд ты только иди,
пусть принесёт служенье плоды.*

*В жизни печаль пусть льётся рекой,
если забудет народ образ твой,*

*и если имя не вспомнят твоё,
о том, что делал, забудут всё.*

*Всем о Жайсане ты говоришь
так вдохновенно, словно летишь.*

*Быть недовольным тобой не могу,
в сердце своём благодарность несу.*

*При первой встрече ещё говорил,
Свет мой, об этом тебе пояснил.*

*Я вспомнила оставшиеся чистыми вчерашние
страницы своей тетради, до сих пор удивлена, по-
чему они остались без записей. Прочитав мою
мысль, отец ответил:*

*В своей тетради ты не нашла
записей, чистой она вся была,*

*и удивилась тогда очень ты,
глядя на чистые эти листы.*

*Точно тебе не могу описать,
где расположен «Кёйкап», рассказать.*

*Тайну Вселенной открыть не могу
ни одному на Земле существу.*

*Лишь потому записать не смогла,
о чём при встрече рассказывал я.*

*Место познало то чувством своим,
восприняла его сердцем одним.*

*На место нужное прибыли мы,
записи можешь делать свои.*

*После этой медитации получены строки дастана
на 332–387 страницах.*

ШЕСТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

30.05.1996 г. 14-й лунный день. 360° 00' 04"

*Сегодня четверг, значит, что бы ни случилось,
я должна встретиться с Жайсан Ата.*

*Уже долгое время лежу, больная в постели.
Опухоль, появившаяся с правой стороны живота,
с каждым днём увеличивается, кажется, что мои
действия напрасны. Как только в небе засверкали
все звёзды, зажгла свечу, прочитала молитву за
Жайсан Ата и вышла в путь. Когда довольно далеко
удалилась от дома, стали невидимы огни на улицах,
спустился Нуршоола, и я услышала голос на-
шего отца:*

*Свет мой, если не скажешь мне, я
знаю, кровь красная в теле твоя*

*с каждым днём убывает, и ты
в постели дни проводишь свои.*

*Месяц уже не вставала и я
знаю, что ты пожалела меня.*

*Не пожалела душу свою,
мой Свет, веками плача, пою.*

*Такую душу ещё не встречал,
нашёл тебя, о том долго мечтал.*

*От каждого дневных мучений, забот,
не отказалась ты, наоборот,*

*терпишь с достоинством, и ты – моя
Алтынай, также терпела она.*

*Отцу, страдающему своему
родила сына, в глаза врагу*

*прямо смотрела, вперёд всегда шла,
смелой, отважной в бою была.*

*Что мне сказать, Акчабак моя,
знаешь – «Жайсан»¹ ведь моя мечта,*

*его рожденье оба ждём мы,
объединились наши мечты.*

На мои мысли: «С того дня, как мы встретились и я записала первые строки стихов, Жайсан Ата требует, чтобы я эти строки никому не показывала. А Шакин агай открыл музей, поставил там копии рукописей. Он всё показывает приходящим людям. Говорит, что скоро Эркинбек² заплатит деньги, и он издаст книгу. Правильно мы делаем или ошибаемся?» – отец наш ответил:

*Если подрежут крылья тебе,
ногу подставят, то быть беде.*

*Жайсан, отец твой, наверно, тогда
исчезнет он, пропав без следа.*

¹ «Жайсан» – имеется в виду книга, которая должна выйти в свет под этим названием.

² Эркинбек – аким Джумгальского района.

*Как впечатлительно сердце твоё,
горькие ранят слова его.*

*Жалел потому тебя очень я,
думал, не выдержишь эти слова.*

*Пока дастан не получишь сполна,
он полностью будет записан, тогда*

*его хотел показать людям я.
Вам скажу, светочей пара моя,*

*если желанье такое у вас,
то пусть исполнится всё, в добрый час.*

*Принял я книгу с названьем «Жайсан»,
если оценит народ сей дастан,*

*и посчитает, что правильный он,
а Шарыпкул в намерении своём*

*чист будет, песню-дастан чтоб отдать
людям, начнёт его распространять,*

*поверь ему, с ним согласна ты будь,
ведь знает он дела этого суть.*

*Помощь тебе, говоришь, оказал
больше, чем сын родной, помощником стал.*

*Народа жумгальского глава Эркинбек,
благословляю его я вовек.*

*Пусть будет путь широк у него,
сердце познает радость его.*

*И благодать пусть познает душа,
плоды своего увидит труда.*

*Не оскудеет пусть чаша его,
сердцем познает пусть счастье своё.*

*Пусть даст Творец чистую, как вода,
жизнь ему, сбудется его пусть мечта.*

*Шарыпкул радостно сердцем поёт,
знаю о том, всё как надо идёт,*

*и на свои всё встанет места,
не раз о том говорил тебе я.*

*Пусть дело, которое начали вы,
удачу несёт, радость ждёт впереди.*

*Тревога сейчас на сердце моём,
она душу гложет, скажу я о том,*

*что сердце волнует. Болезнь твоя,
так долго длится, с тобой вместе я*

*несу груз мучений. О, Свет мой, смотри,
стоишь посреди своей дороги ты.*

*К выздоровлению дорогу найди,
узнав болезнь, к здоровью иди.*

*Из кар жилик¹ ты попроси
наштар² сделать, рану скорее вскрой ты.*

¹ Кар жилик – плечевая кость мелкого скота.

² Наштар – подобие скальпеля.

*И чтобы более рана твоя,
не беспокоила, скорей зажила,*

*мясо грудинки сороки отбив,
лечись, на рану её наложив.*

*В месяце этом, прошу я тебяя,
остановить работу пока.*

*Приготовленьем лекарства займись,
и от болезни скорей излечись.*

*Очень серьёзно к лечению ты
отнесись, встреча нас ждёт впереди.*

*Свет мой, всегда будь сердцем со мной,
на новолунье встречусь с тобой.*

С помощью этой медитации получены, расшифрованы и записаны строки дастана на 388–490 страницах.

Конец раздела медитаций первой книги.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В апреле 2006 г., в моей голове стали возникать слова, которые каким-то непостижимым образом складывались в рифму. Читая эти, записанные на бумаге слова, я с радостью и удивлением понимала, что это стихи. Так я стала писать стихи, и это было настоящим чудом! Да, я всегда любила поэзию, музыку, живопись, театр, но никогда прежде не писала стихи.

Говорят, что нет ничего случайного в нашей жизни. И это правда. Ровно через год, в апреле 2007 г., мне предложили заняться переводом на русский язык дастана «Айкёль Манас». К своему стыду, я не читала эпос «Манас», а только слышала о нём. Предложение мне показалось странным, ведь эпос «Манас» был уже переведён на русский язык. Но мне объяснили, что это новая информация, которую получает во время медитации Бюю Мариям. Я согласилась, но признаюсь, очень сомневалась. Смогу ли? Ведь писать свои стихи это одно, а писать по построчнику, максимально точно передавая информацию, это совершенно другое. И всё-таки я решила попробовать. Небольшой отрывок из дастана, который я перевела, отдала директору издательства «Бийиктик» Кадырову Жумадину.

К моей радости он положительно отозвался о переводе. Почему-то мне очень захотелось познакомиться с Бюю Мариям. Может быть, проникно-

венные строки стихов меня подтолкнули к этому? Но я очень хотела увидеть эту женщину. Перед нашей с ней встречей, волновалась. Как воспримет Бюбю Мариям мой перевод? Понравится ли он ей?

Войдя в комнату, я увидела женщину. Нас познакомили. Это была Бюбю Мариям. Она встала, подошла ко мне и, обняв меня, сказала: «Таня, я это – ты, а ты это – я». Я, не ожидая такого искреннего и радушного приёма, растерялась. И ещё я почувствовала родство душ.

Такое бывает, когда встретишь близкого по духу человека. Душа моя от радости пела.

Началась моя работа над переводом дастана «Айкёль Манас».

17 мая 2007 г. мне приснился удивительный сон. Я видела себя спящей со стороны. Какой-то мальчик, в старинной одежде, наклонившись надо мной, что-то быстро и тихо говорил мне на ухо на непонятном языке. Я стала повторять за ним слова, язык мой, казалось, двигался с огромной скоростью. Затем мальчик отдалился. Я сказала: «Всё, дастан «Айкёль Манас» я знаю весь». Проснувшись, я ещё долго ощущала чьё-то светлое присутствие, и огромную радость в душе.

С того дня писать стало легче. Я читала построчник, (т.к. не знаю кыргызский язык, приходится переводить по построчнику) осмысливала информацию, пропускала её через сердце, и в моей голове возникали нужные слова, которые складывались в стихи.

В 2007, 2008 г.г. над переводом дастана работала мало, т.к. в то время работала на производстве и ухаживала за тяжелобольной мамой. За два года была переведена незначительная часть книги. Но весной 2009 г. появилась возможность уйти с

работы и заниматься только переводом дастана. С апреля по декабрь 2009 г. был переведён почти весь дастан. Перевод закончила 12 декабря 2009 г. Позже с удивлением узнала, что бюю Мариям повторную работу над первой книгой дастана «Айкёль Манас» закончила 12 декабря 2005 г. Удивительное совпадение.

Сначала я не осознавала глубину и значимость дастана, но по мере работы над переводом, всё глубже проникала в суть информации, передаваемой в книге. Меня поразила глубина знаний, описание событий, рассказанных в дастане. Словно, кинокадры возникали перед внутренним взором события, люди. Я писала, пропуская через своё сердце эту информацию, плача и страдая, радуясь и восхищаясь, вместе с героями дастана. Каждый раз, когда мне было трудно что-то осознать, понять информацию, приходила помочь через сны или через озарение, когда перед моим внутренним взором возникали картины из дастана. И работа продолжалась.

В дастане «Айкёль Манас» даётся информация об истории кыргызского народа, его традициях и духовном наследии.

Дорогие читатели! Я надеюсь, что Вы получите неизгладимое впечатление от прочитанной книги.

*Пусть Ваши души наполняются Светом.
Татьяна Аладина.*

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Раздел медитаций (Первая часть).....	11
Возвращение Алмамбета	99
Письмо Каныкей	101
Тал-Чоку	135
Последняя просьба Алмамбета	158
Воспоминания Алмамбета	187
Путешествие в историю кыргызов	199
Завещание Сянь-Фаня	223
Рождение Алтынай	240
Рано закончившееся детство Алтынай	272
Испытание Великого Хана	306
Рождение Алмамбета	336
Учёба Алмамбета в Кёйкапе	364
Жестокое задание Азиз-хана	392
Возвращение на Родину	427
Раздел медитаций (Вторая часть)	491

Жайсан Умет уулу
АЙКЁЛЬ МАНАС
Дастан

Первая книга

Редактор *Жумадин Кадыров*
Корректор *Эллегия Мусаева*
Компьютерная вёрстка *Рая Терибаева*

Формат бумаги 84x108^{1/32}. Объем 36,0 п.л.
Заказ № 452. Тираж 10000.

ОсОО «Бийиктик»

г. Бишкек, ул. Ю. Абдрахманова, 170 «А»
Тел.: 66-17-25, 66-19-18